

реальность фантастики

№ 4 2009

Повесть:

Дарья Булатникова
«ОСИНОВЫЙ КРЕСТ»

Рассказы:

Юлия Зонис
«ЗАЧЕМ СОБАКЕ
ПЯТАЯ НОГА?»

Вячеслав Дыкин
Далия Трускиновская
«ЯКОРЬ СПАСЕНИЯ»

Юрий Нестеров
«МЕДАЛЬ ПОСМЕРТНО»

Критика:

Г.Л.Олди
Андрей Валентинов
«КОНЕЦ - ДЕЛУ ВЕНЕЦ»

В.Горец
«НЕ СТРЕЛЯЙТЕ
В ПЕРЕВОДЧИКА»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 4 (68) 2009

Проза

1. Дарья Булатникова	/ ОСИНОВЫЙ КРЕСТ <i>Мертвая бабочка, сухим трупиком</i>	4
2. Юлия Зонис	/ ЗАЧЕМ СОБАКЕ ПЯТАЯ НОГА? <i>Двое на веранде распивали куаровый</i>	70
3. Вячеслав Дыкин, Далия Трускиновская	/ ЯКОРЬ СПАСЕНИЯ <i>Говорят, он до сих пор шастает</i>	94
4. Сергей Бережной	/ ЧЕРНЫЕ ДОСПЕХИ <i>В прадедовские времена среди мастеров</i>	106
5. Сергей Пальцун	/ МАРТА И КОТИК <i>Мы встретились, точнее, столкнулись.</i>	118
6. Юрий Нестеров	/ МЕДАЛЬ ПОСМЕРТНО <i>Полковник Васин приехал на фронт один.</i>	128
7. Артем Белоглазов	/ МАГ ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ <i>Он был высок, худощав и невозмутим.</i>	138
8. Михайло "Zira" Зіпунов	/ РОЗВІДКА БОЄМ <i>Зупинку в Сарнах не можна було назвати</i>	146
9. Андрей Жуй	/ ЧАСЫ ОГЮСТЕНА НУАРЕ <i>Сегодня часы Огюстена Нуаре</i>	152
10. Роман Дибров	/ МЕНГИР <i>Джума вернулся в родные степи</i>	156

Критика, публицистика, обзоры

11. Павел Амнуэль	/ ОТДЕЛ ГЛАВНОГО ЭНЕРГЕТИКА	160
12. Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов	/ КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ	168
13. В. Горец	/ НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПЕРЕВОДЧИКА	180
14.	/ РЕЦЕНЗИИ.	184

Репортаж

15. Марина Комиссаренко,
Борис Сидюк / ОТКРЫТИЕ ИТАЛИИ191
16. Алекс Мустейкис,
Олег Силин / ПОРТАЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ196

Новости Фэндом

17. Марина Комиссаренко / НОВОСТИ ПРО ВСЕ НА СВЕТЕ199

ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

ОСИНОВЫЙ КРЕСТ

Пролог

МЕРТВАЯ БАБОЧКА, СУХИМ ТРУПИКОМ ХРАНЯЩАЯСЯ между давным-давно заклеенных рам, настраивала на печальный лад. Сколько лет пролежала она здесь?

Дом скрипел и, казалось, раскачивался — словно старый парусник, уходящий в последнее плавание. Скоро дом умрет. Приедет колесный кран с клин-бабой вместо крюка, злобно фыркнет и нанесет дому первый смертельный удар. Но пока дом ещё скрипел, бодрился и боролся с набегавшими ветрами.

Игорь неторопливо обходил комнату за комнатой, квартиру за квартирой. Открывал очередную покосившуюся дверь, осматривал пустые облешенные стены, поскрипывал почерневшим паркетом.

Все, что можно, уже утащили — ободрали изразцы с давно мертвых печей, отвинтили ручки, выключатели и розетки. Даже обои посрывали в поисках старинных шпалер — дому-то больше двух веков. А вот некоторые окна, как ни странно, уцелели. Даже вот эта бабочка, покорно сложившая сухие крылья. Бабочка-крапивница...

Загаженные бомжами комнаты пахли неприлично, словно немытое тело старика. Игорь вздохнул. Он никогда не признавался себе, что жалеет эти старые дома, которым суждено скоро уйти в небытие. Сколько людей родилось, состарилось и умерло в этих дрожащих сейчас на ветру стенах? Сколько смеха и рыданий слышали они? Сколько тайн хранят?

Кстати, о тайнах. В БТИ ему сказали, что у дома большой каменный подвал. Обычно секреты прячут подальше от света и людского ока.

Скрипучая лестница прямо из подъезда уходила вниз. Странно, но амбарный замок на двери уцелел, и Игорь сорвал его маленькой фомкой, с которой никогда не расставался, нося её в чехле на брючном ремне. Подвал дохнул сыростью и запахом спертости пространства. Фонарик мощным лучом рассек темноту. Впрочем, темнота была не полной — несколько зарешеченных продухов под потолком давали скупой свет, достаточный, чтобы кое-как различить препятствия на пути.

Игорь погасил фонарик и медленно пошел вдоль сложенной из крупного бутового камня стены, постукивая по ней фомкой. Камень отзывался равномерным звоном, и Игорь шел, не останавливаясь. В одном месте звук вдруг сменился — стал гораздо глуше. Фонарик. Ага, тут заглушка трубы. Кладка другая. Понятно. Дальше.

Снова диссонанс. Свет. По стене идет кабель — в кладке деревянные пробки для скобок. Ничего интересного.

Пахнуло тленом — крыса. Сдохла давно и стала почти как та сухая бабочка. Странно, что её не сожрали сородичи. Или это была последняя крыса, не

сумевшая выбраться из каменного склепа, после того как продухи закрыли частыми и прочными решетками? Впрочем, судьба крысы Игоря особенно не волновала.

Его занимало другое. Даже не то, что детектор некроматерии, привычно охватывающий запястье оставался темным. Нет. В этом плане дом был чист. Дело было в занозе, появившейся внутри в ту минуту, когда он открыл старую подъездную дверь. Своим предчувствиям Игорь привык доверять. А они сегодня почему-то шли вразрез с детектором.

Он ещё несколько раз прошелся фонариком по стенам, осматриваясь. Это были обычные вещи – выходы коммуникаций, ремонтные работы. Пару раз попались под ноги вывалившиеся камни, но, в общем, подвал был ещё крепким. Тонкая заноза, скорее всего, относилась к бабочке и крысе. Но пришлось облазить всё. Всё, для гарантии. Он вздохнул и повернул к выходу.

Уже взявшись за металлическую скобу, приколоченную к двери, обернулся и в последний раз осмотрел подвал. Глаза, привыкшие уже к сумраку, охватили его весь разом. Подвал не отпускал. Не в крысе и бабочке дело. Он не ошибся. Скрипнула и снова упрямо затворилась дверь.

Игорь вернулся. Теперь он шел осторожно и медленно, на одних носках кроссовок, почти на цыпочках. Присел, не решаясь стучать. Долго сидел, прислушиваясь к себе. Две едва заметных впадины в полу, и если бы он не искал, то никогда не заметил бы их. Просто слегка просевший каменный, присыпанный давным-давно отвердевшей песчано-цементной смесью пол. Два прямоугольника – побольше и поменьше.

Наконец, отпустило. Теперь он видел. Он сделал свою работу. Придут другие и вскроют. Потом Арам расскажет, кто тут лежит. Хотя он и так уже знал – женщина и ребенок. Девочка. Игорь ощущал их полуистлевшие тела под слоем цемента. Как бы он хотел ничего не найти. Не удалось.

Он посмотрел на датчик. Судя по нему, под ногами ничего не было. Стрелки неуверенно плавали у края циферблата. Почти фон. Кто-то, похоронивший здесь этих двух, похоже, знал о датчиках. И защитил могилы, в надежде, что осмотром займется не специалист.

Что же, Араму это наверняка не понравится.

И вопросом «зачем» теперь будет задаваться он.

Здесь – кончено. Сегодня ещё один дом. И завтра – два. В одном из них точно что-то есть. Но это все будет завтра.

Запищал мобильник, Игорь вздрогнул. Выпрямился и, доставая на ходу из кармана трубку, пошел к двери. Шеф вышел на связь, требовал вернуться на базу.

Услышав выстрелы, прогремевшие в тишине, Женя даже не вздрогнула. Подняла глаза от вязания и равнодушно взглянула на экран. Достали эти триллеры – нагнетают, нагнетают... а в итоге герой или героиня всё равно спасётся и будет в непотребном виде тяжело дышать и закатывать глаза. Вот

и сейчас – злодея пристрелил таки некий subtilный индивидуум, приползший из ванной с окровавленной мордой. Тьфу, гадость!

Она выключила телевизор, закрыла окно и надела ошейник на изнывающего у двери Арчи. Едва успевая за истоиво рвущимся вперед скотчем, она вылетела в наполненный влажной темнотой двор. Недавний дождь напоминал о себе чавканьем под подошвами кроссовок и запахом мокрой зелени. Отцепив поводок и позволив собаке бегать там, где ей заблагорассудится, она присела на краешек влажной скамейки. Зябко вздрогнула и уставилась на несущиеся по черному небу ещё более черные тучи, между которыми изредка проблескивали робкие звезды.

Она слушала топот быстрых лап Арчи, и вдруг ей захотелось тихонько поплакать. Вот сидит она одна-одинёшенька в этой сырости и никакие радости жизни её не ждут. А когда вернется домой – будет одна-одинёшенька лежать с книжкой в постели, пытаться уснуть. И книжку-то ей придется читать дурацкую, купила утром с лотка неизвестно что – про девицу, которая мужикам кишки маникюром выпускала. Глупость какая.

На этой мысли плакать Жене окончательно расхотелось. А захотелось иметь длинные платиновые ногти, чтобы вонзить их в мякоть брюшко главврача. О-о-о, какое бы это было наслаждение – погрузить острые коготки в шефовы внутренности и, не спеша, покопаться в них... Сладостные мечты прервал Арчи, с разбегу ткнувшийся мордой в её колени – пора, мол, домой. И правда, пора...

В подъезде пахло кошками. Пес несся вперед, смешно загребая короткими лапами на поворотах, – знал, что дома ждет ужин. Женя нашла ключ в кармане ветровки и остановилась у двери. Но тут Арчи повел себя странно, – он вдруг поставил торчком черные уши, заскулил и, спотыкаясь от волнения, кинулся вверх по лестнице. А так как жили они на втором этаже двухэтажного старого дома, то выше их площадки лестница вела уже на чердак.

Когда Женя взбежала следом за собакой на узкий изгаженный людьми и животными помост перед чердачной дверью, она поняла, что скучного вечера ей точно не видать – на грязных досках, скрючившись, лежал человек. Лицо его она не видела, но выглядел он отнюдь не бомжом – хорошая кожаная куртка, черные джинсы и ботинки на толстой подошве. Руки лежащего были в крови, он прижимал их к животу и не шевелился.

– Эй! Вы живы? – окликнула Женя мужчину. Тот в ответ что-то промычал и открыл глаза.

– Лежите и не двигайтесь, сейчас я вызову «скорую помощь», – произнесла она, пытаясь и таща за собой ошавевшего Арчи.

Но раненый, несмотря на рекомендацию, приподнялся и попытался схватить её за руку, хрипло бормоча:

– Не надо никого звать, со мной всё нормально – отлежусь и пойду. Прощу вас, – он умоляюще взглянул на неё черными глазами, и сердце Жени дрогнуло.

2

Начальник отдела изучения некроматерии Арам Рафаэлович Диланян по прозвищу Рыбка Моя в нетерпении метался возле лабораторного джипа. Едва Игорь подъехал, как шеф кинулся к его «фольксу» и буквально выволок из-за руля.

— Что же ты, так долго? Менты нас ждать не будут, рыбка моя. Садись, поехали!

Игорь едва успел передать дежурному ключи от машины и просьбу отогнать её к своему дому. Что-то ему подсказывало, что к офису они сегодня не вернутся. Уж больно взбудоражен шеф. Хорошо бы к полуночи домой поспать.

— Что случилось? — спросил он, усаживаясь в джип.

— И тебе здорово, — буркнул с заднего сидения Митя Круглов, недавно принятый в их небольшой коллектив лаборант. Они обменялись рукопожатиями.

Прославился Митя сразу, в первый же день работы в «Омеге». Начальника ЛИН до него никому даже в голову не приходило называть дядей Арамом. ЛИН — лаборатория изучения некроматерии — до размеров отдела уже выросла, но аббревиатуру сохранила прежнюю.

Диланян прыгнул за руль — никаких водителей он в принципе не признавал, считая их излишеством, и гонял по столице с умопомрачительной скоростью под аккомпанемент зубовного скрежета гаишников. Арам Рафаэлович, обладатель двух высших образований, двухкомнатной хрущовки и ангельского характера, не любил также «мигалок» и воя сирен, предпочитая совершать свои дорожные выкрутасы тихо и молниеносно. Единственное, на что он вынужден был согласиться, — опознавательные надписи на джипе, и то лишь потому, что это было личное распоряжение Малицкого.

— С чего такой аврал? — повторил свой вопрос Игорь, когда они выехали с территории. Следом выкатился джип со спецгруппой Кобры, и одно это уже выглядело нестандартно.

— Паляничко позвонил, — ответил Арам. — Какая-то чертовщина у него в районе, около кладбища. Семь трупов.

— Огнестрел? — удивился Лагода. — А мы тут при чем?

— Ах ты ж, рыбка моя! — рявкнул начальник, показывая волосатый кулак пытавшемуся его подрезать парню на «лексусе». — Я же сказал — чертовщина. Всех семерых загрызли.

— То есть как? — Игорь почесал в затылке. От района Паляничко цирк находился — будь здоров! И зоопарк был далеко в стороне. — Зверь?

— Не знаю, — Диланян почмокал губами и проводил взглядом белокурую девицу в кабриолете. — Семеныч зря не звонит. Там, говорит, человеческих костей в отвалах — море...

— Ясно... — помрачнел Игорь.

Майор Паляничко в свое время расследовал дело об обнаружении человеческих останков в приделе одной церкви. Тогда они и познакомились — над выложенной из берцовых костей пентаграммой. Пентаграмма оказалась

идиотской выходкой местных псевдосатанистов, которых Игорь вместе с майором вычислили влегкую. Диланян же с тех пор получил возможность выезжать на подобные дела с целью контроля за уровнем некрофона в жилых районах.

— А Кобра что там забыл? — глянул в зеркало заднего вида Игорь.

— Малицкий откомандировал. Семь трупов — не шутка.

— За нас боится?

— Это вряд ли. Но там следаков с экспертами уже целая орава собралась.

— Не будет проблем-то?

— Надеюсь. Семеныч ситуацию понимает... У тебя что там с домами-то? — не отвлекаясь от руля, поинтересовался шеф.

— Один посмотреть успел, — ответил Игорь. — Вечером будет рапорт.

Он не хотел обсуждать двойное захоронение в подвале сейчас, надо было подумать. Хотя бы до завтра. Слишком уж молчаливой была эта могила. Что же там такое может быть, помимо останков? Почему не сработал детектор?

Он вздохнул. Да, скоро туда придут ребята с отбойниками, и старый дом содрогнется от грохота. Потом эксперты примутся колдовать. Диланян, как он это делает всегда, помнется несколько минут, повздыхает, снимет телефонную трубку и договорится о перезахоронении. Все это будет потом. А сейчас подвал вспоминался своей оглушающей тишиной. Вот именно — оглушающей. Это и тревожило Игоря.

— Темнишь ты что-то, — прищурился на него шеф.

— Темню, — согласился Лагода.

3

Она считала себя неудачницей. С самого детства. Ну что поделаешь, если росла она не в семье, а между родителями, словно соревнующимися после развода — кто заключит больше новых браков. Вот и моталась Женька из одной квартиры в другую, пытаясь ужиться с новыми отчимами и мачехами. Но как только всё вроде бы устаканивалось, тут же начинались пертурбации, и снова приходилось пить полусладкое шампанское на очередной свадьбе и переезжать. В конце концов, после окончания школы её поселили в квартире недавно умершей бабушки, и все окончательно забыли о ней. В институт она не смогла поступить, закончила медучилище, и сейчас, в свои двадцать семь, считала себя старой девой. Неудачницей с грошовой зарплатой и отсутствием абсолютно всего, что обычно относят к жизненным ценностям. Одна гадалка сказала Жене, что на ней лежит венец безбрачия, и предложила снять его за тысячу баксов. Если бы у неё были деньги, она бы их отдала, не задумываясь. Но денег не было, а значит, придется и дальше жить с этим самым венцом. Вот только некоторые несут его гордо, а у неё не получается... Противно чувствовать свою ущербность. Жене казалось, что у неё на лице постоянно написана жалость к самой себе.

Забегав в квартиру, она схватила с полки пару полотенец, одно из них намочила под краном, отжала, и бросилась обратно. Раненый, морщась, пы-

тался встать, но не удавалось — ноги в крови скользили, а опираться он мог только на одну руку, вторую прижимал к животу, словно боясь, что вывалится изнутри.

— Лежать! — скомандовала Женя. Но только Арчи недоуменно последовал приказу и брезгливо лег брюшком на грязные доски. Раненый же только удивился и снова попытался приподняться, догадавшись упереться ногой в дряхлые перила.

— Лежите, я сказала! — в её голосе звучал профессиональный металл. Все же она была медсестрой хирургического отделения, и повидала всякое. — Если не хотите, чтобы я немедленно вызвала «скорую», то дайте хотя бы рану осмотреть. Не бойтесь, я медик, так что смогу оценить, помрете вы немедленно, или ещё немного помучаетесь.

Мужчина изумленно глянул на неё, но перестал дергаться, тем более что хлипкий брусок подался под его ботинком и со скрипом накренился. Теперь перила выглядели словно иллюстрация к учебнику по технике безопасности в быту.

— Вот так, расслабьтесь, — она взяла мужчину за плечи и заставила лечь навзничь. Потом отстранила его руки и принялась ловко расстегивать одежду. Раненый застонал и закрыл глаза. Живот был весь в липкой крови, да и света явно не хватало. Тогда Женя вытащила из кармана куртки дежурный фонарик, который всегда брала с собой на вечерние прогулки с собакой. Фонарик пришлось держать в зубах, потому что одной рукой она бы не справилась. Через пару минут ей удалось осторожно оттереть влажным полотенцем кровь на неповрежденных участках тела, и стали видны границы раны. Вернее, ран, потому что живот был разодран в трех местах. Причем именно разодран — лоскутья мяса и кожи выглядели крайне неприятно, словно мужика рвал когтями огромный хищник. К счастью, брюшная полость цела, повреждения большей частью поверхностные.

— Кто это вас так? — выплюнув в ладонь фонарик, спросила Женя. — Тигр или Фредди Крюгер?

— Неважно, — проскрежетал раненый. — Что там?

— На первый взгляд ничего страшного. Вроде бы, брюшная полость не задета или почти не задета. Но нужно обязательно продезинфицировать и зашить, конечно же.

— Сами сможете?

— Я-то смогу. Но лучше вызвать бригаду, они заштопают как надо. И проверят, нет ли более глубоких ран. Если нет, то дня через три выпишут.

— Мне нельзя в больницу, как ты не понимаешь! — Услышав, что его жизни пока ничего не угрожает, мужчина заговорил куда спокойнее и мягче. — Они меня найдут и прикончат. Если можешь меня спрятать и подлатать, я тебе заплачу. Хорошо заплачу.

— Думаете, что я настолько ненормальная, что втащу в собственный дом постороннего типа с разодранным животом? — покачала головой Женя. — Да ещё такого, которого ищут, чтобы убить?

То, что ситуация неординарная, Игорь понял, как только они подъехали к месту происшествия. Диланяну пришлось несколько раз просигналить, прежде чем майор их заметил и велел пропустить сквозь оцепление. Переваливаясь на рытвинах, джип подкатился к передвижному вагончику-балку, около которого стояли несколько бело-синих «фордов» и «УАЗиков». У многих все еще тревожно крутились на крышах проблесковые маячки.

— Наука приехала, — коротко отрекомендовал их грузному полковнику милиции Иван Семенович Паляничко. Тот важно кивнул, покосившись на лейбл «ОМЕГА». Лаборатория ИН», наклепленный на лобовое стекло джипа.

Об управлении «Омега», несколько лет назад созданном при МЧС, среди представителей силовых структур ходили туманные легенды. Омеговцы появлялись там, где возникали нестандартные ситуации, справиться с которыми обычными средствами не удавалось. Они справлялись и тут же исчезали. Это если вообще кто-то помнил, что они появлялись. Но на недавнем совещании у Малицкого тот специально устроил разнос любителям стирать память без особых на то оснований — из чистого искусства. Поэтому некоторая информация о делах «Омеги» стала просачиваться и за её пределы. Нерушимым табу оставались любые контакты со СМИ и прочими любителями сенсаций.

Игорь прыгнул на утоптанную землю и огляделся. Тут явно прокладывали коммуникации — неподалеку от вагончика замерли экскаватор, бульдозер и «КамАЗ», груженный стальными трубами немалого диаметра. Чуть дальше — над глубокой траншеей стоял трубоукладчик.

— Теплотрассу тянут, — пояснил майор хмуро. — Во-он туда, там новые дома уже начали строить. Обычное дело. Позвонила женщина, у неё тут сожитель трудился, она в обед к нему заехала, а тут... конец света натуральный.

Тут только ноздри Лагоды уловили запах. Сладковато-тошнотворный запах несвежей крови. Впрочем, запах смешивался и с внутренними ощущениями. Некрозмании здесь был сильны, но, скорее всего, фонило кладбище. Его кирпичный забор с металлическими решетками, за которым виднелись плотно льнущие друг к другу надгробья, виднелся метрах в семидесяти. Они всегда фонили, эти старые московские кладбища.

— Показывай, — тоже нахмурился Диланян, поводя носом.

Паляничко молча подвел их к траншее. Шириной она была метра два и тянулась наискосок от забора кладбища, перерезая поросший травой невысокий земляной вал. В этом месте глубина была не меньше четырех метров, скорее даже пяти. Часть труб была уже уложена — в два ряда. Но это дальше, а тут...

Вначале Игорь увидел спины. Несколько человек копошилось на дне траншеи, что-то собирали, рассматривали и фотографировали.

— Один тут, и два подальше, — сквозь зубы комментировал майор.

Арам Диланян, щурясь, разглядывал сверху то, что ещё несколько часов назад было людьми, — разорванные кровавые клочья, куски мяса, вдавлен-

ные в свежую землю. Один труп лежал навзничь, со вскрытой грудиной и распоротым животом. Лица не было — его словно сорвали, оставив жуткую кровавую маску.

— М-да, — протянул Игорь и оглянулся.

Круглов стоял за Диланяном, жадно вытянув шею.

— Ты это, Мить, — бросил через плечо бледному лаборанту начальник ЛИН, — в машине подожди.

Парень расстроено вздохнул и заковылял к машине. Видеть такое ему было явно рановато. Картина бойни и на привычных производила впечатление.

— Двух расчленили, — тем временем бубнил майор. — Ещё один — в кабине экскаватора, тоже живот вырван. Второй — возле туалета, — он кивнул на деревянную будку, — а ещё трое — в кабине трубоукладчика и рядом. Похоже, перекуривали...

— Как будто стая тигров орудовала, — Диланян ещё раз глянул в траншею. — Ну, а то, о чем ты говорил?

— Кости-то? В отвалах лежат... И в земле на срезе видны. Но не это главное.

Тут майор достал большой удивительно белый носовой платок и тщательно промокнул им взмокший лоб. Потом пожал плечами и оглянулся на высокие чины, беседующие около бытовки.

— Ни на что это, ребята, не похоже — ни на тигров, ни на маньяков... Доставайте свою аппаратуру, чую, что это... это... В общем, из земли оно вылезло, там и дыра есть.

И ещё раз оглянувшись, майор милиции Иван Семенович Паляничко широко и истово перекрестился.

5

Наверняка коллеги предали бы Женю анафеме за то, что она решилась на это.

Самым сложным было спуститься по чердачной лестнице. Неизвестный норовил упасть и всем своим весом наваливался на отнюдь не атлетические плечи девушки.

Когда они с трудом добрались до двери квартиры, а затем и до разложенной диван-кровати, оба были практически без сил. В четыре руки стащили кожаную куртку и рубашку. Изодранную майку проще было разрезать. Ботинки и джинсы — долой.

— Лежите спокойно, — велела Женя и бросилась к шкафу. Стерилизатор был на месте, бинтов и марли достаточно. С обезболивающим хуже, но не смертельно. Зато есть снотворное.

— Спасибо вам, — прошептал он, когда игла впиалась в края обработанной антисептиком и перекисью раны. — Спасибо...

— Будет немножко больно, — раз за разом повторяла Женя. А сама в душе проклинала собственную уступчивость. Надо было вызвать скорую, надо было везти его в больницу. Все это может плохо закончиться — что если начнется заражение, он ведь лежал ничком на грязном полу.

— Противостолбнячную прививку когда делали?

— Ну откуда я помню... Давно.

Вот ведь!

Женя принесла поилку, оставшуюся ещё после долго хворавшей бабушки, приложила её носик к пересохшим губам.

— Пейте, только немного.

— Спасибо.

Он отпил глоток невкусной кипяченой воды и отключился. Просто на сознание опустился черный непроницаемый занавес, и исчезло все — и испытанный ужас, и боль, и ощущение безысходности.

Женя тыльной стороной ладони убрала со лба непослушную прядь волос и продолжила зашивать раны. Работы предстояло ещё немало.

А парню просто повезло — на пару сантиметров глубже, и все обстояло бы куда хуже. Да и сейчас ещё неизвестно.

Она посмотрела на бледное, покрытое обильной испариной лицо. Интересно, кто он? И почему его хотели убить таким странным способом?

Когда она заканчивала «художественную штопку», как называли это у них в отделении, в тишине комнаты внезапно послышался странный зудящий звук. Словно огромный шмель бился в стекло. Женя вздрогнула и прислушалась. Звук доносился из кармана валявшейся в старом кресле куртки. Помедлив и ещё раз посмотрев на крепко спящего незнакомца, она решилась.

В кармане оказался кожаный футляр размером с толстенький покетбук. Расстегнув молнию, девушка увидела дрожащий и рычащий мобильный телефон и небольшой контейнер из хромированной стали.

Отвечать или нет? Наверняка звонит кто-то из родных или друзей раненого. Она им только скажет, что он в безопасности. Только это.

Когда она нажала кнопку приема и тихо произнесла в трубку «Да?» в мобильнике послышался приглушенный баритон:

— Передай... этому — пусть вернет то, что взял. И учти — мы знаем, где он.

Женя в ужасе молчала, не зная, что сказать.

— Позвоню завтра в десять утра. И не вздумай выключить телефон.

В трубке послышались короткие сигналы. Она осторожно, словно ядовитого паука положила аппаратик на стол. Потом выдохнула и вернулась к недозашитой ране. Оставалось сделать ещё несколько стежков, но дались они ей с трудом — так дрожали руки.

6

Первым в траншею по металлической лестнице спустился Лагода. Два медэксперта покосились, на него, но ничего не сказали.

— Что за орудие? — спросил Игорь, присматриваясь к труп без лица.

— Больше всего похоже на остро заточенные вилы, — буркнул один из экспертов. Второй защелкнул чемоданчик и прокашлялся.

— Пока не забирайте, я тут немного... поколдую, — Лагода глянул на запястье.

Детектор показал резкое повышение уровня некроматерии.

— Колдуй, — пожал плечами первый эксперт и двинулся вперед по траншее. — Жуланов, пошли к следующему.

Оставшись один на один с растерзанным телом, Игорь постарался отключить все ненужные органы чувств — в первую очередь обоняние. Потом поводил рукой над трупом. Да уж, чего тут только нет: фон от кладбища, второй фон — кости в срезе, мертвец и... ещё что-то.

— Рыбка моя, — раздался голос Кобры с вершины траншеи. — Ты место проникновения искать будешь?

Лагода поднял голову.

Вася Коваленко, по кличке Кобра стоял на краю траншеи, расставив ноги в высоких ботинках. Крутой рейнджер, гроза нечисти и защитник ботаников из ЛИН.

— Спрыгнуть хочешь? — невольно поморщился Игорь. — Так прыгай.

— А нафига? — хмыкнул Кобра. — Мне и здесь неплохо.

Диланяна, Лагodu и весь отдел некроматерии Кобра слегка презирал, всячески подначивал и ехидничал при каждом удобном случае. Куда уж нам, подумал Игорь. У нас не отдел, а проза жизни. Завалы регистрирующего оборудования, кабинетные споры за полночь и тонны исписанных бумаг. Рутинa, обочина великой битвы магов. А у Кобры — романтика астральных драк, укрощений демонов и груды побежденных вампиров с осиновыми колями в груди.

Игорь опустил голову и пошел по траншее дальше.

Через пару шагов остановился в недоумении, потряс рукой. Впервые на его памяти детектор завибрировал. Лагода, конечно, знал, что вроде бы есть такая функция — вибросигнал, но сам еще ни разу не чувствовал тревожный зуд на запястье. Шкала детектора багровела прямо на глазах. Игорь попятился.

— Что там? — рявкнул напрягшийся Кобра.

— Диланяна позови, — сквозь зубы ответил Игорь. — И Митьку с нейтрализатором. Тащите сюда пушку, быстро!

7

Герман Петрович Резников поерзал на обитом светлой кожей сидении, устраиваясь поудобней и с отвращением сознавая свою громоздкость и неуклюжесть. Он никогда не умел, как другие, усаживаться в машину вальяжно и комфортно, хотя уже много лет ездил почти исключительно в дорогах служебных иномарках.

Потом Герман Петрович с неудовольствием покосился на мелькающие за окном фасады. От Москвы он уставал примерно за месяц, и уставал сильно. Наваливалась тоска — по катастрофически разболевшейся матери, по дому, в котором она осталась под присмотром сестры, по Тэсси — старой грузной сенбернарихе, которую он не мог забрать в столицу, потому что сердце у псыни слабое, и перелет могло не выдержать. Но больше всего Резников тосковал по простору — дома все было огромным: суровая широченная река с

поросшими кедровником берегами, горы, синеющие на горизонте, небо, так не похожее на прокопченное низкое небо мегаполиса.

И хотя семья жила тут, с ним, этого явно было недостаточно. Жена осваивала мир московского бомонда, сын Виталик пропадал в своем университете, а Анка... Анка, кажется, переживала первую любовь и вообще никого вокруг не замечала.

Герман Петрович вздрогнул от звонка.

Мамонт.

Так они звали губернатора. Он и был похож на мамонта — высокий, сутулый, с лохматой головой и крошечными недобрыми глазками. Что-то опять не так? Что?

— Да, Василий Алексеевич, Резников слушает.

Так было положено отвечать, хотя кто ещё мог отозваться по мобильнику, кроме его владельца?

— Герман, как идет подготовка... к выставке? — голос Мамонта рокотал в трубке, словно раскаты грозы. — Вы сделали все, что должны были?

— Пока не все, — честно ответил Резников. — Но мы постараемся. Возникли... небольшие проблемы.

А вот тут он слукавил. Проблемы у них возникли отнюдь не маленькие. Если верить тому, что рассказал Мышкин, и что он сам прочитал в протоколе, оперативно добытым тем же Мышкиным. Но ситуация пока не стала критической, и для её исправления задействовано все, что только можно.

Резников тяжело вздохнул, ожидая разноса. Но губернатор неожиданно спокойно произнес:

— Ну, раз ты, Герман, считаешь, что проблемы небольшие и... решаемые, то значит, справитесь. К моему прилету.

— Основная часть работы проделана, Василий Алексеевич, осталось немного. Экспозиция выстроена, — Герман Петрович сделал небольшую паузу, выделяя последнюю фразу. Приходилось изъясняться так, чтобы те, кто мог услышать этот разговор, не уловили смысла. А слушать могли, ох как могли. И было кому.

— Вот и ладненько, — почти весело ответил Мамонт. — Экспозиция должна быть на высоте. Да, хочешь посмеяться? Представляешь, какое мне, старому тертому калачу, тут дерьмо готовят? — он раскатисто рассмеялся. — Генпрокуратура с третьей проверкой нагрянула. Хотят нарыть побольше и «самому» на стол выложить. Чтобы Вонючке задницу прикрыть. Так что, надеюсь, ты понимаешь, насколько мне важна эта ваша экспозиция! А уж благодарным я быть умею, ты это знаешь.

— Конечно, Василий Алексеевич, — Резников покосился на затемненное стекло, отделяющее пассажирский салон от водителя. Оно было плотно закрыто.

Место, около которого взбесился детектор, выглядело так, словно из бокового среза траншеи метрах в трех ниже уровня земли вынули изрядной

величины камень. Но ничего похожего рядом не было — только комья рыжеватого суглинка, почерневшие ребра да пара берцовых костей. Кости виднелись повсюду. Отсвечивали желтизной в земле, словно ковш экскаватора прошелся по заброшенному кладбищу. Игорь несколько раз видел подобное. Но тогда кости обычно лежали на одном уровне — на «минус два» вперемешку с остатками сгнивших гробов. А тут только останки — навалом, просто засыпанные грунтом. Массовое захоронение — обычный в смутные времена способ лаконичных похорон. Либо с санитарными целями — в случаях эпидемий и мора, либо...

Лагода осторожно поддел щепкой свод желтовато отсвечивающего черепа. В кости зияло аккуратное отверстие. Игорь поднял голову, обвел край траншеи взглядом. Должно быть, когда-то на месте вала был ров. На его краю их и ставили: женщин, стариков, детей. Или только мужчин. В зависимости от того, когда и кто это делал. Расстреливали, а потом методично добивали выстрелами в затылок. Кого-то закопали живьем. Раньше тут была глухая московская окраина. Хорошее и спокойное место для грязных дел.

Внутри него все звенело, словно натянутые струны. Слишком сильно, слишком резко.

Ну почему же эти работяги, царствие им небесное, никого не вызвали? Видели же наверняка человеческие останки! Существуют четкие инструкции. Есть же совесть, в конце-концов! А может, просто не успели? Или решили не тормозить работу и вновь похоронить кости в земле? А то ведь набегут, все разроют как попало, да ещё и памятник какой-нибудь поставят... А им семьи кормить надо, деньги зарабатывать, а не ждать.

— Семеныч от этой дыры в панике, — Диланян поводит своим детектором вдоль среза и досадливо поморщился. Жужжание послышалось отчетливо, а рука немедленно осветилась багровым. — Может, он латентный некро-сенс? Как думаешь, Игорек, что тут было?

— Да, кто его знает...

Игорь задумчиво смотрел на полость, прикидывая, какого размера тварь могла в ней поместиться. Что это именно тварь, нежить, сомнений не было. Технику не обманешь. Или почти не обманешь, поправился Лагода мысленно, вспомнив старый дом.

— Не только было, да. Мы имеем дело не с остаточным фоном, а с наличием объекта или их группы, — Арам отключил вибросигнал, хищно прищурился и потер руки. — Поохотимся, рыбка моя?

Игорь поднял голову и увидел встревоженно заглядывающего в траншею лаборанта. Все, реверансы кончились, и ранимая Митькина психика сразу же отодвинулась на второй план.

— Круглов, ну-ка, спускайся сюда скорее! Кобра, пушку давай, только не урони.

— Знаю, — отмахнулся Коваленко.

Лагода принял из рук Васи нейтрализатор, увесистый параллелепипед, поблескивающий матовыми серыми боками. Раскрыл опоры, вдавил их в землю. Диланян достал из кобуры некрошокер.

— Инструктаж помнишь? — смерил он Митю суровым взглядом.

— Да, дя.... Арам Рафаэлович.

— Поздравляю с первым боевым вылетом, — торжественно произнес Диланян.

Даже Кобра смолчал.

— Ты это, сынок, — вручая Мите шокер, добавил Арам. — Если что не так пойдет, забудь про инструкцию, понял? Драпай во все лопатки, и чтобы духу твоего здесь не было!

— А... — растерялся лаборант.

— Я свистну если что, — успокоил сверху Кобра. — Арам, может лучше мне?

— Не положено, — отрезал Диланян, проверяя зарядник. — Твое дело кулаками махать, а тут — специфика. Лучше попроси майора убрать из траншеи посторонних.

Звучало это достаточно эпатажно — убрать следователей и экспертов, занятых осмотром места преступления. Но Кобра справился — спустя несколько минут все «посторонние» поспешно выбрались из траншеи, опасливо поглядывая на трех непонятных субъектов, оснащенных неизвестным оборудованием. Можно было только догадываться, что им наплел изобретательный Вася.

— Поехали, — кивнул Игорь. — Готов.

— За дело, други, — выдохнул Арам. Седина в его темных волосах сверкнула в лучах выглянувшего из-за туч солнца. Поседел Диланян рано и во многом благодаря работе.

— Поехали, — пискнул Митька, сжимая в ладони рубчатую рукоятку шокера. Было ему всего шестнадцать лет, и в «Омегу» он попал после очередного этапа «Черного Замка». Школу можно и экстерном закончить, а тут — такие люди...

Игорь, взяв в обе руки щупы нейтрализатора, принялся определять направление удара. Получалось, что основная концентрация некроматерии была чуть ниже дыры. Излучатель «пушки» регулировал Диланян. А Митька просто стоял и ждал, округлив глаза. О разорванных трупах в паре десятках метров он уже не думал.

— Есть! — Диланян перекрестьем прицела зафиксировал на мониторе центр пятна. — Приготовиться!

Лагода бросил щупы. Снял предохранители, положил пальцы на клавиши. Клавиш активации было две, и выглядели он словно кнопки запуска торпед на подводной лодке. Впрочем, нейтрализатором, при грамотном использовании, можно было легко вскипятить озеро среднего размера.

— Разряд!

Ничего видимого не произошло — только обнулится индикатор заряда. Обнулится и тут же начал вновь мигать цифрами. Выждав секунд пять, Арам скомандовал:

— Контрольный, разряд!

И вновь — ни звука, ни видимого излучения. Только бледнеющие на глазах экраны встроенных детекторов показывали — попали.

— Готово. Все, шеф, только остаточный фон. Митька, отставить шокер. Кобра, будь другом, кинь в нас парочкой лопат, посмотреть надо, что тут за дрянь такая.

9

Солнце врывалось в комнату сквозь неплотно задернутые шторы. День обещал быть по-настоящему теплым

Открыв глаза, Павел зажмурился. Так и лежал некоторое время, тщательно вспоминая события вчерашнего вечера и подгоняя эти воспоминания друг к другу, чтобы сложить полную картину. До сих пор не верилось, что все это случилось, и случилось с ним. Может быть, он вчера просто посмотрел на ночь фильм ужасов, и все это ему лишь приснилось? Но почему тогда болит живот. Болит, ноет...

Он осторожно сунул руку под простыню, которой был укрыт. Пальцы накнулись на повязку. Значит, не сон.

Застонав, он открыл глаза и заглянул под простыню. М-да...

Внезапно из-за спинки странно развернутого к окну кресла появилась сонно хлопающая глазами голова вчерашней девушки. И она не приснилась.

Некоторое время они растерянно смотрели друг на друга, потом Павел произнес:

— Доброе утро.

— Доброе, — почему-то сердито ответила девушка. — Отвернитесь, пожалуйста, мне нужно встать. Хотя вам лучше не шевелиться.... поэтому просто закройте глаза.

Он закрыл.

И опять из темноты навстречу рванулась черная стремительная тень, рядом кричал, корчась на земле, Лапшин, а те... те трое и Витька Хакимов уже не кричали, разбросанные неподвижными кучами по утопанной земле. И этот запах — запах крови...

Не в силах больше выдержать, он чуть приподнял веки и сквозь ресницы успел заметить ускользающую в дверь фигурку в чем-то белом и коротком. А фигурка ничего, да.

Об этом думать было куда лучше и безопаснее, чем о том, почему он вчера все же остался жив.

Почему эта бешеная тварь не добила его, когда он, прикрывая разорванный ею живот, инстинктивно прижался к стволу ближайшего дерева?

Почему?

— Ночью вам звонили, — услышал он рядом.

Девушка, уже облаченная в бесформенный спортивный костюм, стояла рядом с диваном и протягивала ему трубку мобильного телефона.

— Обещали перезвонить в десять. Сейчас без десяти девять.

— Кто обещал? — спросил он, с изумлением глядя на незнакомый аппарат — дешевый, давно устаревшей модели. — Это не мой мобильник...

— И не мой. Он позвонил ночью, когда вы уже... отключились. Я решила, что это вас ищут.

— И ответили? — холодея, спросил Павел.

— Да. Потом-то я поняла, что не надо было этого делать. Но я растерялась. — Помолчав и видя, что он никак не реагирует, спросила: — Как вы себя чувствуете?

— Нормально.

В его голове сустились самые разные мысли. Каким образом к нему мог попасть этот телефон? Только одним — он лежал в том самом футляре, который нужно было отвезти заказчику и получить за него деньги. Да, Лапшин пару раз звонил тем, которые... которых...

«Отдай им это и забери кейс» — приказал Лапшин. Дело было обычным — трое на трое, ребята страховали, так что неожиданностей не должно было произойти. Но когда он увидел автомат в руках того амбала, которому протянул футляр, инстинкт сработал мгновенно — вбок и перекастом под защиту машины. Очередью его могли достать, но выстрелов не было.

Выстрелов не было, потому что их настиг дьявол. Темный, с мутными большими глазами, он молнией пронесся по площадке за гаражами, где происходила встреча и передача заказа. И спустя несколько мгновений все было кончено. Дьявол добил Лапшина и бросился на него. К тому времени Павел успел лишь вскочить на ноги и отпрыгнуть к дереву.

В этом прыжке его и достали острейшие клыки-лезвия... И спасло какое-то чудо. Или ствол, за который он ухватился?

Дьявол отпрянул и бесшумно исчез, словно его и не было.

А Павел все стоял и стоял, вцепившись в спасительное дерево, не в силах расстаться с ним и чувствуя, как по животу стекает теплое и липкое. Почему он не попытался сесть в машину и уехать? Почему, зажимая руками раны, побрел к ближайшим огням, оказавшимися окнами небольшого двухэтажного дома? И когда успел сунуть в карман проклятый футляр? Если бы он знал!

— Что с вами? Вам плохо?

— Нормально, — опять выдавил он из себя. — Что они хотели?

— Требовали, что бы вы вернули им что-то.

Она запнулась и неожиданно произнесла:

— Меня зовут Женя Шутова. А вас?

— А меня — Павел. Павел Ладожский.

Он взял из её холодных пальцев телефонную трубку и поморщился. Неприятности продолжались. Если, конечно, это можно назвать неприятностями.

Вообще-то у подобных ситуаций куда более жесткие названия.

10

Лопаты неспешно резали плотную слежавшуюся землю, извлекая из неё то ислевшие башмаки, то ржавые железки. Кости Игорь вынимал и аккуратно откладывал в сторону. После берцовых пошли тазовые.

— Смотри-ка, одежда, кажется, — Диланян поддел острием черные расползающиеся клочья. — Юбка что ли?

— Не юбка, — через некоторое время произнес Игорь. — Ряса. А вот и... Что за черт?

Начальник отдела поморщился — его смущала привычка подчиненного к месту и не к месту упоминать рогатого. При их-то работе.

— Кресты... Смотри-ка, Арам. Впервые такое вижу.

На вынудой из раскопа земле виднелся крест — сильно окислившийся серебряный с жалкими остатками когда-то довольно толстой цепи. И второй — тоже крест, но из осклизлого гнилого дерева. Видно было, что когда-то он был искусно покрыт резьбой.

— Батюшка-то из наших был, — задумчиво произнес Диланян, разглядывая находки. — Водились и среди православных попов знатные охотники за нечистью. Пакеты есть? Это надо срочно экспертам передать. Пусть попробуют породу древесины определить. В сопроводилровке это особо отметить.

— Понял.

Игорь достал из кармана несколько самоклеящихся пакетов и осторожно упаковал оба креста. Боясь, что они окончательно рассыплются, положил на панель нейтрализатора.

Дальше копали быстро и молча. Горка человеческих костей росла и увенчалась черепом. Одно пулевое отверстие — в затылочной части. Мир тебе, отче, и светлая память.

Оба они — и Игорь, и Арам, уже примерно представляли, что произошло. В последнем своем падении священнику удалось подмять под себя минимум двух вившихся рядом с расстреливаемыми некрофагов.

А вот, пониже, и один из них, вернее, то, что от него осталось — обугленные, почти испепеленные разрядом кости и какая-то зеленая слизь. Лагода брезгливо отбросил их в сторону лопатой и поднес детектор. Фон в пределах нормы. Теперь не оживет.

Надо найти какое-нибудь ведро и сложить.

— Что это было? — Митька громко сглотнул слюну.

— Нежить, — коротко ответил Арам. — Более точно определим в лаборатории. Классифицируем, туды их в качель. А теперь, ребятки, проверьте на всякий случай все тут. Вдруг этих кис было больше.

Игорь молча кивнул. Просканировать участок нетрудно.

Но одну тварь точно упустили. И где она теперь, можно только догадываться.

Подобные дела ему не слишком нравились. Но выбирать не приходилось. Они — команда, и если обрушат Мамонта, то он потянет за собой всех. Поэтому Резникову, возглавлявшему представительство администрации Н-ской области при Правительстве Российской Федерации, пришлось заниматься совершенно несвойственными ему вопросами. И хотя начальник службы безопасности губернатора Джабиев обеспечивал «техническую поддержку», всеми «организационными моментами» ведал лично Герман Петрович. Минимум посвященных — жизненно важное правило в подобных случаях. Поэтому о сути предстоящей операции знали только Резников, Джабиев и «его человек» — Никита Мышкин, бывший фээсбэшник.

Герман Петрович шумно вздохнул и вновь попытался найти более удобное положение на суперкомфортных упругих подушках. Хотя понимал, что не найдет. И дело было не в его неуклюжести, а в состоянии души. Это она пыталась протестовать.

Голос водителя из динамика спросил:

— В выставочный центр едем, Герман Петрович? Или сначала завтракать?

— Завтракать, — буркнул Резников.

Когда они получили информацию о том, что Олег Гиганов, N-ский олигарх и депутат Госдумы собрался «топить» Мамонта, вначале забеспокоились не слишком — не впервой. Отношения губернатора и Гиганова давно были на грани открытой войны, и демарши предпринимались обеими сторонами. Мамонту очень мешал сталелитейный и машиностроительный магнат, обладающий к тому же депутатской неприкосновенностью и связями на самых высоких столичных уровнях. А Вонючке, как прозвали олигарха в губернаторской команде, крайне не нравились финансовые потери, которые он нес благодаря пристальному вниманию областных структур к его бизнесу.

Гнойник рос и не мог однажды не лопнуть.

Время настало, и это чувствовали все.

Мамонт решил нанести упреждающий удар. Один. Смертельный.

О том, кто из посвященных после этого уцелеет — в буквальном смысле этого слова, — думать не хотелось. Но Мамонт не дурак, ему преданные люди и дальше понадобятся.

Особенно, проверенные на крови.

12

— Так, — сказал Глеб Петрович Малицкий, — это все, что мы имеем на сегодня?

— Пока — все, — кивнул Диланян.

— Значит, Арам, опять некрофаги объявились?

— К несчастью, да.

— И какие есть соображения? — Малицкий почему-то уставился на Игоря.

Соображений хватало с избытком. Накануне вечером они всем отделом спорили до хрипоты. Вадим Сапунов — гурӯ аномалий — рекомендовал тотальное сканирование окрестностей. Арам напирал на архивы — городские, кладбищенские и КГБ, а Саня Биладш — старейший эксперт-консультант по некрофагам вообще разошелся и предложил ввести в Москве комендантский час. В целях профилактики. Он был вызван в кабинет шефа прямо с дня рождения приятеля, поэтому мыслил своеобразно.

Свежую струю внес Митя, скромно сидевший подальше от корифеев в стороне.

— А что такое вообще эти некрофаги? — поинтересовался он.

Биладш немедленно пустился в объяснения, а Игорь, закатив глаза к потолку, прикинул, сколько раз уже это слышал. Получалось прилично. Он

вспомнил, как на стажировке тот же Саня Билаш, загибая пальцы, твердил им с кафедры прописные истины. Некрофаги — существа, имеющие физическую сущность и питающиеся энергией, выделяемой умирающими людьми или животными. Это раз, коллеги. Их привлекают «места смерти»: скотобойни, больницы, хосписы. Два, пометьте себе. Ведут тайный, почти исключительно ночной образ жизни, ловко скрываются, практически незаметны и относительно безопасны. Мелкие тварюшки, о существовании которых мало кто подозревает. Но — Билаш привычно поднимал палец и окидывал их, желторотиков, взглядом со значением. Безопасны они до поры до времени. Если уровень смертности резко повышается, некрофаги вспоминают о размножении. И тогда питания им требуется все больше и больше. Отдельные особи начинают охоту, становятся агрессивны и крайне опасны. Кроме того, обретают способность на телепатическом уровне чувствовать «запах смерти» и часто заранее появляются там, где готовится убийство. Лучше — массовое. Их туда тянет, как магнитом. Часто наносят опережающие удары, действуя быстро и беспощадно.

Заканчивал свои лекции Саня всегда одинаково и скромно:

— Однако благодаря усилиям вашего покорного слуги и Рыб... то есть Арамчика, в Москве некрофагов не осталось. В пределах МКАД — уж точно. Вот было времечко...

Он мечтательно закатывал глаза. Судя по архивам «Омеги», времечко действительно было — отдел носился над столицей на арендованном у пожарников вертолете и фиксировал всплески. А потом Саня лично мочил их из пушки. Но все это были, как помнил Игорь, мелкие экземпляры, размером с мышей и крыс. Любопытно, подумал Лагода, вспомнив дыру в траншее. А кто-нибудь когда-нибудь встречал некрофага ростом с крупную собаку? Размерами с дога, например?

Эту мысль он озвучил лектору.

Билаш глотнул воды из стакана.

— Я лично никогда не встречал, — признался он. — Но — слышал, от Лоса. А тот — от своего учителя. Была одна популяция в районе Кузьминок. Некрофаги ростом с теленка. Зубы — во! Как у саблезубых тигров. Но их ещё до войны истребили. Зачистку проводили настоящие мастера, сейчас таких нет.

— Для охоты на носорогов, нужны, прежде всего, сами носороги, — философски заметил Диланян. — Зачем ты так, Сань? Мастеров и сейчас хватает... Вот, Игорь, наш, например...

Наверное, поэтому Глеб Петрович и ждал сейчас ответа от Лагоды.

— Это очень крупный некрофаг, — после паузы ответил Игорь. — В своем роде уникальный. Большие размеры, концентрация некротатерии приближается к единице.

— А мощности нейтрализаторов хватит на такого красавца?

— Думаю, да, — кивнул Игорь. — Даже уверен, что хватит.

— Сколько нам надо людей для отслеживания твари на всей территории города? Скорость передвижения прикидывали?

Малицкий смотрел на него, крутя в руках карандаш.

— Сложно сказать, Глеб Петрович. Судя по картине возле траншеи, перемещается очень быстро. Никто из жертв не успел среагировать. Никто не убежал, не спрятался. Да и вообще, семь человек для такой массы — пустяки. Думаю, есть всего два варианта: либо она отползла на некоторое расстояние и обессилила, не найдя подкормку, либо активно ищет новые жертвы.

— К какой версии склоняетесь больше?

— Ко второй. Не найти пищу в большом городе — это вряд ли.

— Итак, — подытожил Малицкий, — мы имеем крупного голодного некрофага почти в центре города. Замечательно. — Он посмотрел на Диланяна. — Наши действия?

— Ловим и ликвидируем, — хмыкнул Арам. — Хотя, конечно, любопытно было бы поймать такой экземпляр для вивария.

Лагода недоуменно на него покосился, а Малицкий отрицательно покачал головой.

— Не тот случай, — сказал он. — Здесь — однозначная ликвидация.

— Как скажете, — с искренним сожалением произнес Диланян. — Тогда я свяжусь с Паляничко. Он кстати, недавно перешел в ГУВД работать, так что полномочий у него прибавилось. Думаю, он и без напоминаний сводки отслеживает, ищет аналогичные убийства. Да и наш отдел контроля, — он посмотрел на скушающего Антона Шуваева, мрачно рисовавшего чертей на бланке заявки, — наверное, не откажется помочь.

— Не откажется, — поднял Шуваев голову.

Между контролем и ЛИН частенько случались скандалы, виной которых почти всегда оказывался взрывной темперамент Диланяна.

— Отлично, — облегченно кивнул Арам. — Прикинем по карте, что из источников некроэнергии есть поблизости. Ну и... У меня из головы этот священный не выходит. Он и мертвый удерживал эту нечисть столько лет.

— Да, если бы экскаватор не порушил погребение, — кивнул Малицкий, — тварь не выбралась бы.

— Надо стариков около кладбища порасспрашивать, — неожиданно предложил Игорь.

— Зачем? — удивился Шуваев.

— Кладбищенский социум, — пояснил Лагода. — Довольно стабильное явление, как это ни странно звучит. Люди, приходящие туда, регулярно общаются, передают всякие байки о погосте. И если до этого что-то было — точно вспомнят.

— А что? Светлая мысль, — согласился Малицкий. — Арам Рафаэлович, пометь себе. Захоронением этим уже вплотную занимаются: и археологи, и «Мемориал», и даже, по-моему, ФСБ... Наверняка как раз сейчас вокруг него апогей разговоров. Должны всплыть если не свидетели, то те, кто в курсе. Только психопатов отсеивай, Арам, а то наплетут сто бочек арестантов... И последнее.

Он открыл лежавшую на столе папку. Пошуршал листами бумаги.

— Я об этом, — выложил он на стол вчерашний рапорт Игоря. — Что думаете предпринять?

В рапорте Лагода вкратце изложил историю, приключившуюся с ним в доме. О женщине и девочке, погребенных в подвале и о бездействовавшем детекторе. Арам быстро пробежал написанное глазами, сказал свое обычное: «Хорошо, рыбка моя» — и сунул в стопку бумаг. Игорь решил — для истории. Оказалось, что нет.

— Думаем отправить группу, — пожал Диланян плечами. — Вскроем могилы, будем разбираться.

— Арам, дорогой ты мой, — вздохнул Малицкий. — Ты вообще понимаешь, что это значит? Это значит, что наши детекторы не годятся ни к черту. Четыре года работы опытного цеха — псу под хвост. И самое главное, что противник об этом знает. Он маскирует захоронения, Арам! Он прячет от нас свои следы! Сколько еще проникновений мы упустили за это время?

— Думаю, это первый случай, — осторожно ответил начальник ЛИН.

— Думаешь?! — нахмурился Малицкий. — Значит — думаешь?! Вместо того, что бы срочно разобраться, как такое вообще могло произойти, вы собираетесь искать некрофага практически с голыми руками. Неужели ты не понимаешь, что без нормально работающих приборов наши спецгруппы станут беззащитными?! Мы же не можем Лагоду клонировать, чтобы он за детекторы работал!

— Не можем, — согласился Арам. — К сожалению. Но есть ещё пара перспективных пареньков и девушка...

— Это откуда? — удивился Шуваев.

— Э... — замялся Диланян. — С «Приморской» базы, Мартынов мне написал.

— Вот даже как, — сказал Малицкий. — Мартынов, значит, принялся за трудоустройство молодежи. — Карандаш в его руке вдруг с треском сломался пополам. Малицкий несколько мгновений рассматривал обломки, потом кинул их в пепельницу. — Значит, так, Арам Рафаэлович. Никакой молодежи вы не получите. Более того, Игорь Лагода будет вплотную заниматься подвалом. Приоритетно! В поимке некрофага, на которую даю вам ровно, запомните, ровно три дня, он сможет принимать лишь факультативное участие.

Арам захлопал беззвучно губами, словно рыба, выброшенная на берег. Такого поворота дела он явно не ожидал.

— Глеб Петрович, — вмешался Шуваев, — может быть, придадим ЛИН для усиления кого-то из других отделов? Все-таки лучшего сенса забираем...

Малицкий мгновение подумал.

— Хорошо, — согласился он и поднял взгляд на Диланян. — Кого возьмешь, Арам?

Вместо шефа ответил Игорь, совершенно ошарашенный происходящим.

— Дайте нам Кобру, — глупо брякнул он.

Малицкий покачал головой.

— Ну, наглецы, — с оттенком восхищения произнес он. Покосился на Шуваева. — Учись, Антон! Лучшего бойца под шумок к рукам прибрать решили! Ладно, Игорь, Вася — ваш. Но чтобы с подвалом вы мне разобрались не-

медленно! Сейчас... — Глеб Петрович глянул на часы, — девять тридцать. По коням!

Проводив взглядом последнего из покидавших его кабинет подчиненных, Малицкий устало закрыл глаза. Ему непросто давалась роль руководителя — приходилось перекрывать на время внешние каналы, потому что неэтично читать мысли подчиненных о самом себе. Конечно, они тоже были не лыком шиты — умели блокироваться. Но не все, далеко не все.

Приятное состояние расслабленности — перед полной концентрацией.

Вспомнился давний ночной звонок и голос в трубке. Глеб — тогда его ещё не звали Глебом Петровичем — только что вернулся от обрушившегося торгового центра — искал живых и мертвых под обломками. Как шутили измотанные спасатели — искал лучше собак. Полная опустошенность и усталость. И гудящий в трубке голос министра — тоже усталого и опустошенного. Он — он сам! — убеждал Глеба Малицкого, что время сенсов-одинок прошло. Пора создавать структуру. Специальную структуру, которая объединит людей с необычными способностями и поставит их на службу обществу.

Это «на службу обществу» насмешило и добило Малицкого. Прижимая трубку плечом к уху, он прошлепал босиком к холодильнику, плеснул в чайную чашку обжигающе-холодной водки, выпил и согласился.

Жалел ли он потом об этом согласии? Редко. Потому что понимал — министр с широким мужицким лицом все равно создал бы «Омегу». Она должна было появиться. И она появилась. Контора по борьбе с чертовщиной — как обзывали их управление матерые спасатели, знавшие, что «чертовщина» таки существует. И бороться с ней должны спецы.

«Омега» выросла из Малицкого, как дерево из семечка. И сейчас это дерево было уже сильным и разветвленным. Он сам сначала подбирал людей — Ласикова, Диланяна, Шуваева, Билаша... А уже они приводили новые кадры. Тот же Лагода — редкий уникум, едва не погубленный собственным даром.

Сейчас в систему проверки и отбора входили несколько спецпроектов на телевидении и в «Черном замке», тренировочная база. Да и «щупачи», окопывающиеся в метро и на вокзалах и сканирующие толпу в поиске латентных магов — тоже давали результат.

Магами в «Омеге» для краткости называли всех обладавших паранормальными способностями. Все остальные классификации — боевики, слухачи, телики, уники — были придуманы на ходу. Да так и остались.

Малицкий потянулся, собирая рассеянную энергию, и встал. Арам не подведет — в этом он был уверен. Но какой ценой обойдется поимка взбесившегося некрофага, Глеб Петрович пока не знал. Поэтому и отдал Диланяну Кобру.

Женя ушла гулять со своим смешным, похожим на сапожную щетку псом. Павел лежал и смотрел в потолок. Желтые разводы в углу — следы старой протечки, трещина, похожая на диаграмму. Что делать?

Судя по всему, они действительно знают, где именно он прячется. Он сам принес сюда маячок-шпион. Имея некоторое оборудование, отследить включенный мобильник по его номеру не составляет труда. Он ещё раз повертел в руках футляр и металлический контейнер-параллелепипед. Сбоку виднелась плоская утопленная кнопка для его открывания. Внутри в гнездах из поролона лежали шприцы. Десять штук. С виду обычные одноразовые шприцы на пять кубиков, заполненные желтоватого цвета жидкостью. И отдельно — две пластиковые ампулы с такой же водичей.

Что это — наркотик, яд? За этот контейнер им должны были передать кейс с деньгами. И даже если этот кейс, запертый на кодовый замок, заполнен деньгами не полностью, все равно, сумма должна быть немаленькая. Плюс меры предосторожности, предпринятые обеими сторонами. Плюс то, что их совершенно определенно хотели ликвидировать.

На часах было без пяти десять. Разодранный и заштопанный живот болел, хотя и терпимо.

Щелкнул замок входной двери — его спасительница вернулась. Может быть, зря она не оставила его истекать кровью на чердачной лестнице?

Она вошла, раздумывая от утреннего воздуха, в руках был пакет с булками и минералкой, а в глазах вопрос.

И тут же, словно по заказу телефон зажужжал и затренькал. Павел специально включил звуковой сигнал, чтобы не пропустить звонок. От него зависело слишком многое.

14

Сообщение об очередной бойне застало майора Паляничко в тот момент, когда он смотрел сон. Обычный ментовский сон с непонятным субъектом, убегающим от преследования, с темными подворотнями и мутными фонарями. Иван Семенович ненавидел подобные сны, но другие видел крайне редко.

Жена сонно заворочалась, когда он буркнул в трубку:

— Высылайте машину. Да, спускаюсь.

Бледный рассвет сочился сквозь шторы.

Осмотр места происшествия в пять утра — продолжение ментовского сна. На этот раз «земля» была не его. Коллега, тоже майор Вася Булкин позвонил Семеновичу больше из эгоистических соображений — слух о трупах около Завьяловского кладбища прошумел накануне по всему ГУВД. Вот и хорошо бы сбегать эту гадкую историю — пусть ею занимается специальная группа, которую обычно создают для поимки серийников. А он, Вася, уж лучше обычной поножовщиной займется.

С пятью разорванными и изуродованными трупами провозились почти до десяти часов. Паляничко пытался несколько раз дозвониться до Диланяна или Лагоды, но телефоны не отвечали. Наконец, Арам отозвался.

— Приезжай, — крикнул Иван Семенович и продиктовал адрес. — И поторопись, тут скоро уборкой займутся.

Лагода как раз закончил упаковывать оборудование, когда Диланян приведением возник за спиной.

— Семеныч сообщил — объявился наш монстр, — бодро сообщил Арам. — Ты, рыбка моя, никак по своим подвалам собираешься?

— А куда мне деваться? — буркнул Игорь.

— Ай-я-яй! — вскричал Арам, ухватил его за локоть и потащил за собой, словно буксир баржу.

— Надумал бросить старика, да? — причитал он на ходу. — И на кого? На Кобру с его понтами? На Митьку, новичка бестолкового? Как не стыдно, товарищ Лагода!

— А Малицкий? — попробовал отмахнуться Игорь.

— Потом Малицкий, — скороговоркой произнес Арам. — Потом подвалы. Все — потом. А сейчас быстро в машину.

Он выдернул мобильник откуда-то из-под полы пиджака.

— Митька, срочно стоняй в аккумуляторную, — распорядился Диланян. — Понимаю, что ты занят, все понимаю, дорогой. Бросай все и — туда! Сними аккумуляторы и вместе с ними — в машину! Аллюр три креста, рыбка моя!

— Что, опять? — вылетел им навстречу по коридору Билаш. В его руке был зажат надкушенный бутерброд с сырокопченой колбасой. Лагода сглотнул слюну — из кабинета Сани аппетитно пахло свежесваренным кофе. Живут же люди. А у нас то подвалы, то расчлененка. Ни поесть, ни поспать.

— Опять, — прищурился Арам, — а ты думал!

— Сколько на этот раз?

— Пятеро.

— Я с вами, — неожиданно предложил Билаш. — Хочу там принюхаться. Авось пригожусь.

— Тогда быстрее давай, там уже дело к финишу идет!

Саня махнул рукой на недопитый кофе и, давясь хлебом с колбасой, вместе с Игорем помчался к лабораторному джипу — впереди самого Диланяна, пытавшегося дозвониться до Кобры и узнать, где того черти носят.

Герман Петрович вернулся в представительство в половине двенадцатого, по дороге заехав в павильон. Хотя «по дороге» — крюк в пол-Москвы. Но ему надо было вновь и вновь убедиться, что приготовления идут нормально, что ничего неожиданного не случится. Ему нужно было загонять как можно глубже страх перед тем, что может случиться из-за какой-нибудь глупости или чьей-то небрежности.

Джабиев позвонил ему трижды, заверил, что место, где находится антидот, определено со стопроцентной гарантией. После этого стало полегче. Ведь ночью он звонил по контактному телефону практически наобум. Но — повезло, глупец не догадался его отключить.

Резников слушал уверенный голос Марата и испытывал гигантское облегчение оттого, что происшествие при передаче контейнера — всего

лишь нелепое стечение обстоятельств, а не козни Вонючки. Именно этого он и боялся больше всего — Гиганов обладал звериным чутьем и мог узнать, догадаться. Мог завести в их команду свою крысу, в конце концов. Но нет — курьеров и ликвидаторов угробил какой-то левый маньяк. А что такое маньяк, когда на карту поставлено фактически все? Да тьфу!

Главное — антидот не попал в руки милиции, его унес какой-то уцелевший балбес, того уже отследили, дом блокировали, и скоро контейнер будет у них.

Резников еще раз напомнил — никто ничего не должен знать. Ни одна живая — он подчеркнул это слово — душа. Джабиев хмыкнул. Пусть хмыкает — вина за то, что произошло, целиком на нем. Они с Мышкиным облажались по полной программе. Вот пусть и исправляют.

Идея ликвидации Вонючки исходила от самого Мамонта. Двум зверям в одной берлоге стало окончательно тесно. И если он не сделает этого сегодня, то его самого уберут завтра. Это было понятно всем. Вопрос заключался только в том — как? Как физически устранить крайне осторожного и хитрого соперника и при этом остаться вне подозрений? Первое было решаемо, второе представлялось невыполнимым. Потому что вне подозрений в случае гибели олигарха Гиганова его самый главный враг остаться не мог. Ни при каких обстоятельствах. Почти ни при каких.

Но задача была поставлена, и её нужно было решить.

Они и решили.

Благодаря прежним связям Мышкина, как подозревал Герман Петрович, вышли на Химика.

О нем не должен знать никто — это было одним из условий согласия Химика на сотрудничество. Да, собственно, и сам Герман Петрович был крайне заинтересован в том, чтобы его контакты не светились. Так что правила игры он принял. Догадки о секретных лабораториях бывшего КГБ и о том, что некоторые их сотрудники смогли уйти из-под колпака, оставались лишь догадками. Химик — существо абстрактное, нематериальное и не имеющее лица и адреса. Нет человека, нет следов.

Химик — это цепочки посредников, которые обрываются трупами. А трупы — самые лучшие свидетели. Молчаливые. Настоящий профи — одиночка.

Газовый заряд в выставочном павильоне был установлен лично Химиком. И он же активировал взрыватель с часовым механизмом. Ночью, когда Джабиев снял всю охрану. Наутро обнаружилось, что заодно уничтожены и отключенные камеры видеонаблюдения — просто для профилактики.

Трупы камер — так это про себя назвал Резников.

Деньги за работу должны были перечислить банковским переводом в Канаду, на подставное лицо. После получения антидота. Но контейнер оказался в чужих случайных руках. Химик ушел с линии связи, и найти его невозможно, во всяком случае, в оставшееся время.

Выставка открывается послезавтра.

Ровно в полдень Мамонт и Вонючка будут стоять перед объективами телекамер в сверкании фотоблицев и пожимать друг другу руки. Ровно в двенадцать двадцать во время брифинга сработает заряд, и смертельный газ заполнит павильон, украшенный нарядными стендами, макетами цехов нового завода и аэропорта и гирляндами воздушных шаров. Ровно в двенадцать тридцать пять в павильон войдут спасатели в противогазах. Но депутат Гиганов к этому времени будет мертв.

А Мамонт — госпитализирован с отравлением. Но жив. Если, конечно, они сумеют вернуть антидот.

О том, будет ли жив он сам, и Джабиев, и ещё один человек свиты, Герман Петрович старался не думать.

Будут.

Марат сказал, что они обнаружили контейнер.

На всякий случай он набрал номер телефона, по которому оставлял сообщения для Химика. Телефон был заблокирован, что неудивительно. Наверняка и симка уничтожена.

Резников опустился в кресло. И оно, эргономическое и тщательно подогнанное под его фигуру, вдруг показалось ему жестким, как скамья подсудимых.

17

Ситуация на вытоптанной площадке за двумя рядами бетонных гаражей очень напоминала вчерашнюю. Правда, траншеи с костями не было, а вместо трубоукладчика и экскаватора, уставившись друг на друга слепыми глазами фар, торчали две машины — потрепанный «Опель-кадет» и пятидверная «Нива». Между ними темнели останки тех, кто ещё накануне были вполне благополучными и крепкими молодыми парнями. Впрочем, о благополучии по уцелевшим фрагментам что-либо судить было трудно.

— С оружием приехали. Два «Узи», — тоскливо сообщил Паляничко. Булкин посматривал со стороны на приехавшую «лабораторию», но встревать не решался. Вопрос о передаче дела в ведение ГУВД был практически решен.

— И что? — с любопытством спросил Билаш. — Успели пустить в ход?

— Нет. Магазины полные, следов огнестрела эксперты не нашли. Но ребята непростые. Документов при них — ноль. Машина, — он кивнул на «Ниву», — зарегистрирована на пенсионера — божьего одуванчика с признаками маразма. Дедуля знать ничего не знает, ведать не ведает. Единственный родственник — внук, да и тот — отбывает...

— Понятно, — буркнул Саня, поглядывая на передвигающихся с детекторами от трупa к трупу Диланяна и Лагоду. Судя по выражению их лиц, они обнаружили именно то, что ожидали обнаружить.

— А другие? — он кивнул на «Опель».

— Эти с документами и без автоматов. У одного — пистолет системы ТТ, разрешение имеется. Тоже не стрелял, даже достать не успел. Сотрудники фирмы «Олимп». Наши оперативники сейчас как раз там, трясут директора. Пока известно, что выполняли рядовой заказ. Некто поручил отвезти ка-

кую-то ценность и получить за неё бабки. Нормальная работа, заказ оформлен, квитанция выписана.

— На кого? — подошел Диланян. Углубленный в себя Игорь Лагода следовал за ним тенью.

— А вот это уже в лоб... — Паляничко закатил глаза и вздохнул. — На Иванова Иннокентия Гавриловича. Привет с того света, так сказать.

— Хм...? — не понял Арам.

— Помер этот Иванов два года назад. Но своих, видишь, не забывает, посылочки шлет. Хитрюга — сам не поехал. Наверное, понимал, что шибко рискует. Второй раз помирать неохота.

— Угу, — кивнул Билаш. — Похоже на то. Посылку-то нашли?

— Нет. Нашли кейс, набитый чистойшей ксероксной бумагой. Без отпечатков пальцев внутри. Отсюда делаем вывод, что платить собирались пулями в голову. Но не успели. И посылка — тью-тью... Похоже, унес её третий из команды «Олимпа», некто Павел Игоревич Ладожский. Его пока не нашли...

— А вот это уже интересно, — впился в Паляничко начальник отдела исследования некроматерии. — Уцелевший свидетель, видевший тварь.

— Или тот, кто все это учинил, — пожал плечами майор. — Пока это основная версия. Если сюда приехали шестеро, а выжил один...

— А если семеро? — подал реплику Билаш.

— Шестеро, шестеро. Трое на трое, установлено по следам около «Нивы» и по записи диспетчера «Олимпа». Заказчик — покойный гражданин Иванов — настаивал именно на трех курьерах, хотя обычно ездят двое.

— А квитанция?..

— Осталась у диспетчера. Клиент оплатил заказ через банк.

— Слишком уж навороченная система конспирации, — вмешался молчавший до этого Лагода. — Просто Джеймс Бонд какой-то.

— Скорее, человек-невидимка, — задумчиво ответил майор. — Даже два невидимки. По отпечаткам пальцев ребят с «Нивы» ни одного установить не удалось. Вот что удивительно — с «Узи» ангелы обычно не ездят. Ну, а у вас что? То же, что около кладбищенского вала?

— Да, — мрачно ответил Арам, — оно вылезло там, подкрепилось и отправилось дальше — искать сытный ужин.

— Слышал, Митька? — почти радостно спросил Саня. — Я был прав — некрофаг чует, когда хотят кого-то замочить и пристраивается в кильватер.

— Но почему он не стал дожидаться естественного, вернее, неестественного развития событий, — Игорь перестал, наконец, крутить нормально работающий детектор и одернул манжету рубашки, — а нанес удар раньше? Вот в чем вопрос.

— Очень кушат хотэл, — Диланян редко имитировал акцент, и было это дурным признаком — шеф начинал заводиться. А это было уже чревато бессонными ночами и невиданными авралами.

— Похоже на то. Тварь-то живая... Хотя и нечисть. Хотя кто знает, в скольких местах она успела ещё подкормиться — на все убийства и несчастные случаи не наездишься, — тяжело вздохнул Игорь. — Но если будет что подходящее...

— Понял, — Паляничко вздохнул в ответ. — Запрошу сводки. А вы больше аппараты не отключайте, баламуты. Не дозвонишься.

— Да, мы только у Малицкого в кабинете отключаем, — неизвестно зачем принялся оправдываться Арам. — Не любит он перезвона на совещаниях.

— Как он поживает-то?

— Нормально, вроде.

Лагода посмотрел на наливающееся жаркой погодой небо.

— Мне-то куда теперь, Рафаэлыч? На кладбище? Или в подвал?

— Подвалом займись. А на кладбище мы вместе с Саней двинем, — подумав, решил Диланян. — Хотелось бы узнать, что за поп был такой могучий. Ребята из экспертизы подтвердили — крест у него осиновый был. А это, согласитесь, неординарно.

— Осиновый... — медленно протянул Паляничко и перевел взгляд на дерево, росшее поодаль от осиротевшего «Опея». Серебристо-серый ствол, тонкие чуткие листья.

— И тут осина. И на стволе — следы крови.

— Вот, значит, как этот Ладожский спасся, — констатировал Билаш. — Иудино дерево уберегло.

Глаза его загорелись. Срочно, срочно найти химика-ботаника, провести анализ на молекулярном уровне, выделить из осины вещество, губительно воздействующее на некрофагов. Это будет настоящее открытие! Жаль, что, как всегда, с грифом «ДСП»...

18

Когда Павел нажал кнопку и ответил в трубку «Да, слушаю», Женя вышла. Понесла на кухню купленные булки. Это воспитание такое — выходить из комнаты, если кто-то собирался позвонить или ответить на звонок. Впрочем, оправдываться перед собой смысла не было — она хотела, чтобы он попробовал решить свои проблемы сам. И уже понимала, что часть проблем достанется и ей — хочет она того или нет. Потому что когда они с Арчи ходили в расположенный неподалеку торговый павильон, она вначале почувствовала, а затем и убедилась, что за ними следят.

Вначале сама эта мысль показалась дикой, но ощущение чужого пристального взгляда не исчезало. А затем, отвязывая поводок от стойки для велосипедов (в павильон вход с собаками был запрещен), она заметила неподалеку мужчину с серым скучным лицом. Он делал вид, что читает объявление, но сам не сводил с неё глаз.

Она погладила Арчи и подумала о том, что влипла в весьма дурную историю. Впрочем, она уже поняла это — ночью, после разговора по чужому телефону.

Пока шли к дому, Женя старалась не дергаться и ни разу не оглянулась. А потом, поворачивая за угол, бросила взгляд назад — человек с серым лицом шел следом.

Задумавшись, она едва не прозевала закипевший чайник — он имел способность мгновенно начинать плевать кипятком.

— Женья, — слышалось из комнаты. — Вы где?

Можно было возвращаться.

По лицу Павла было заметно, что разговор вымотал его. Под глазами залегли серые тени, а в самих глазах плескалось беспокойство.

— Поможете мне встать? Пожалуйста...

Ага, это не разговор, а попытки самостоятельно подняться с дивана его измотали. Он не мог толком опереться, а раны не позволяли согнуться.

— Нет, — отрезала она. — Я вас не для того зашивала, чтобы вся работа на-смарку пошла.

— Мне нужно идти, — он смотрел на неё почти враждебно, и объясняться явно не собирался.

— Вы не можете идти, — терпеливо, словно капризного ребенка принялась уговаривать его Женья. — Разойдутся швы и начнется кровотечение. Вы вчера и так много крови потеряли. Хотите свалиться где-нибудь посреди улицы?

Этого Павел не хотел. Но и оставаться тут означало подставлять под удар девушку, которая согласилась помочь ему. Женья не заслужила такого. Поэтому он должен выбраться из дома, а там... там будь что будет. Шансов остаться в живых у него мало, но они есть.

— А ещё я ваши джинсы постирала, — жалобно добавила Женья. — Они были все в крови.

Исчерпав все аргументы, она замолчала и смотрела тревожно и обиженно. Павел на мгновение закрыл глаза. Больше всего на свете ему хотелось ничего не предпринимать, остаться тут, спрятавшись, как в детстве, от всех неприятностей под одеяло. А ещё ему ужасно хотелось есть. Он даже не знал, можно ли ему, но острый голод терзал внутренности, делая ещё более несчастным. Но он мужчина. На голод плевать, а вот её избавить от опасности он просто обязан.

— Дадите мне какие-нибудь старые спортивные штаны? — буркнул Ладожский. — Джинсы на мне все равно из-за повязки не застегнутся.

— Хотите кофе? — помолчав, внезапно спросила Женья.

— А... можно?

— Почему нет? У вас с желудком все нормально. Гипертонии нет?

Ладожский неожиданно обиделся. Неужели он похож на страдающего столь унылым заболеванием?

— Сейчас я сварю кофе, — продолжала, как ни в чем не бывало, девушка. — А вы тем временем подумайте — может быть, стоит посвятить меня хотя бы в часть ситуации. Чтобы я попробовала помочь вам из неё выпутаться. Или хотя бы совет дала.

Она помолчала, потом пошла к двери и с порога обернулась.

— И кстати, за мной вели наблюдение. Не знаете — кто и зачем?

Завьяловское кладбище ничем не отличалось от других старых московских погостов: много зелени, разросшиеся кусты сирени и разнообразие могил —

от помпезных гранитно-бронзовых памятников до заброшенных и почти сровнявшихся с землей холмиков, украшенных в лучшем случае железной пирамидкой или давно не крашеным крестом. Только праздно разгуливающих по аллеям людей меньше, чем на Ваганьковском или Новодевичьем.

А посему и просящих у входа подавание было всего трое.

Арам с сомнением присмотрелся к испитому лицу одного попрошайки, явно сшибавшему на очередную бутылку, и прошел мимо — к инвалиду на костылях и старушке в черном шерстяном платке. Подумав, выбрал старушку. Но когда он начал её расспрашивать, подтянулись и остальные двое — в надежде получить свою лепту.

На вопрос, что говорят о раскопанных под валом костях и не знает ли, кто из местных старожилов о захоронении, бабулька испуганно замотала головой и перекрестилась, пьяница шумно дохнул перегаром и сообщил, что это не иначе бандиты всех порешили «за ваучеры» и тут зарыли. Почему именно за ваучеры, пояснить мужик не смог — ему определенно не нравилось это слово, а посему он считал его корнем всех человеческих бед.

Одноногий нищий молча смотрел в небо с низко парящими облачками, а потом словно очнулся и посоветовал найти Васильевну. Она тут что-то вроде старосты на общественных началах, помимо директора и прочих официальных лиц. Где найти Васильевну инвалид не знал, махнул вдоль центральной аллеи.

— В собес она нынче поехала, — сообщила более осведомленная старушка. Но завтра приходите — будет непременно. Или в церкву зайдите, батюшка там должен быть. Крестил он сегодня.

— А церковь это мысль, — согласился с ним Саня. — Пошли, командир, пообщаемся со служителями.

Одноглавый храм был обнесен невысоким кирпичным заборчиком, в котором виделись ещё два строения. В самой церкви, кроме двух женщин, старательно протиравших утварь, никого не было. Горели лампы, томительно пахло ладаном. Им сказали, что отец Григорий в крестильне.

Диланян и Билаш вышли на крыльцо. Прямо перед ним росла огромная старая осина. Мощеная дорожка старательно огибала дерево.

— Странное место для такого дерева, — задумчиво произнес Саня. — Оно же вроде как не совсем чистым у христиан считается.

Арам ничего не ответил, разглядывая массивный ствол и ветви. Нет, дереву если и было лет шестьдесят, то не более.

— Здравствуйте, — послышался мягкий ровный голос. От одноэтажного домика к ним шел священник в простой рясе, на которой сверкал серебряный крест. Был он ещё не стар, невысок и крепок, словно гриб-боровик. Каштановая вьющаяся борода лишь слегка подернулась сединой. — Вы не меня ищете?

— К вам, батюшка, по поводу найденного захоронения, — сразу взял быка за рога Билаш. — Пытаемся понять, кто и когда был там погребен.

— Царствие им небесное, мученикам... Погребены были не по-христиански, — настороженно ответил священник. — Тайно. Если бы мы знали, что

рядом такое, разве бы молчали... Страшное то время было. Людей умерщвляли без суда, невинных.

— Во времена репрессий?

— Смотря что репрессиями называть, — так же осторожно проговорил отец Григорий. — Но не в конце тридцатых, нет. Раньше. Осьмнадцатый год. По вещам определили, по документам найденным.

Он так и сказал «осьмнадцатый».

— Понятно, — Билаш умолк.

— А вы давно тут... настоятелем служите? — перехватил инициативу Арам. — Я имею в виду этот храм.

— Тринадцать лет уже. Приход небольшой, рядом ещё два храма. Но люди хорошие, светлые. А вы, собственно, в связи с чем интересуетесь? Не с тем ли смертоубийством? Так ко мне уже из милиции наведывались, спрашивали.

— Нет. Вернее, не совсем в связи с этим. Нас интересует история этого захоронения. Дело в том, что там обнаружены останки священника...

— Отца Лаврентия, царствие ему небесное, — неожиданно просветлел лицом батюшка. — Он это, сомнений нет никаких.

— Так быстро успели установить, что это он? — удивился Саня.

— Ну, я думаю, официально ещё долго будут решать, а у меня и Светланы Николаевны сомнений нет. Требник там был, удивительно, что сохранился. А на нем — имя. И ещё... ботинок ортопедический. У отца Лаврентия одна нога была короче другой, так что обувь приметная. А мы уж и не чаяли, что сможем помочь его душе покой обрести. Особенно Светлана Николаевна печалилась, говорила, что такой человек бесследно сгинуť не мог. И вот сам Господь помог.

Священник перекрестился на церковный крест и указал куда-то в сторону.

— Здесь его и погребем, панихиду отслужим, поминальную службу по убиенному. Он тут богу и людям служил, тут ему и упокоиться.

Тут только Диланян заметил около церковной стены четыре свежеструганных и вбитых в землю колышка. Неподалеку виднелись могилы с церковной вязью на крестах.

— Значит, отец Лаврентий был когда-то настоятелем этого храма? — чувствуя себя законченным занудой, продолжал допытываться Билаш. Отец Григорий кивнул.

— А Светлана Николаевна — его родственница?

— Внучка. Она одна из всех и осталась, остальные ещё до войны и во время неё погибли. А Марина Ивановна, старшая дочь отца Лаврентия, и Светлана молитвами господними уцелели. Марина Ивановна десять лет как упокоилась, до девяноста восьми лет дожила в ясном уме.

— Знаете, где Светлана Николаевна живет? — глаза Сани загорелись. Они оба — и он, и Диланян, понимали, что расспрашивать нынешнего настоятеля о некоторых вещах не стоит. А вот родственница расстрелянного священника — это шанс.

— Неподалеку тут. Трамвайный переулок, дом шестнадцать. Только номер квартиры не помню. Но вы там спросите, её во дворе все знают.

— Спасибо, отец Григорий, — от всей души поблагодарил Билаш. — И последний вопрос. Если хотите, можете не отвечать. Это дерево... почему оно напротив входа посажено. И почему именно осина?

— Хороший вопрос, — усмехнулся отец Григорий. — Мне об этом дереве Марина Ивановна рассказывала. Тут раньше другая осина росла, кривая. А потом в неё молния ударила. На храме-то молниеотвод установлен, а дерево беззащитно перед природной стихией. Было это за несколько лет до войны. Вот Марина вместе с тогдашним настоятелем отцом Серафимом на место погибшего дерева новую осинку посадили. Вроде бы завет такой существовал, её батюшкой оставленный. Вот и растёт, никому вроде, особо не мешает.

Священник подошел и ласковым жестом огладил серебристую кору.

20

Стараясь не вслушиваться в себя, Игорь прошел мимо старого дома. Тот пустыми глазницами окон, кое-где заколоченных досками, смотрел на своих более молодых соседей. Похоже, подвалом ещё не занялись, во всяком случае, никаких спецмашин неподалеку он не заметил, а отбойные молотки в руках не принесешь. Что-то Малицкий тянет. Или уже вскрыли?

Терять время на то, чтобы проверить, он не стал.

Итак, две пятиэтажки — не убогие панельные детища послевоенной поры, а недавно капитально отремонтированные так называемые «доходные», выстроенные ещё в конце позапрошлого века. Эти придется оставить напоследок, начинать лучше с третьей — она пока дожидалась своего часа и выглядела довольно убого. Похоже, жильцов уже начли отселять. Район престижный, центр близко — будут из коммуналок делать нормальное жилье, встраивать лифты...

Бросившийся было к нему пятнистый щенок испуганно замер и попятился. Игорь улыбнулся ему и его хозяйке — голенастой девчонке лет тринадцати.

Не любят его собаки, что поделать. Впрочем, и Арама не любят. Возможно, чувствуют, чем они занимаются каждый божий день. Не любят собачки мертвечину.

Он обошел дом. Времени на то, чтобы идти в официальные конторы и получить доступ в подвал, не было. Две подходящих лазейки — оцинкованная и давно не открывавшаяся, судя по нетронутому мусору, дверь с простейшим замком и приямок в торце. Приямок он оставил напоследок — рамы там уж больно хлипкие, разлетятся вместе с грязными до полной непрозрачности стеклами.

Оглядевшись по сторонам и не обнаружив поблизости никого, кроме дремлющей на скамейке пожилой няни с детской коляской, Лагода с деловым видом сбежал по источенным временем бетонным панелям к двери. Связка отмычек — необходимый инструмент. Такой же, как ломик. Вторая подошла — замок щелкнул. Заскрежетали ржавые петли, ногой Игорь ото-

двинул мусор и протиснулся внутрь. Этот подвал был совершенно другой: низкий потолок — тянущиеся повсюду трубы, сырость и звуки капающей воды. И запах... отвратительный запах гнили и тлена.

Притворив за собой дверь и включив фонарик, он двинулся вперед, входя в рабочее состояние. Постепенно исчезали посторонние звуки, запахи, даже зрение становилось рассеянным, его хватало только на то, чтобы не наткнуться на препятствия.

Импульс появился, когда он огибал кирпичную колонну. Остановившись на мгновение, сменил курс и около стены увидел истлевшие останки рыжей кошки. Взгляд на детектор — норма, показывает минимум, но — показывает. Пройдя подвал насквозь, он уперся в стену с тем самым прямком. Тусклый свет сочился сквозь оконце, где-то наверху лаяла собака.

На всякий случай он сделал то, что применял редко — ввел себя в полутранс. Степень высокой концентрации — вещь изматывающая, и лучше ею не злоупотреблять.

Нет, чисто.

Обратно Лагода шел быстро, нагибаясь в проемах, постукивая по трубам и даже насвистывая, около мертвой кошки ещё раз проверил — детектор работал. Странно, что тут не видно следов бомжей, обычно в таких подвалах они и гнездятся. Или слишком сыро?

Когда он вышел, плотно прикрыв за собой дверь, няня даже не глянула в его сторону.

Спустя три часа Лагода готов был завершить первую прикидку. Из пяти подвалов в трех были дохлые крысы, а в одном — в фундамент замурован какой-то тип. Такие нечасто встречаются, но ничего необычного — дом ремонтировали в начале девяностых, тогда трупы научились скрывать не хуже итальянской мафии. Игорь поморщился, вспомнив замурованный и залитый сверху бетоном подвал автомастерской, куда владельцы спускали тела убитых клиентов. После этого подвала он тогда несколько дней отходил и почти оглох — не обнаружил бы и мертвого слона в трех метрах.

Нужно сделать хотя бы перерыв.

И перейти в соседний квартал — за ближайшим домом гудела улица.

Почему он так привязан к старому дому? Ответ был прост — потому что в его подвале он сработал лучше детектора и даже не знал — радоваться этому или огорчаться. И тревога Малицкого была ему понятна — если приборы начинают сбивать, это плохо, это крайне скверно.

Потому что он — лучший некрослухач «Омеги», и остальные без детекторов становятся беспомощны.

Он устроился прямо на траве в зарослях черемухи неподалеку от трансформаторной подстанции. Хотелось пить, но тащиться за газировкой или квасом было лень. Ничего, и просто так посидеть — уже хорошо.

Лагода всей грудью вдохнул хоть и загазованный, но все же пахнущий июньской зеленью воздух. Основные рабочие уровни отключились, оставался только контрольный. А ведь когда-то и его хватало, чтобы доводить Игоря почти до безумия.

Это началось в детстве... Сколько ему было? Лет семь. У соседа Антона умер котенок. Зверек с рождения был не жилец, лапки его тряслись, ел мало и более активные братишки и сестренки в играх опрокидывали его на спину, заставляя тихо плакать. Игорь знал, что котенок умрет – откуда? Просто знал, как по запаху знал, что мама надушилась духами из голубого пузырька или папа выпил после работы пива. Поэтому не удивлялся – считал, что другие тоже знают. Когда зареванный Антон приволок коробку с мертвым котенком, они решили похоронить беднягу за домом, у гаражей. Похоронили. И помянули выданным матерью Антона мороженым.

А ночью Игорь проснулся и увидел скорченное в присыпанной землей коробке тощее тельце.

Это стало наваждением. Каждую ночь он видел происходящие с котенком трансформации – покрытое тусклой свалывшейся шерстью мертвое животное истлевало и разлагалось. Но страшно было не это. Спустя пару дней Игорь увидел, что неподалеку от котенка в земле лежит скелет собаки. А ещё дальше...

Мать прибежала на его крики, успокаивала, клала на лоб холодное полотенце, поила валерьянкой. Но кошмар не исчезал. Пришлось идти к психиатру. Тот выслушивал Игорьку снисходительно и явно не верил.

Когда они с матерью, сжимавшей в руке ворох рецептов, вернулись домой, отец, глянул мрачно. Потом взял лопату и буркнул Игорьку: «Покажи, где ты это видишь».

Оно было там – за третьим от края гаражом, под грудой железных ящиков, на небольшой глубине. Вернувшись после объяснений с милицией, отец изорвал рецепты и велел матери больше сына по идиотам-врачам не водить.

Самое удивительное, что женщину, убившую своего новорожденного ребенка и закопавшего его за гаражами, нашли быстро – соседка опознала кусок плета, в который он был завернут.

21

— Мне сказали, что за нами обоими наблюдают и дом блокирован, — медленно произнес Павел.

— Блокирован? — побледнела Женя. — Что это значит?

— То, что если мы попытаемся скрыться.... они не позволят. И никого к нам не пропустят. Выходит, помощь позвать не сможем. Им нужна вот эта металлическая штука. Говорят, что больше ничего.

Он замолчал.

— И... почему вы хотели уйти? Ведь если они хотят получить это, то прощя всего будет им это отдать.

— Дело в том, что я им не верю. Да, им очень надо получить контейнер с его содержимым. Но в то, что после этого они не захотят убрать ненужных свидетелей, я совершенно не верю.

— Свидетелей чего?

Павел осторожно вернул поблескивающий хромированными боками параллелепипед в футляр, а футляр положил на стол.

— Честно говоря, я и сам толком не понял, что произошло. Поэтому могу рассказать только то, что видел. Но не исключено, что у этой истории есть некая изнанка, о которой я не знаю ничего. Даже наверняка есть. И они вполне могут считать, что мне известно нечто... Или просто подстраховаться.

Женя вернулась в комнату и уселась в кресло, предварительно убрав с него диванную подушку и плед. Сооружать гостевое ложе из двух кресел и пуфика она давно приновилась — ещё с тех времен, когда приходилось ухаживать за бабушкой.

— Рассказывайте, — не терпящим возражений тоном заявила она. — Если опасность грозит нам обоим, то я хотела бы понять, что вообще происходит.

И Ладожский рассказал.

В «Олимпе» он проработал всего два месяца, считая охранно-курьерскую службу всего лишь промежуточной ступенью. Позвал его туда Леняка Лапшин, бывший одноклассник, сказал — работка непыльная, а платят вполне достойно. Павел как раз покинул предыдущую контору, развалившуюся из-за дурости её владельца, и находился в поиске новой. А пока подвернется нужное, почему бы не подзаработать? Тем более что разъезжать придется много — авось и наклонится что-нибудь интересное.

Поручения случались разные, но большей частью — доставить что-то ценное или сопроводить кого-то, везущего это ценное. Подстраховать и исключить неожиданности.

Вчерашний заказ был рядовым. Мила-диспетчер назвала номер и шифр ячейки автоматической камеры хранения и адрес, по которому надо было свезти то, что там лежит. Инструкции простые — отдать и взять за это деньги. Деньги — в ту же ячейку. Лапшин привычно хмыкнул: все понятно, левые делишки и черный нал, но их дело сторона. Даже если наркота — скинут товар без своих отпечатков, и попробуй что-нибудь докажи. Хотя наркота — это вряд ли, там свои каналы и курьеры, эти деятели рисковать не любят.

И происходило все вполне обычно — приехали на пустырек за гаражами. Там уже ждали — «Нива» темная в темноте. Вышли. Лапшин велел отдать футляр и забрать кейс.

А дальше...

Женя слушала и не верила собственным ушам.

Сочиняет? А какой в этом смысл? Если бы хотел соврать, то придумал бы что-нибудь более правдоподобное, без дьявольщины и нереальной жути. Да и раны она сама видела и обрабатывала. Кто это мог быть — черная пантера, бешеный маньяк?..

— Ты точно видел это... существо?

— Да, совсем близко. Это не человек, скорее — животное. Только я не знаю — какое. Какой зверь может нападать так молниеносно и беспощадно?

— Оборотень...

Она и сама понимала, что сморозила чушь. Но Павел даже не улыбнулся.

— Знаешь, если бы ты сама это видела... Конечно, не дай бог, но... Оно было похлеще любого монстра из фильма ужасов. И пузо мне располосовало

буквально за секунду. Если бы не дерево... Эта тварь отступила как только я прижался к стволу. Иначе я бы не спасся.

Женя вздохнула и решила все же сварить кофе. Ей надо было осмыслить услышанное. Остальное, в принципе, она знала и так — раненый Павел, гонимый инстинктом самосохранения, каким-то образом сумел добраться до ближайшего дома и спрятался на чердаке. А тут и они с Арчи подоспели.

Она принесла кофе — себе в чашке, Павлу — в бабушкиной поилке, и бутерброды из сайки с творожной пастой.

Ладожский лежал все такой же бледный и угрюмый.

— Из дома тебе выходить нельзя, — произнесла она так, словно узурпировала право принимать решения. — Потому что сейчас с тобой одним мизинцем справиться можно. Он не ответил, отвернулся. Все равно, стоит ей отлучиться, и он встанет. Встанет и уйдет.

— А у меня сегодня отгул, — почти злорадно сообщила Женя. — И если надо, я буду сидеть безвылазно тут хоть неделю — мне Ленка бюллетень нарисует.

Неужели у него настолько все на лице написано?

— Неделю не потребуется. Мне дали время до семи часов вечера.

Он подчеркнул это «мне», чтобы обозначить то, к чему стремился — постараться, чтобы её не зацепило. И если бы он не был так слаб... Интересно, сколько крови он оставил там, на пустыре и лестнице? И ещё пока брел по двору.

— До семи? — Женя на секунду задумалась. — Я вот чего не понимаю — если они так сильны, почему не могут просто вломиться сюда и отобрать это? Она кивнула на футляр.

— Потому что им нужно то, что там лежит целым и невредимым. Они понимают, и я им это подтвердил, что в случае чего просто уничтожу это.

— Кстати, а что там?

— Можешь сама посмотреть — шприцы и ампулы с какой-то желтой дрянью.

Она быстро допила кофе и полезла в футляр.

— Похоже на раствор фурацилина. Но готова поспорить, что предположение неверное. Ну и почему я не могу вынести эту гадость и отдать хотя бы тому типу, который за мной следил? Чтобы они отвязались.

— Потому что они тебя прикончат! — заорал Ладожский и, охнув от боли, ухватился за живот. — А потом и меня, — добавил он только для того, чтобы её готовность пойти на риск выглядела совсем уж бессмысленной.

— А если все-таки позвонить в милицию? Вчера ты не хотел, потому что тебя могли найти. Сегодня тебя уже нашли. Так не пора ли?

— Не пора, — отрезал он. — Потому что если на пустырь приезжают шестеро, а остается в живых один, это означает, что остальных замочил именно он. Праздник жизни для ментов. Так что милицию оставим на самый крайний случай.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась Женя. А сейчас — перевязка.

Ладожский наблюдал, как она убирает со стола, стряхивает с него крошки, потом достает медикаменты, бинты, шприцы.

Удивительно красивые руки были у этой девушки — тонкие пальцы с коротко подстриженными ногтями двигались, словно в танце. Он никогда раньше не обращал внимания женские руки, а тут буквально засмотрелся.

Настолько, что не уловил легкое сомнение во взгляде Жени, когда она отбираала ампулы для инъекций.

22

Чай был крепок и душист, с добавлением черносмородинового и вишневого листа. Он исходил паром в чашках из тончайшего фарфора и было похоже, что все трое: и Диланян, и Билаш, и профессор Вознесенская сидят перед жертвенными курильницами.

Профессор Вознесенская и была внучкой отца Лаврентия.

Открыла она им сразу, как только услышала, зачем они пришли. Открыла, впустила в квартиру, в которой самым естественным образом смешались эпохи, и новенький японский телевизор стоял на комодике позапрошлого века, а рядом с жидкокристаллическим монитором высился письменный прибор из родонита.

И вот они второй час пьют чай с баранками и вареньем, и Светлана Николаевна рассказывает им о деде.

— Мариночке тогда двадцать лет было, взрослая уже барышня. Остальные сестры мал-мала-меньше. А она уже многое понимала и замечала. Батюшка её был праведником, настоящим. Добрейшей души человек, но в некоторых вещах становился очень жестким. Например, когда о смерти шутили. Говорил, что о смерти, особенно, чужой, даже думать надо уважительно. А потом Марина заметила одну странность — отец всегда знал, если кто-то рядом умер. Бывало, занимается чем-то, читает или молится и вдруг замрет и перекрестится: «Царствие небесное». Были ещё странные случаи — около дома их, а жили они тогда неподалеку от кладбища в двухэтажном отдельном строении, обитал старый пес Бобка. И когда Бобка пропал, а дети стали его искать, отец Лаврентий сказал службе, чтобы между сараями посмотрел. Мертвый пес там и лежал, только снаружи его видно не было.

— Слухач... — задумчиво пробормотал Саня, вонзая зубы в баранку.

— Что, извините?

— Есть такое свойство у очень редких людей — чувствовать смерть. Один подобный уникум у нас работает. Это что-то вроде атавизма. Звери обладают этим свойством довольно часто — знаете, как собаки по умершему где-то рядом воют? Чуют.

— Да, похоже, — кивнула Светлана Николаевна.

Арам все порывался спросить, профессором каких наук она является, потому что по книгам, в изобилии заполнявшим квартиру, понять это было невозможно. Тут было все на свете — и исторические труды, и философские, и тома по психологии.

— А потом, — продолжала хозяйка, — он сделал себе крест. Из осины, которую сам же и посадил около церкви лет пятнадцать назад. Спил

самую толстую ветку и вырезал. Прятал он этот крест, но носил постоянно. Под рясой.

Она была абсолютна седой, но энергичной и подвижной. Короткая стрижка, легкий макияж и домашний брючный костюм — современная можава женщина. И если не знать, что ей наверняка уже за семьдесят...

— Мы нашли этот крест, — кивнул Диланян. — Он лежал с ним там, в кладбищенском валу. И именно поэтому пришли к вам.

— Я уже догадалась... — из-под очков в тонкой оправе она внимательно смотрела на Арама, и тот смутился. — Чудовища вырвались на свободу?

Билаш осторожно положил ложечку на краешек блюда.

— Да, одно мы уничтожили, но второе натворило бед.

— Я слышала. Дед с ними целую войну вел. Считал их порождениями ада, забирающими души у умирающих людей. Нескольких уничтожил, но их становилось все больше, они росли в размерах. И если раньше он мог справиться один, то потом — уже нет... Тогда сами знаете, какое время было — народу сколько поубивали, и за ним тоже в любой момент могли прийти. Вот он и рассказал Марине...

Она помолчала и добавила:

— И дал ей второй крест. Их два было. Велел постоянно его носить.

Светлана Николаевна встала, открыла секретер и достала из него жестяную коробку. На крышке была картинка — девочка с розовыми щеками держит на руках пушистого белого котенка — и надпись «Лакричная карамель Пустовалова». Из этой коробки профессор Вознесенская и достала второй осиновый крест на простом шнурке.

— Мариночки уже нет, — просто сказала она. — А я уже стара... Да-да, не спорьте, молодые люди, стара. Вот, передайте это тому... слухачу, о котором вы говорили. Ему нужнее. Думаю, что дед понял бы и одобрил.

23

Герман Петрович бродил по представительству.

Подчиненные в такие моменты старались не попадаться на его пути и тихо, как мыши, сидели в кабинетах.

Два часа дня. Они дали этому герою время до семи. И баста! В конце концов, Джабиев должен уметь организовать такие дела, не мальчик. И ему, Резникову, плевать на то, что группу уничтожили. Есть ещё Мышкин, вот пусть вдвоем и справляются.

Завтра прилетает Мамонт, завтра открывается выставка, и без антидота все это может закончиться скверно. А угрозы этого сопляка, что он уничтожит контейнер, — блеф. Не посмеет, ему четко объяснили, что тогда ему не жить.

Герман Петрович остановился и обнаружил себя в дальнем конце коридора, застеленного поверх паркета светлой ковровой дорожкой. В окно заглядывали ветки цветущей липы. Черт, а он живет, как в тумане — ничего не видит, ничего не замечает. Для него вопрос жизни и смерти в том, сумеют ли они до завтрашнего утра получить антидот или нет. Он быстрым шагом вер-

нулся в свой кабинет и поднял трубку телефона. Этот аппарат не прослушивался. Да если и прослушивался — уже неважно.

— Марат, осталось четыре часа. На всякий случай готовьтесь к операции.

— Готовимся, — послышался в трубке глухой голос. — Не хочется рисковать, Герман Петрович.

— Не хочется. Но если этот дурак решит поиграть в кошки-мышки, придется.

— Вы ему предлагали деньги?

— Естественно. Двадцать тысяч. Наличными.

— А с Химиком как будем расплачиваться? — встревожился Джабиев.

— Как, как... как договаривались. Получим контейнер, сделаем банковский перевод.

Что-то в его голосе Марату не понравилось. Врет ведь, старый лис. Ничего они переводить не будут, считают себя неуязвимыми и крутыми. И не хотят понять, что с людьми, подобными Химику, так шутить нельзя. Слишком опасно. Даже не опасно, это просто подписание себе смертельного приговора. Но убеждать в этом бесполезно, ему будут говорить, что все в порядке и перевод сделан, а на самом деле...

На самом деле он узнает это только после. Если все будет тихо, значит, не соврали. А если не тихо, то поздно будет дергаться — у Химики такой арсенал средств, что отправить на тот свет всю их теплую компанию он сможет одним мизинцем.

Еще раз ругнувшись про себя, Марат Джабиев положил трубку. Впервые за всю свою жизнь, он ощущал такую беспомощность. И ведь сам во всем виноват.

Но теперь поздно сожалеть. Из четверых его людей троих уже нет. Остался только Никита Мышкин и охранники. Поддержка, которую он запросил ещё утром, не смогла вылететь вовремя и прибудет лишь завтра — тем же рейсом, что и Мамонт. Поэтому, если других вариантов не останется, действовать придется им с Никитой.

Он достал мобильный телефон и позвонил. Мышкин наблюдал за домом, где прятался этот, как его... Ладожский. Курьер недоделанный.

Там было все тихо. Милиция вблизи пока не появлялась, от дома до гаражей метров триста, если не больше, а след они успели отсечь. Кажется, Ладожский серьезно ранен. Но с ним какая-то девица, что может быть им на руку. Ну не дурак же законченный этот курьер, чтобы в такой ситуации долго пальцы гнуть. А уж страх или жадность одержат верх — неважно.

До семи оставалось ровно три с половиной часа.

Лаборант Митя Круглов, юный адепт борьбы с некросущностями, не знал, куда ему податься. Начальник вместе с впавшим в неожиданный альтруизм Билагом отбыли на лабораторном джипе, Лагода укатил на сосватанной майором Паляничко милицейской машине, а Кобра, сорвавшись по своим делам, о Мите банально забыл.

К полудню отбыли все — предпоследним уехал мрачный и недовольный следователь. А последним ушел пешком майор со смешной фамилией Булкин. На прощание Булкин зачем-то пожаловался Мите на то, что служебно-розыскная собака потеряла след главного подозреваемого. И потеряла довольно странно — похоже было на то, что след обработали, а попросту посыпали молотым перцем или какой-то другой гадостью. Или же в этом месте подозреваемый поймал машину. Но почему тогда пес так расчихался? Вежливый Круглов посочувствовал Булкину и спросил, где именно это случилось. Майор махнул рукой в сторону группы невысоких старых домов и попартизански утопал дворами. Он совершенно не хотел, чтобы кто-то заметил, как он счастлив оттого, что кровавую групповуху удалось свалить на коллег из ГУВД.

Митя ещё немного побродил по пустырю, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Ему было ужасно интересно, как происходит то, что Игорь Лагода называл импульсом. Но ничего такого не было. Митя был довольно слабым, ещё необученным природным магом, настроенным больше «на передачу», а не «на прием». Это означало, что со временем из него мог получиться вполне приличный маг-боевик. Но не слухач...

Нет, никаких импульсов не появлялось, в организме лаборант ощущал лишь молодой зверский голод, ничего более. Размышляя о том, вернуться ли на базу или ещё немного послоняться по зеленым, пахнущим цветущей флорой дворам, он шел к тем самым домам, на которые указал Булкин.

Шел, шел, и внезапно почувствовал себя крайне неудобно. Станным было то, что ни одного человека вблизи не наблюдалось. То есть, вообще никого не было, даже кошек — двор словно вымер. И, тем не менее, Митя явственно ощущал на себе пристальный нехороший взгляд. Мистика или латентные способности к телепатии? Хорошо бы второе.

Круглов шмыгнул в кусты и огляделся. Никого!

Прячась за сиренью, он дошел почти до самого дома, и тут буквально нос к носу столкнулся с неким субъектом. Выглядел он совершенно обыденно — джинсы, рубашка, серовато-бесцветные волосы и такие же серые тусклые глаза.

— Ты здесь живешь? — незнакомец кивнул на дверь дома.

— Нет, — растерянно ответил Митя.

— Вот и вали отсюда, чтобы я больше тебя тут не видел, — безо всяких интонаций произнес мужчина. И видя, что изумленный лаборант не двигается, добавил: — Вали, сказал, я повторять не люблю.

В другой раз Круглов возмутился бы и начал качать права. В конце концов, он даже не собирался входить в этот дурацкий подъезд. И вообще, что за наезды на ровном месте? Он свободный человек, ходит, где хочет. Но вместо этого парень промолчал, повернулся и послушно ушел. Холодный взгляд неизвестного буравил его спину все время, пока он удалялся в сторону улицы.

И только оказавшись на тротуаре около магазина бытовой техники, Митя перевел дыхание. В виске пульсировало чувство опасности, которой удалось избежать.

Он достал из кармана мобильный телефон.

— Арам Рафаэлович, — начал Митя не слишком уверенно, — не знаю, может это и ерунда, но тут такое дело...

Спустя пять минут, Диланян велел своему лаборанту никуда не уходить и ждать у магазина группу Кобры.

25

Они ещё не успели проститься со Светланой Николаевной, а все уже закрутилось. И приходилось решать одновременно сразу несколько проблем, и даже Малицкий без вопросов согласился откомандировать вместе с Коброй кого-нибудь из телепатов. «Протелепать кое-кого надо» как пояснил Арам. Шеф сам был хоть куда телепат — хорошо знал интонации подчиненных, вышедших на след.

— Лагоду подтягивай поближе к себе, но пусть вперед не суется, — распорядился он.

— Он в поиске связь вырубает, — вздохнул начальник отдела. — Ещё час прочесывать будет. Да ещё и без машины, на своих двоих.

— Хорошо. Тогда через час снимайте его с поиска.

— Понял.

Профессор, седая женщина со светлым взглядом, вслушивалась в разговор и разглаживала тонкими сухими пальцами скатерть на столе.

— Извините, нам пора, — неловко поднялся Билаш.

— Я понимаю.

— Мы ещё обязательно заедем к вам, — пообещал Арам. — Рассказать, как оно было. Непременно заедем.

Они спешили, но неудобно было вот так срываться с места в карьер. И Светлана Николаевна подтолкнула их словами:

— Я буду ждать. Благослови вас Господь.

Уже торопясь за дверь, Саня даже не увидел, а уловил движение руки — профессор Вознесенская, всегда в душе считавшая себя атеисткой, перекрестила их.

Второй звонок настиг Диланяна, когда они уже мчались в джипе. Паляничко сообщал, что в Кузьминках очередной инцидент. Правда, там была драка подростков — кавказцев и скинхедов, но пострадавшие выглядят так, что вызвали именно его.

Арам записал координаты и обещал подъехать, как только сможет. Или Лагоду направить.

— Вон там должен ждать твой мальчишка, — кивнул Саня. — Хороший парень растёт, хваткий. Если, конечно, не раздул из мухи слона. С Коброй кто едет из теликов?

— Ласиков, кажется. Сейчас просканируем этого мужика, и в Кузьминки рванем. Глянем, что там. Не нравится мне вся эта каша, даже подумать не успеваем толком, только носимся туда-сюда.

— А если Митька прав, и там что-то... нечисто?

— Чисто, нечисто — мне ясная картинка с этой тварью нужна. То ли некрофаг мутирует, то ли...

— Хочешь сказать, что агрессивен и алчен не в меру? Похоже. Кстати, система их размножения тоже никому до сих пор не известна толком. Я лично считаю, что они ближе в этом плане к млекопитающим, а Вайненберг, напротив, двигает теорию деления по принципу простейших организмов. Как думаешь, удастся нам этот вопрос на этот раз прояснить?

— Тебе все шуточки, Санька! — разозлился Диланян. — Теоретик хренов! Вот почему ты к нам репьем прилип, а я-то думал — от чистого сердца.

Билаш только хмыкнул, явно не собираясь вступать в дискуссию. А Арам, сделав паузу и останавливая джип около разомлевшего от обилия солнца и девчонок в мини Круглова, добавил:

— И не дай бог, подтвердится теория твоего Вайненберга, рыбка моя... Если эта тварь озверела в связи с тем, что ей делиться приспичило, спокойной жизни у нас в ближайшее время не будет. Митька, давай сюда, хватит на барышень глазеть!

Лаборант вздрогнул и кинулся к джипу.

Вторая машина — с группой Кобры на борту — уже выворачивала из-за угла. Коваленко опустил стекло и помахал рукой.

— Ну, показывай, орел, где тот непонятный персонаж окопался, — велел Диланян.

Митя глубоко вдохнул и ткнул пальцем в просвет между домами. Ему было жутковато от мысли, что бесцветный мужик окажется банальным дворовым скандалистом. Тогда ему устроят разнос похлеще, чем за «дядю Арама».

Но опасения оказались напрасными.

Через десяток минут Ласиков вернулся к машинам мрачным и задумчивым.

— Короче... — сообщил он, — я почти ничего не понял. Там какая-то каша происходит. Диспозиция такова: в доме двое, девушка и раненый парень, курьер. Твой, Мить, мужик со стволом сидит, злой, как черт. Караулит этих двоих. С ним еще один, напарник.

— Что за курьер? — не выдержал Кобра.

— Не понял. Но явно не наркота. Этого парня — курьера — я вообще не смог уловить. То ли спит, то ли сбежал, то ли помер уже. Но сбежать вряд ли мог, второй этаж все-таки, а он ранен. Ещё собака там, вроде бы, не слишком большая.

— Диспозиция понятна, — протянул Кобра. — Теперь давай подробнее — что им надо от тех, кто в доме?

— Так... — Телепат потер переносицу и закатил глаза. — Выглядит это как железная коробочка, внутри — что-то желтое и колючее. Коробочка — в футляре. Что это за фигня, никто из них, по-моему, не знает. Девушка трясется из-за раненого, а мужик со стволом ждет команду, чтобы их замочить обоих. Арам Рафаэлович, вы уверены, что это имеет отношение к «Омеге»? Больше похоже на банальную разборку...

— Желтое, колючее? — Коваленко задумался, но, кажется, кроме желтого ежика и засохшего кактуса так и не смог ничего представить.

— Курьер — это Ладожский! — Диланян обвел всех взглядом. — Выжившая жертва твари. По уму надо бы Паляничко звонить, но он сейчас занят. Серега, ты разяснил, кто за этими двумя боевичками стоит?

— В том-то и дело, что не разъяснил, — поморщился Ласиков. — Похоже, парень обучен блоки ставить — прямо-таки на стену натыкаюсь. Абстрактное мышление, чтоб его.

— А, что значит блоки? — шепотом спросил Митя у Билаша.

— Лекция будет позже, студент, — усмехнулся Саня. — Когда пиво поставишь.

Круглов с опаской посмотрел в сторону дома.

— А девушка кто такая? — спросил Арам.

— Понятия не имею, но она смертельно напугана. Из-за этого страха ничего и не понять толком. Что будем делать?

— Повежем хлопцев и разберемся, — меланхолично предложил Кобра. Его ребята в машине подобрались, ожидая приказа.

— Отставить, — решил Диланян. — Останетесь тут, вмешиваться только в крайнем случае. А то я вас знаю, костоломов. Сережа, ты будешь за главного. А я пока в Кузьминки летаю... Саня, ты останешься или со мной?

Кобра хищно наморщил нос, но промолчал.

26

Резников ещё раз взглянул на молчащий телефон. Надо было, чтобы с самого начала всем занимался Марат, а он, дурак, взял на себя...

Или это Джабиев его к этой мысли подвел. И тогда показалось резонным — начальник службы безопасности все же большую часть времени должен «при теле» проводить, а не мотаться каждые два дня из N-ска в Москву. Это просто физически невозможно. Нужен был координатор на месте. И он, ближайшее доверенное лицо Мамонта в столице, проверенное и посвященное в самые щекотливые тайны «двора», подходил как нельзя лучше.

Но теперь, если что случится — спрос с него, с Резникова. Хотя если что случится, то, скорее всего, спрашивать будет не с кого. И некому.

Телефон молчал. Часы показывали шесть с четвертью. Упрямый осел этот парень, больше ничего. Или не понимает, что его могут в мгновение ока порвать в лоскуты? Да вряд ли... Должен понимать. Тогда в чем дело?

Герман Петрович велел приготовить деньги. На это раз он решил, что больше не будет следовать принципу Мамонта — «если можно не платить, значит платить не нужно». Этот щенок — темная лошадка, а больше рисковать антидотом нельзя. Нельзя! Хватит, дорисковались.

Он велел секретарше принести кофе и таблетку аспирина. Голова начинала побаливать. Но именно начинала — слегка ныл затылок. Так бывало при приближении грозы.

Пришел встревоженный бухгалтер, принес пакет с деньгами, но спросить, как оформлять, не посмел. Это потом.

Резников подошел к окну и уставился на забитую машинами стоянку. Мимо неё сновали люди, кто-то на «Шевроле» пытался выехать в узкий просвет между двумя «Мерседесами», подъехал «Форд», уехала «Ауди»... У него слегка закружилась голова, и он вернулся к столу.

И тут же, словно по заказу, трубка издала негромкую трель. Созрел.

Но в телефоне неожиданно прозвучал женский голос. Герман Петрович узнал ту, с которой говорил ночью, — Марат называл имя... Ах да.

— Здравствуйте, Евгения Аркадьевна, — холодно произнес он.

Она растерялась. Это настолько явственно ощущалось, словно он видел её лицо. Одно дело догадываться, что ты под колпаком, и совсем другое — убедиться в этом.

Тем не менее, когда она вновь заговорила, голос звучал достаточно твердо:

— Я готова передать вам то, что вам нужно. В обмен на то, что вы навсегда отстанете от нас.

— А сам господин Ладожский что же, не может со мной об этом поговорить? — Резников старался, чтобы в его словах было поменьше иронии, но вряд ли это получилось.

— Не может. Он тяжело ранен, — отрезала она. — И сейчас спит. Поэтому или вы забираете это у меня, или я обращаюсь в милицию. Нам терять нечего.

Блефует, подумал Герман Петрович. Она могла бы вызвать милицию уже давно, но у парня хватило ума уговорить её не делать этого. А ещё он, кажется, ничего не сказал ей о деньгах. Или сказал?

— Мы готовы, — заверил Резников Женю. — Мои люди могут зайти к вам?

— Нет. Я вынесу это сама. Передам только в людном месте. Ели попырете напасть на меня во дворе, я... уничтожу это.

Не успеешь, подумал Резников. Ну да ладно, главное — получить антидот, а свидетелей Марат и Никита могут убрать и позже.

— Ровно через час вас будут ждать около метро, — поразмыслив, сказал он. — Подойдет мужчина с букетом роз, отдаст вам его, а вы отдадите ему это. Договорились?

— Договорились.

Она отключилась почти сразу, а Герман Петрович ещё некоторое время стоял и слушал пиканье трубки. Потом он набрал номер на внутреннем телефоне и передал Джабиеву, что тому нужно сделать. На секунду показалось, что Марат хочет ему что-то сообщить, но спрашивать он не стал — не до того сейчас.

— Ты там... пока ничего не предпринимай, — вместо этого произнес он. — И езжай сам, Никиту держи в стороне, для страховки. Не нужны нам больше осложнения.

— Знаю, — помолчав, ответил Джабиев. — Деньги передавать?

— Передавай, черт с ними. Не о деньгах сейчас речь, сам понимаешь.

Марат понимал. Беспокойство внутри звенело, словно тревожная сигнализация, даже думать мешало.

Он забрал в приемной Резникова толстенный белый конверт и небрежно сунул его в карман. В кабинет заходить не стал — незачем, все и так ясно. Потом через намытые до полной прозрачности стеклянные двери вышел на предвечернюю улицу. Запах скошенной травы на чадлых газонах пробивался сквозь бензиновый чад. Из всех представительских машин Джабиев выбрал неприметный серый «Форд» и сам сел за руль. По пути остановился и в павильоне приобрел букет. Выбирая между изысканным белым и вульгар-

ным желтым, мстительно купил желтый, в совершенно неподходящей фиолетовой жатой бумаге с бантом.

В салоне сразу же распространился удушающий аромат роз. А кондиционера не было. Конверт с деньгами лежал рядом на сидении и Марат, подумав, засунул его между цветами. Даже не укололся — розы оказались без шипов.

Около метро было как всегда — входили и выходили люди, кто-то кого-то ждал, гомонила группа тинейджеров, на гранитном парапете грелась парочка бомжей. Около киоска с журналами спорили двое потрепанных мужиков. Джабиев окинул все это быстрым взглядом, оценивая обстановку. Нужной девицы не видно. Но её ведет Мышкин.

— Где вы? — спросил он в трубку мобильного.

— На подходе, — отозвался Никита. — Её ведет Линь, я прикрываю. Девка в джинсах, в руках пакет — серый с белой надписью «Карамелька». Не нравится мне все это, надо было в квартире брать или на выходе перехватить.

— Не надо, — отрезал Марат. — А курьер с кем остался?

— С Пироговым.

Джабиев поморщился. Пирогов был рядовым охранником-будочником и для таких дел совершенно не годился. Но людей почти не осталось, приходилось использовать кого только можно. Линь был тоже из бодигардов, но тот хоть с мозгами...

Он не спеша закурил и тут увидел девушку. Худенькая, в джинсах и какой-то ширпотребовской кофтенке, она шла напряженно, и даже на расстоянии было видно, как обшаривает её взгляд и площадку перед входом в метро, и стоянку, и киоск. Линь двигался позади и в стороне, с деланно-безразличным видом.

Остановившись, девчонка нервно заправила волосы за ухо и ещё раз огляделась.

Пора.

Он подхватил букет, стараясь держать его ровно, чтобы не вывалился конверт, и выбрался из машины. Она заметила прежде всего цветы — броскую желтизну в фиолете, и в глазах плеснулся страх.

Джабиев приближался, широко улыбаясь, и кто-то наверняка подумал: «Вот ещё один влюбленный болван явился на свидание».

Их разделяло всего несколько метров, когда откуда-то сбоку появился бритый парень, и обогнал его, гулко топая ботинками с высокой шнуровкой. В руках парень сжимал три огромные розы с вульгарно растопыренными листьями. Его широкие плечи как-то сразу закрыли Джабиева от Жени, и пока Марат пытался сообразить, что это — нелепая случайность или операция пошла прахом, одновременно раздались выстрелы и пронзительный женский крик.

Стрелял Мышкин — по колесам уносящегося прочь джипа, в который какие-то парни успели толкнуть перепуганную девушку. Во все стороны бежали люди, кто-то упал на асфальт, накрыв голову руками, бомжи залегли за парапетом. Линь метнулся наперерез мужику с розами, но тот ловким

приемом уложил его на асфальт и кинулся к Марату. Но Джабиеву этих мгновений хватило — он уже был за рулем предусмотрительно оставленной открытой машины. Он ещё видел, как отступает за павильон метро Никита, а сам уже выворачивал на левую полосу.

Несколько секунд, и все участники происходящего словно растворились в воздухе, и только Кобра с невинным видом подбирал с асфальта искусственные цветы. Когда Серега Ласиков неожиданно сообщил, что девица в доме собирается передать ту самую железную штуку кому-то, кто будет ждать её с букетом роз у метро, действовать пришлось молниеносно. И не его вина, что до живых роз он добежать не успел, пришлось хватать, что подвернулось — отвратительные тряпичные муляжи.

Поморщившись, Коваленко запихал мерзкие цветы в урну и с индифферентным видом достал мобильник. Надо было узнать, куда усакала его бравая команда.

Внезапно он заметил вылезающего из-за парапета бомжа. Проследив за целью его перемещений, Кобра заметил валявшийся на тротуаре белый конверт и успел ухватить его раньше.

Единственный трофей на поле боя...

27

Ситуация начала драки была ясна, как стеклышко: бритоголовые пацаны отследили компанию, в которой было несколько пацанов смуглых и темно-волосых. И по сему поводу, вооружившись велосипедными цепями и кастетами, молодцы решили размяться.

Диланян с ужасом и состраданием смотрел на результаты этой разминки. Большую часть пострадавших уже забрали кареты скорой помощи и развезли по больницам, кто-то с небольшими и неопасными травмами ещё оставался, сидел на траве в окружении ошарашенных милиционеров. И в нескольких десятках метров от них под деревьями лежали три накрытых черной пленкой тела.

Сами пацаны, вне зависимости от длины и цвета волос, были в шоковом состоянии.

Билаш подошел к одному из скинхедов. Мальчишка лет шестнадцати, ровесник Митьки. Черные джинсы, рубашка и ботинки с железным кантом, какие-то цепи с побрякушками на правой руке, которую парень то и дело подносил к лицу и впивался зубами в запястье. На покрытых полудетской щетиной скулах перекатывались желваки.

Бритая макушка была небрежно смазана зеленкой и заклеена пластырем. Страшнее всего было это искусанное, почти изжеванное запястье.

— Говорю же, не знаю я! — внезапно заорал парень. — Не знаю, что это было — собака, зверь бешеный, метнулось, как молния, и у Кузи сразу кишки наружу! Не я это!

Диланян, словно заведенный, бегал по поляне. Детектор, в общем, вел себя адекватно — показывал остаточный фон около парней, зашкаливал около трупов и в зарослях шиповника. Тут она и пряталась, тварь, ждала. Но откуда узнала?

— Эй, ребята, вы сюда только драться шли? — спросил он у двух парней, сидевших, свесив руки между колен. Лица их были бледные, грязные и поцарапанные. — Или разговор был что-то вроде «Мочить их!»?

— Да иди ты... — мрачно ответил один, с татуировкой на предплечье, а второй криво усмехнулся разбитыми губами.

Арам сумел наконец оттащить майора от какого-то высокого чина, который терзал Паляничко вопросами, не объявилась ли в Москве банда каннибалов.

— Смотреть будешь? — зло спросил Иван Семенович. — Трех эта зверюга успела задрать, пока...

— Что пока?

— Пока один бритый не очухался от столбняка и травматiku не достал. Говорит, три пули всадил, но только отпугнул. Второй, вон тот, чернявый, её палкой бил, так вдвоем и справились. После этого она и отступила.

— Палкой, говоришь?

— Да, палкой. К вещдокам приобжили, он этой палкой вначале от скинов отбивался.

— Ладно, все и так понятно, — Арам посмотрел в сторону ближайших деревьев и кустов. Осинник.

— Как ребята описывают то, что на них напало?

— Да черт их поймет, говорят, размером с хорошего теленка, и то ли лохматая, то ли... в общем, размытая, размазанная, словно кусок тумана. Черного. И глаза — будто бельмами закрыты. Зубы... самое страшное у этой твари зубы — сверху и снизу длинные острые клыки, торчат из пасти. Вернее из того, что вроде бы пасть. Одного героя к психиатру повезли, у него от ужаса настоящий припадок случился.

В кармане затренькал мобильник. Кобра.

Выслушав его, Диланян крикнул. Хотел выругаться, но глянул на побитых пацанов и не стал. Хотя материться они наверняка умели намного лучше их с Саней вместе взятых.

— Что там? — подошел Билаш.

— Кобре пришлось вмешаться, — буркнул Арам. — Стрельба была, правда, не с нашей стороны и никого не ранили. Сейчас разделились — часть возвращается к дому, а часть двигает на базу — к химикам. Что-то они там такое нашли... — Диланян пошевелил в воздухе пальцами. — Нехорошее.

В ближайшем милицейском «Форде» заквакала рация. Майор с ненавистью обернулся. За последние сутки его вызывали исключительно по поводу распотрошенных тел, и это начинало напрягать даже выдавшего виды «убойщика».

— Зуев, ответь! — крикнул он.

Зуев ответил. Вызывали ППСовцы — неподалеку произошла авария маршрутки, и там тоже видели какую-то здоровенную черную зверюгу. Не напала, но панику посеяла.

— Жертвы есть? — мгновенноотреагировал Билаш.

— Есть, внутри микроавтобуса двое.

Арам и Саня переглянулись.

— Едем?

— А что нам остается — пушка-то в джипе...

Но они опять не успели — тварь исчезла. Пока Паляничко добивался, чтобы лабораторную машину пропустили к месту аварии, пока Диланян пытался с помощью детектора определить направление движения некрофага, фон опять нормализовался. Зато подъехал Игорь Лагода — Малицкий выслал за ним дежурную машину. В «Омеге» объявили тревогу номер один. Химлаборатория начала экспресс-анализ содержимого контейнера, который Женя должна была передать неизвестным. Больше всего досталось Кобре, правда, заочно — за то, что упустил мужика с желтыми цветами и троих, прикрывавших его.

Митька тоже отзвонился шефу, сообщил, что он с группой Коваленко остался в квартире Жени Шutowой. Ждут, не проявят ли себя те, кто раньше её блокировал. По мобильнику установить нахождение жаждавшего получить контейнер не удалось — ни по номеру, ни по аппарату.

— Во что ещё, кроме ожившего некрофага, мы вляпались? — задумчиво произнес Игорь, выслушав эту информацию.

— Пока не знаю, — отрезал Диланян, глядя, как спасатели в синей форме специальным резакom вскрывают изувеченную и заблокированную маршрутку. Оставшихся в живых пассажиров и водителя уже вытащили через разбитые окна, теперь доставали зажатые в салоне тела. «Москвич-каблучок», с которым столкнулся микроавтобус стоял двумя правыми колесами на тротуаре. Передняя его часть тоже была разнесена всмятку. — Едем к Малицкому, там экстренный сбор назначен. Аларм, так его и растак... Кстати... — внезапно вспомнил Арам. — Вот, Игорь, тебе передать просили.

Он полез во внутренний карман ветровки и достал деревянный крест.

— Кто? — удивился Лагода.

— Внучка того самого священника, останки которого мы вчера нашли. Он сделал два, второй оставил дочери, но той уже нет на свете. Так что ты теперь — считай настоящий экзорцист.

Игорь невесело усмехнулся, пряча крест в карман.

— Может, я пока при Семеныче подежурю, раз он у нас сейчас что-то вроде пеленгатора? — спросил он.

— Отставить, будем свой пеленгатор разворачивать. Хватит к шапочному разбору приезжать, надо работать на упреждение, — продолжал сердиться начальник ЛИН. — Станцию слежения будем стационарно разворачивать.

— Ты выяснил, кто это был? — безнадежно спросил Резников, выслушав Марата. Выглядел шеф безопасности, словно побитый щенок. По всем прикидкам, именно такой нелепицы случиться было не должно. Но — случилось.

— Если бы я стал это выяснять, то сейчас был бы совершенно в другом месте, — пожал плечами Джабиев. — Думаешь, я не отличу действия дилетантов от работы спецподразделения? И мне совершенно неинтересно было оказаться в руках парней Гиганова. Хотя...

— Что? — не выдержал паузу Резников.

— Вот чувствует мое сердце, что это люди не Вонючки, у того обычные дуболомы в охране, а тут — высший пилотаж.

— А кого?! — заорал Герман Петрович. — Чьи это спецы были? И почему твои люди действовали так, словно им на хвост сесть невозможно?! Вчерашняя ночь ничему не научила?!

— Не кричи, — поморщился Марат. — Откуда мне знать? Мои люди — те, кто остался, — сделали что смогли. Линь на асфальт мордой лег, чтобы меня прикрыть, еле успели его оттуда подхватить. Мышкин целую обойму по шинам высадил. Заговоренные у них покрывки, что ли...

Джабиев и сам не подозревал, насколько он был близок к истине. Над неуязвимостью машин спецгрупп потрудились лучшие кадры «Омеги».

— Ладожского перехватить пытались?

— Пытались... Я сразу же связался с Пироговым, но тот сообщил, что в квартиру вошло четыре человека. Так что соваться туда пока бессмысленно. Антидот все равно уже у них. Дождемся ночи, тогда и...

Воцарилась тишина. За окном густели сумерки, дневной чад и смог постепенно оседали на затихающий город.

— Ну что же, придется снимать заряд, — наконец произнес Резников.

— Не получится, — покачал головой Марат. — Я сегодня утром наведалься в павильон. Когда там ещё никого не было. В известность не ставил, вначале проверить хотел.

— И что? — чувствуя, как холодеют кончики пальцев, спросил Герман Петрович.

— Я же предупреждал, что Химик — человек серьезный. Предупреждал? Вопрос был риторический и ответа не требовал. Предупреждал.

— В общем, основной заряд перекрыт ещё одним. При попытке снять, срабатывают оба. Плюс я там нашел ещё и это. Предупреждение.

Он достал из кармана смятую бумажку, на которой с помощью лазерного принтера было напечатано «Есть и третий». Рядом красовался издевательский смайлик. Интернетовская улыбочка.

— Нашли третий? — рассмотрев бумажку, только и спросил Резников.

— Пока нет. Да и вряд ли найдем. Это может быть что угодно, вплоть до дверной ручки или части стены. Мы имеем дело с виртуозом. А такие люди очень не любят, когда их собираются кинуть.

— Никто его кидать не собирался. Получив антидот, мы бы сразу перевели деньги. А теперь, видимо, нет смысла. Нам нужно предотвратить срабатывание газового заряда. И твоя, Марат, задача сделать это. Если не можешь предотвратить взрыв, надевай противогаз, и пусть эта холера рванет ночью, когда в павильоне не будет людей.

— Я не уверен, что второй и третий заряды тоже газовые. Вернее, уверен, что они не газовые, — горько усмехнулся Джабиев. — И я не могу дать гарантии, что третий установлен именно в павильоне, а не где-нибудь тут.

Он обвел взглядом кабинет Резникова.

— На случай, если мы таки захотим его с гонораром кинуть. Понятно?

Герман Петрович хрустнул костяшками пальцев.

— Тогда нужно перевести деньги сейчас, а завтра не пустить Мамонта на открытие выставки, пусть все произойдет без него. Отложим его прибытие на пару часов, и все дела. Это, пожалуй, единственный выход.

— Не единственный, но оптимальный. — Марат усмехнулся. — Другие хуже. Особенно если учитывать, что одним отсутствием Мамонта ограничиться нельзя. Инцидент немедленно навесят на него. Тогда все на нары приплывем.

— Значит так, сейчас я сделаю перевод всей суммы, а ты позвони в наш аэропорт, пусть под любым предлогом задержат завтрашний рейс на Москву. И предупреди патрона. С телевидением и Вонючкиными халдеями будем связываться в последний момент, когда опоздание станет очевидным. Павильон с утра не открывать.

— Хорошо, — вздохнул Джабиев. — А пока буду зачищать следы. Больше никому.

29

Глеб Петрович Малицкий пребывал в глубокой задумчивости. Только что были получены предварительные результаты от Тиунова и его химлаборатории.

— На что это похоже? — в который раз спрашивал он Максима.

— Это реагент, — нервно отвечал Тиунов. — И реагент очень нестойкий. Пока среди известных соединений ничего похожего не обнаружено. Сейчас мои ребята пытаются вывести формулу.

— Что значит нестойкий?

— Это значит, что спустя некоторое время его свойства изменятся, и мы получим нечто совершенно иное, Глеб Петрович. Минуточку...

Он выхватил мобильный телефон, который на этот раз ему было позволено не выключать, и прижал трубку к уху. Спустя пару минут переспросил:

— Ты уверен, Степан? Точно?

Малицкий меланхолично возил по столу розовую скрепку. Диланян молчал.

— Это антидот, — нажав на кнопку отбоя, сообщил Тиунов. — Нейтрализует действие ядов типа азотистого иприта и фосгена. Но, похоже, был создан как противоядие для какого-то неизвестного или редкого вещества.

— И что это значит? — напрягся Лагода. Шаря по подвалам, он выработался до изнеможения. Но надежды на то, что сегодня удастся отдохнуть, не было.

— Это значит, что где-то может готовиться теракт по типу того, который был лет десять назад в токийском метро. Там ведь именно зарин был? — отозвался Арам.

— С обычным зарином данное вещество взаимодействует слабо. Но дело даже не в этом, — поморщился Тиунов. — Лосев сказал, что через 36 часов, максимум — два дня, эта штука станет бесполезной.

— Это либо очень плохой антидот, — Малицкий прищурился, — либо...

— Либо так и было задумано. Для одноразового использования точно в срок. Возможно, исполнитель сомневался в заказчике и таким образом подстраховался, — предположил Тиунов.

— Варианты могут быть разные. Но сомневался он не зря — три парня с УЗИ и набитым бумагой кейсом, это вам не фунт изюма. — Арам в задумчивости сжимал и разжимал пальцы.

— Ясно пока одно — антидот собирались применить в ближайшие сутки. — Глеб Петрович хмуро помолчал. — Причем, очень хотели, судя по тому, что мне тут вкратце сообщили о событиях вокруг курьера. Кто и где — вот главный вопрос. Вы девчонку и этого парня как следует расспросили?

— Да, Глеб Петрович, — появился на пороге вездесущий Кобра. — Расспросили. Глубокое ментальное сканирование. Она ничего не знает. Да и Ладожский — тоже, играл роль обычного курьера. Мы, кстати, решили их от греха спрятать — парню совсем хреново. Сейчас отвезут обоих в клинику к Шацу, там Ласиков может с ними ещё поработать, только вряд ли ещё что-то вытянет. Единственная связующая нить была — мобильник. И те люди, которых мы видели.

— Видели, но взять не успели!

Коваленко только пожал плечами. Профи на профи — счет по нулям. Не могли же они на самом деле устраивать перестрелку на людной улице.

— Готовится что-то крупное, — сказал Шуваев. — Сколько, говоришь, денег хотели передать курьеру за этот антидот?

— Двадцать тысяч зеленых, — ухмыльнулся Вася. — И это только курьеру. Исполнителю, скорее всего, заплатили каким-нибудь иным способом.

— Та-ак... — Малицкий похлопал ладонью по столу. — Дедуцировать нужно, это полезное. Но учтите, время уходит. Какие будут предложения?

— Токийское метро, говорите... — неожиданно произнес Арам. — Много жертв планируется, говорите? Что ж, тогда у нас есть наводчик.

— Думаешь, тварь использовать? — мгновенно отреагировал Игорь.

— Думаю, стоит хотя бы попробовать. На поле такого уровня она не может не отреагировать, если уж за балбесами-скинами потянулась. Что там с большим детектором? Хотя бы приблизительный охват проверили?

— Сейчас проверяют, Арам Рафаэлович, — отозвался молчавший до этого Рысаков, шеф компьютерного отдела. — Думаю, территорию внутри МКАД охватим полностью.

— С этим ладно, — раздался голос Малицкого. — Что с главным? Как там проверка детекторов? Что с подвалом?

— Проверил соседние дома, Глеб Петрович, — отозвался Лагода. — Детекторы работают, точно. Моя сенсорика и показания совпали. Все материалы передал Лосю, в его отдел. От них пока ничего.

— Колдуны там что-то интересное нашли, теперь разбираются, что именно, — Шуваев с хрустом потянулся. — Пару часов назад извлекли твои трупы, Игорь, доставили сюда, анализируют.

«Мои трупы» — подумал Лагода. Это ж надо! Совсем до ручки дошел.

— Ладно, математики, давайте по коням, — Глеб Петрович швырнул сломанную скрепку в урну и обвел взглядом свою команду. — Если мы допустим второе Токио или «Норд-Ост», грош нам всем цена. Я буду тут, если что... знаете, что делать.

Они знали.

30

Она так и не поняла, что это было — больница или санаторий.

Но разбираться не хотелось, хотелось забиться под одеяло, прижать к себе Арчи и спать. Скотч вырывался — под одеялом ему было жарко. А одной ей все ещё было страшно. Страх, который она ощутила, когда увидела незнакомца с желтыми розами, а затем, когда её рванули за руку, и почему-то она вдруг взлетала в воздух и оказалась в машине с кем-то чужим, зажавшим ей рот, все ещё не прошел.

Тогда она решила, что это конец.

И укусила не дававшую ей закричать ладонь.

И лягнула того, кто впрыгнул в уже тронувшуюся машину.

Её держали сразу несколько рук, и уговаривали наперебой, пытаясь успокоить. Обладатель укушенной конечности ворчал и ругался.

— Да ничего мы тебе не сделаем! — потеряв терпение, заорал кто-то. — Прекрати пинаться!

Но Женя утихла только когда сил бороться с похитителями совсем не осталось. А когда сил не осталось, её сразу потащили из машины, и она увидела свой собственный дом. Можно было позвать на помощь, только кого? Обычно из соседей в это время в наличие разве что старые бабки да алкоголик Петька из третьей квартиры. Но может быть, кто-то услышит и хотя бы в милицию позвонит?

— А смысл? Милицию мы и сами позвать можем, — возразил один из тех, кто ждал около входа. Женя растерянно прикрыла ладонью рот. Она что, произнесла это вслух?

— Нет. Ты только не ори, пожалуйста, — попросил парень. — Мы и так тут все нервные. Кстати, чем ты Ладожского накачала, никак разбудить не могу.

— Ну что, жива? — неожиданно появился перед нею улыбающийся отрок с наивными васильковыми глазами.

— Жива, — неожиданно для себя хлопнула носом Женя. — А... вы кто?

— Мы — Чип и Дейл, которые спешат на помощь, да, Стас? — ухмыльнулся паренек. — А теперь пошли к тебе, поговорим. И прекрати трястись, уже сто раз сказали — все хорошо.

И она впустила их в квартиру.

— М-да... — протянул тот, которого называли Стасом, увидев осунувшееся лицо бесчувственного Ладожского. Потом он принялся кому-то звонить

и вполголоса отчитываться и ругаться. Примчался ещё один — похоже, предводитель, потому что именно он решил, что Жене и Павлу оставаться тут не стоит.

— Значит так... — поразмыслив, скомандовал он. — Вызываем прикрытие и эвакуируем обоих. А тут оставим засаду. На случай, если эти шустрые ребята решат наведаться.

— Как?! — пришла в ужас Женья. — Куда эвакуировать, какая засада?!

— Вывезем вас за город. Да не бойся, там врачи хорошие. Парню-то надо бы интенсивную терапию, а тебе оставаться одной опасно. Собирайся, ключи ребятам оставишь, они потом отдадут.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Женья быстро сунула в рюкзак свитер и миску Арчи. Оставлять пса тут она не собиралась.

— Кобра, четвертый не уходит, наблюдает за домом, — вполголоса сообщил тот, который сумел прочитать её мысли.

— Отлично, устроим рокировку, — отозвался предводитель. — Только бы он не слинял раньше времени, иначе зря извращаемся.

«Прикрытие» прибыло через полчаса — с носилками для Ладожского.

— Пойдешь первой, — велел Кобра Жене. — От подъезда к машине двигайся четко по прямой, собаку лучше взять на руки.

— Почему на руки?

— Так надо.

Ну, надо, так надо. Обремененная рюкзаком и негодующим из-за невозможности посетить любимые кустики Арчи, девушка вышла из дома. И почему она слушается этих совершенно посторонних и неизвестных ей людей?

«Так надо. Все будет хорошо», — шепнул ей кто-то. Она оглянулась — рядом никого не было.

Пока она шла к припаркованному поодаль микроавтобусу, все вокруг казалось слегка размытым, словно она смотрела сквозь тусклые линзы.

— Влезай! — распахнул дверцу кудрявый рыжий парень.

— А Павел?

Женья оглянулась. Странно, вроде бы старая расшатанная дверь подъезда хлопнула, но никого не было.

— Садись, твой Павел сейчас тут будет.

Она хотела огрызнуться: «Какой он мой?», но промолчала. А в следующий момент уже и забыла об этом, потому что задняя дверца микроавтобуса открылась, и в неё вдвинулись носилки — как в обычную скорую помощь. Но самое странное было то, что эти носилки появились вроде бы прямо из пустоты, и те, кто влез следом — тоже. Женья испуганно пискнула, но рыжий успокаивающе подмигнул:

— Все в порядке.

Потом обернулся и спросил:

— Все загрузились?

— Угу, — отозвался один из парней. — Наш канал можно сворачивать. Сейчас ребята симитируют уход и можно трогать.

Из подъезда появились Кобра и остальные члены его группы. Не торопясь, загрузились в джип, и тот, виляя между ямами в асфальте, уехал.

— А... как же засада?

— Они сейчас вернутся, только этого никто не заметит, — хохотнул водитель, и микроавтобус двинулся вслед за джипом.

Женя не поняла, что означает «никто не заметит», но сейчас её больше всего волновало состояние Ладожского, тот иногда приходил в себя и стонал. Она попросила остановить машину и пересела к нему. Лоб Павла был горячим и, кажется, он не понимал, где находится и что с ним. Девушка испугалась не на шутку.

— Там действительно есть хорошие врачи? — спрашивала она без конца. — Похоже на угрозу сепсиса. Ему срочно нужно антибиотики колоть.

— Да, недалеко осталось, минут через двадцать доберемся.

Когда Ладожского наконец увезли на каталке и вокруг него засуетились люди в зеленых халатах, Женя была вне себя от беспокойства. Через два часа ей сказали, что все в порядке, раны Павла обработали, сделали ему переливание крови и сейчас он спит под капельницей. Только после этого она прекратила нервно бегать по коридору и заметила, что усталый и обиженный Арчи дремлет под креслом.

Наступал вечер.

31

Наступал вечер, и надо было запастись провизией — ночь предстояла хлопотная и тяжелая. Митька, категорически отказавшийся ехать домой, был послан в ближайший магазин за хлебом и колбасой.

Диланян и Игорь Лагода, отеснив в сторону ребят из компьютерного отдела, прилипли к монитору. Большой детектор, дитя лучших умов «Омеги», получал сигналы от каких-то мудреных спутниковых систем. Космическое сканирование заданной территории проводилось и до этого, но никогда эта территория не была столь значительна.

Сам начальник ЛИИН засел за отработку обнаруженных пятен. Постепенно с экрана исчезали размытые контуры кладбищ и четко видимые на векторной карте прямоугольники моргов. В первую очередь Арам отрабатывал район, где в последний раз была замечена тварь — Кузьминки. Он то и дело сверялся с базой данных и помечал объекты, не значащиеся в ней и вызывающие сомнения. Специальная программа координировала их, и в случае изменения расположения должна была выдавать сигнал о перемещении. Но пока все было тихо — некроматерия, как ей и положено, сохраняла неподвижность.

— Ну как? — подошел Билаш с очередным бутербродом в руках. — Колдуете, некрофилы?

— Игорь, давай ты, — Диланян оторвался от таблиц и курсора и зевнул. — Полпервого уже, а у нас пока — сплошная иллюминация. Пойду-ка я кофе варить.

Лагода уселся в кресло и сделал масштаб помельче.

— Да уж... Работенки тут минимум на пару часов. И это только первое приближение.

Часы лениво отсчитывали минуты, руки и глаза сами выполняли нужные действия. Он зачистил центр города и сместился к юго-западу. Митька кемарил в неудобном офисном кресле, подложив под голову папки с годовым отчетом лаборатории.

Неожиданно взгляд зацепился за знакомую планировку. Больница, где лежала мама. Он тогда учился на втором курсе. Или на третьем? И ездил сюда через день — по четным, отец, по нечетным он. Сжимал зубы, сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони, и шел. Мимо онкологии, мимо морга, мимо хирургии и реанимации — в кардиологию. Именно тогда обычное видение сменилось тем самым внутренним ощущением, выворачивающим наизнанку нервную систему, которое в «Омеге» называют даром. Он начал воспринимать чужую смерть как собственную боль, как стылый ужас, от которого хотелось выть. Перед посещением больницы он сбегал с лекций и слонялся по улицам, готовясь к тому, что неизбежно обрушится на него за больничным забором.

Если бы мама пролежала подольше, он точно сошел бы с ума. Но её, к счастью, выписали. Тогда Лагода бросил институт, устроился на завод, собирался уехать куда-нибудь, где поменьше людей и смертей. Где их мало. Где их почти нет. И именно тогда он встретил Арама — случайно или нет, можно только догадываться. Почти наверняка — не случайно. Но на все вопросы шеф либо отмалчивается, либо отшучивается. Именно Диланян научил Игоря справляться с тем, что он слышит и чувствует, превращать себя в уникальный инструмент. Арам рассказал, для чего нужен этот инструмент — «обнаружение и нейтрализация потенциально опасных волновых излучений некроматерии», вот как называется то, что Лагода умеет лучше всех. Единственное, чего он так и не понял — откуда в нем этот дар. Или это проклятие.

Звуковой сигнал датчика комариным писком внезапно нарушил тишину. Игорь вначале даже не осознал, что это такое.

Начальник, устроившийся с чашкой на подоконнике, подскочил, едва не расплескав кофе.

— Где?!

Лагода сменил масштаб и запустил автопеленг. Потом лихорадочно щелкал мышкой, увеличивая масштаб.

— Проспект Мира. Направления — от центра.

— Может быть, труповозка? Смотри, движется вдоль магистрали. Погоди-ка, отследить надо.

— Да, вряд ли некрофаг будет свободно по улицам передвигаться. Не собачка чай.

— Пометь его особым маячком, если к моргу приткнется, значит, не наш клиент. Или на вылет из Москвы пойдет — могут кого-то увозить хоронить вне города.

— Сделано.

И снова наступила тишина, изредка нарушаемая бдительным датчиком. Через час объект замер в неопределенном месте. Игорь добил север — Ба-

бушкино и Медведково — теперь можно было перевести дух и передать бразды Диланяну. Выявились ещё несколько точек со слабыми смещениями — в пределах одного района.

— Ну что? — продрал глаза лаборант. Шея у Митьки затекла, и он принялся её растирать.

— Пока ничего.

И словно в опровержение его слов зазвонил телефон — обычный, городской.

Кобра сообщал, что спецгруппой, оставленной в квартире Жени Шутовой произведена попытка задержать неизвестных. И попытка неудачная.

— Что значит неудачная? — не понял Арам.

Трубка в ответ разразилась длинной тирадой, закончившейся, судя по звукам, весьма эмоциональными выражениями.

— Стрельба была, — коротко сообщил Диланян. — Два трупа и один из кобровских ребят легко ранен. Сейчас отходят на базу. Документов при убитых никаких.

— С ума они сошли?! — подскочил Игорь. — Их задача была — взять, а не стрелять на поражение.

— Они и не стреляли, — меланхолично отозвался Арам. — Не повезло парням — рикошетом от защитного поля — обоих наповал. Ласиков там с ними остался, и когда увидел, что дело может плохо кончиться, инстинктивно силовым куполом всех накрыл. Вот он и отразил — гости из автоматов стреляли.

— Бли-ин... — протянул Лагода. — Маг недоделанный. Не мог оглушить ментально?!

— Это ты у него спросишь. Кобра сам в полном опупении, рычит и клянется больше никого ниже магистров в команду не брать.

— Серега успел что-нибудь считать с убитых?

По лицу Диланян стало понятно — не успел.

— Ладно, — помолчав вздохнул начальник ЛИН, — я Малицкому сообщу, а то сам Кобра побаивается.

— Они место хоть зачистили? — Игорь тер виски, пытаясь представить, чем им грозит изменение ситуации.

— Да, заглушили всех в пределах слышимости выстрелов. Ну и трупы забрали. Нашим экспертам на углубленное обследование. Пытаются хоть какую-то зацепку найти... То-то Лосю подарок.

— Зацепка нам бы не помешала, — Игорь замер, вглядываясь в экран монитора. Тот самый, подвижный объект теперь двигался перпендикулярно проспекту Мира. — Ничерта не понимаю... Или я сплю, или на труповозке пьяный водила, или это тварь все же по улицам бегает.

Диланян махнул рукой и выскочил из кабинета.

Герман Петрович провел бессонную ночь.

Когда Джабиев сообщил, что по данным наружного наблюдения курьер и девица остались в квартире одни, он только рукой махнул:

— Ну, если считаешь, что момент удобный, действуй. Все равно с ними разбираться придется.

Потом он проклинал себя за то, что не учел, чем это может обернуться. А ведь Руслан предупреждал — против них работают профи.

Они ушли с «чистыми» мобильниками — только для связи между собой. И исчезли, словно растворились в ночном воздухе. Утром, когда Резников поставил на уши остаток охраны и заставил наведаться к дому — там все было тихо. Никакой внешней суеты, которая должна была быть в любом случае. Никто ничего не слышал и не видел. В квартиру входить не рискнули, а с дерева она выглядела пустой.

Джабиев и Мышкин просто испарились.

Ещё некоторое время Герман Петрович размышлял, могли ли они сбежать — от риска и ответственности. Нет, не могли. Незачем, да и бессмысленно. И продаться — тоже не могли. Это стало понятно позже, когда люди Гиганова появились в павильоне и тщательно проверили помещение, о чем ему тут же доложила охрана. А больше никто услуги людей Мамонта покупать не стал бы.

В то утро он узнал, что такое дрожащие руки. Ощущение было гадостным и каким-то лакейским.

Вывет самолета из N-ска, как и было велено, отложили. Но задержка в два часа ничего не дала. Этим рейсом летели оба — губернатор и олигарх. Со свитами. И Гиганова встречал в аэропорту вертолет, который должен был доставить его прямо на выставку. Любил Вонючка дешевый шик. А теперь ещё этот вертолет становился единственным способом прибыть вовремя.

— Я вылетаю с ним, — коротко сообщил Мамонт в трубку. — Сам понимаешь, не могу отказаться.

Резников слушал его, и телефон прыгал в руках.

— Джабиева нет, Василий Алексеевич, — только и смог он выдать.

— И где он? — голос губернатора звучал почти спокойно. И это было хуже всего.

— Не знаю. Он вчера провалил операцию.

Герман Петрович решил идти ва-банк и валить вину на Марата. Терять ему было уже нечего. Что-то говорило ему, что Джабиева он больше не увидит. Да и Мышкина — вряд ли. Или они его не увидят, что равноценно.

— Ясно. Ну что же... Сердечный приступ инсценировать я не могу, а лететь тут меньше двадцати минут. Ты сам где?

«Проверяет, — подумал Резников. — Хочет знать, брошу ли и я его...»

— Я подъезжаю к выставочному центру, Василий Алексеевич.

На часах было одиннадцать двадцать пять.

Утро в лаборатории изучения некроматерии наступило внезапно. Наверное, потому что никто не смотрел на окна — взгляды всех были прикованы к монитору. Уже не было сомнений — пятно, которое они засек-

ли, и есть некрофаг. Приведенный в готовность дезинтегратор вместе с запасными батареями ждал в джипе, но пока ясности, куда нужно ехать, чтобы пересечься с тварью, не было — слишком уж хаотично двигался объект. Хаотично, бессистемно и меняя скорость. Последнее особенно озадачивало.

— Смотри, когда траектория совпадает с направлениями улиц, скорость замедляется, а вот тут и тут — была просто бешеная, — тыкал пальцем в трассировки Арам. — Ничего не понимаю. И как будем перехватывать?

— Арам, нам надо определить основное направление. Смещение.

Лагода всматривался в пятно. За последние два часа оно стало более ярким и четким. Означать это могло только одно — некрофаг набирал силу.

— Ну что тут у вас? — появился зевающий Билаш. — Ох ну ни фиги ж себе... Хотите сказать, что эта зверюга столько за ночь наколесила.

— Цыц, Санька, — осадил его Диланян. — Лучше скажи, что может означать изменение скорости вот тут и тут? Сравни-ка.

Билаш надолго задумался, потом отобрал мышку у Игоря и принялся шарить по отрезкам векторов. Скорости действительно отличались — кое-где на целый порядок.

— Может, её тормозит что-то? — подал из угла голос Митька.

— Свари-ка лучше кофе, юная поросль, — велел начальник. — Хотя...

— Тормозит, блин! — взвился Билаш. — Точно! Смотрите, вот тут она пересекала промзону — перла по диагонали со скоростью сто сорок, даже сто пятьдесят км/ч в час. А тут — вдоль проспекта Вернадского — только тридцать, а кое-где и пятнадцать.

— Коммуникации... — прошептал Игорь. — Господи...

34

— Что со мной? — в глазах Павла, ещё затуманенных действием снотворного, плеснулась растерянность.

Женя отвела взгляд.

— Хорошо, тогда скажи, где мы?

— Вчера нас перевезли сюда. Это частная клиника. Тебе стало хуже, поднялась температура... А врачи тут просто отличные.

— И кто нас перевез? — прищурился Ладожский.

Она не знала, что ответить. Нет, ей объяснили вкратце, что такое «Омега», но Женя Шутова всю жизнь была сугубой реалисткой и заставить себя поверить так и не смогла. Но никакой иной информации не было. Поэтому она просто пожала плечами:

— Ты не волнуйся, они не связаны с милицией. И с ФСБ тоже, — чуть менее уверенно добавила она. — Это вроде бы подразделение МЧС. Сказали, что те, кто угрожал, больше не опасны.

Ладожский помолчал, а потом спросил в лоб:

— Так ты, значит, накачала меня снотворным и отправилась в одиночку совершать подвиг?

— Ничего подобного, — запротестовала Женя. — Никакого подвига...

— Брось! И как у тебя рука поднялась вколоть мне эту гадость? — не унимался Павел. От обиды и злости его бледные щеки слегка порозовели. Да и взгляд уже был вполне осмысленным.

— Как видишь, поднялась.

Она сказала это таким тоном, что Ладожский осекся. Только сейчас он заметил, как Женя осунулась. Она сидела на стуле, ссутулившись и зажав ладони между колен — эдакий печальный воробышек.

— Извини, я не хотел.

— Не стоит об этом. Мне пора... Поправляйся и... В общем, удачи тебе.

— Куда ты? А как же я?

— Тебя подлечат и отвезут домой. Они так сказали, и я им верю. А мне действительно пора — у меня ночное дежурство сегодня.

— И ты вот так просто оставишь меня тут и даже ни разу не навестишь?

— Я буду звонить здешним врачам и узнавать, как ты.

— Всего лишь?

Она хотела честно сказать ему, что да — это будет именно так. И этого достаточно. Потому что... потому что она уже просто боится привязываться к тому, кому оказывается потом не нужна. Но опять промолчала.

Ей нужно домой — приехавший поутру Стас сказал, что уже можно, но при этом отводил глаза и что-то бормотал насчет того, что они у неё в квартире немного набезобразничали. Женя подозревала, что совсем не немного, но ей было как-то все равно. А потом — на работу, а потом она заживет обычной жизнью, в которую уже поздно кого-то впускать.

— Если ты надеешься вот так просто исчезнуть, у тебя все равно не получится.

Она подняла глаза и увидела его лицо. И осознала, что впервые видит, как он улыбается — устало и одновременно безмятежно. На обметенной щекой правой щеке — ямочка, а на левой — нет.

— Я выберусь отсюда, и тогда мы поговорим, — продолжая улыбаться, пообещал Павел.

Женя поспешно кивнула и встала. В то, что он станет её искать, не верилось совершенно, просто хотелось унести с собой эту асимметричную улыбку и блеск его глаз.

Вот и закончилось это приключение. Дальше все пойдет, как прежде.

35

Большой выставочный павильон, арендованный для проведения Дня N-ской области в Москве, снаружи выглядел достаточно буднично — только сменный транспарант, флаги и некоторое количество гирлянд из воздушных шаров. Видали тут и большую помпу — с дирижаблями, танцующими африканками и прочими выкрутасами.

Исчезнувший Джабиев не мог выполнить вчерашнее распоряжение Резникова, и огромные стеклянные двери были распахнуты настежь. Герман Петрович скрипнул зубами. Все это напоминало сюжет дешевого трилле-

ра — прекрасно разработанный план рушится из-за непонятной ерунды, а главный герой обречен стать главной жертвой.

Ерунда! У него в запасе есть последняя возможность. Очень простая и доступная, береженная напоследок. Нужно просто инсценировать сообщение о готовящемся взрыве и очистить павильон от людей.

Он шагнул к посадочной площадке. Надо же, Вонючка и тут все предусмотрел — хочет выглядеть красивей всех. Вертолет уже опускался в центр желтого круга, траву на газоне пригладило вихрем от его лопастей.

Первым из кабины вывалился секретарь Гиганова — крепкий широкоплечий тип по фамилии Курай. Хотя какой он секретарь — с таким цепким, мгновенно обшарившим все вокруг взглядом. Ну вот — огляделся... Следом за ним неловко, боком, выбрался Мамонт — грузный, с взлохмаченными волосами. Явление самого Вонючки напоминало визит президента дружественной страны — широкая улыбка, уверенные жесты.

Заметив Резникова, губернатор кивнул ему. Герман Петрович подошел, указал на павильон. Выставка Мамонта интересовала менее всего, но Гиганов был слишком близко, чтобы разговаривать в открытую. Все, что он мог себе позволить, это вопросительно поднятая бровь.

— Добро пожаловать, Василий Алексеевич, — выдавил из себя Резников, демонстративно не замечая Гиганова. — Вас ждут.

— Дай ты мне хоть воздухом подышать после этой болтанки, — отыграл губернатор. — Сколько у нас в запасе, минут двадцать?

— Около того.

Герману Петровичу надо было, чтобы зазвонил его мобильный телефон. Но как назло, трубка, обычно музицировавшая почти непрерывно, на этот раз молчала. — Конечно, подышите.

Гиганов иронично глянул на них, пожал плечами, и в сопровождении Курая и ещё троих возникших словно из-под земли молодцов двинулся к павильону. Там было уже довольно многолюдно — в теплую, почти жаркую погоду бродить около стендов никому не хотелось. Завидев депутата, многие оживились, приглашенные журналисты нацелили на него фото- и телекамеры, потянулись с микрофонами.

Резников смотрел на эту суету отрешенно — он сам старательно создавал шумиху вокруг в общем-то не слишком презентабельного и помпезного мероприятия. И главной приманкой служил именно тандем Мамонт-Вонючка. Запах скандала витал в воздухе. А иначе в гробу бы эту выставку журналюги видели. Таких штатных мероприятий в столице ежедневно десятки проходят. И публика тоже была — привлеченная рекламными листовками с обещанием раздачи сувениров — футболок с гербом N-ска и шоколадок N-ской кондитерской фабрики. Постарались, черт бы всех побрал.

Мобильник молчал.

Кто-то умудрился оторвать и отпустить в небо штук пять шариков — почему-то голубые взлетали быстрее. Белые — отставали.

— Так, теперь налево, — командовал Лагода, держа у уха трубку радиации. — Идем параллельно, скорость примерно двадцать километров в час. — По коллектору движется.

— Скажешь, когда поворачивать, — сквозь зубы процедил Арам, лавируя в тронувшейся лавине машин. Импортный жучок с выгнутой горбом спиной испуганно шарханул от рыкнувшего на него джипа.

— Пока прямо. Скорость та же. Группа Кобры подтягивается, скоро будут в кильватере.

— Билаш по карте хотя бы примерно цель определил?

— Направление — Выставочный центр, вроде бы, — выслушав трубку, сообщил Лагода.

— Хреново... — выдохнул Диланян. — Там же народищу... Митька, держись крепче, на обгон иду!

— Арам, сейчас давай в тот переулок, она действительно к павильонам дует. Кобра застрял в пробке, пытается проскочить огородами.

Впереди взвивались в небо несколько оторвавшихся от дружной гирлянды шаров.

— Стоп!!! — заорал Игорь. — Тормози!

Джип, вильнув, замер. Лагода ещё некоторое время что-то уточнял у Сани, продолжавшего отслеживать перемещения твари.

— Давай на паркинг, некрофаг остановился примерно в ста двадцати метрах отсюда. Северо-восток-восток. — Он покосился на наручный детектор, к которому сбоку был приделан крошечный компас. — Так. Интересно, что тут за мероприятие?

Арам посмотрел и вздохнул. Большой павильон, облицованный голубым металлом и стеклом, окружала толпа. Человек двести или триста. Не так много, но и не мало. Чуть дальше виднелся замерший вертолет. И, естественно, все проезды перекрыты.

— Бери пушку, рыбка моя, — скомандовал он. — Митька — запасные батареи и зарядник. Ну, дети мои, с богом.

Сгибаясь под тяжестью дезинтегратора, Игорь бегом бросился к павильону. В центральный вход соваться было бесполезно, а вот сбоку — служебный, и рядом — разгрузочная рампа. То, что нужно.

Почему-то их никто не остановил — в длинном коридоре было пустынно.

— Сюда — кивнул Диланян, который топал впереди, заглядывая во все двери подряд.

Комната была забита какими-то столами. На один из них Игорь установил пушку. Детектор пульсировал багровым.

— Тварь где-то рядом, — почему-то шепотом сообщил он Араму.

— Знаю, — начальник, словно озабоченная квочка, взмахнул обеими руками сразу. — Заряжай! Для начала попробуем достать через пол. Блин, где Кобру носит?!

— Его ориентирует Билаш, сейчас будут.

Митька вставлял в пушку батареи, таращил глаза и озирался. Насмотревшись на результаты охоты голодного некрофага, он чувствовал, как мелко трясутся поджилки. А он-то всегда думал, что это фигуральное выражение...

Лагода ответил на вызов базы и ошарашенно сообщил:

— Саньке удалось взять линейные размеры твари. Два на три...

— Ну ни фига себе зверюга, — присвистнул Арам. — Долго шашлык из неё жарить придется. Где она, Билаш уточнил?

— Пытается совместить контур павильона с картой. Большая погрешность. Сейчас засек нас....

Рация закурлыкала.

— Говорит, что от нас метров двадцать на юго-запад. Та-ак.... отсюда через пол не получится. Пошли дальше! Митька, помогай. Шеф, давай впереди для решения вопросов с персоналом. Если решат применить силу — бей в торец, потом отбросимся.

Арам молча потер волосатый кулак и кивнул.

Попавшемуся на пути юноше с бэйджилом на лацкане Диланян ткнул под нос удостоверение «Омеги» — юноша обалдело шарахнулся в сторону. Но двое других были из породы секьюрити, и пытались не дать пройти. Игнорю было уже на все плевать: до цели оставалось всего ничего. Поэтому он просто навел на бойцов раструб излучателя и гаркнул:

— С дороги, идиоты, операция «Антитеррор»!

Хорошо, что парни оказались без стволов и с зачатками интеллекта. Вначале решили доложить начальству.

Но не успели.

37

Мобильник молчал, как проклятый.

Резников отошел в сторону и попытался незаметно включить будильник. В технике он разбирался отвратительно, поэтому ничего не получалось, потом вместо будильника он случайно наткнулся на выбор мелодий. Трубка издала какой-то звонкий пассаж, и он быстро поднес её к уху. Дешевая игра — вот что это было.

Через минуту Герман Петрович уже отдавал распоряжения — получен сигнал о заложенной бомбе, нужно всех срочно вывести из павильона. Всех, кто уже туда вошел...

Сунув телефон в карман, он оглянулся — ни Мамонта, ни Гиганова рядом не было. Именно сейчас отсутствие Джабиева взбесило по-настоящему. Он все время забывал, что теперь должен делать то, что раньше делал Марат.

Резников бросился к павильону, и в этот момент из него повалили первые, услышавшие о заложенной бомбе. Судя по лицам, в реальность угрозы никто не верил, но на всякий случай, памятуя о прошлых терактах, люди решили убраться от греха подальше. Германа Петровича оттесняли от дверей, а он, расталкивая выходящих, рвался внутрь. Из павильона слышались возбужденные голоса — похоже, Вонючка решил, что это подстава, и ему не дадут возможность покрасоваться перед камерами.

Правильно решил. Насчет камер.

Отчаянным усилием Резников оттолкнул паренька с банкой пива, следом кого-то ещё, потом его отшвырнуло назад, и тут внутри павильона раздался грохот и отчаянные вопли. Из подъехавшего джипа выскакивали люди, ввинчивались в испуганную толпу, что-то кричали, веля отойти как можно дальше. Герман Петрович кинулся за ними, стараясь через головы разглядеть губернатора, но это было бесполезно. И вообще — паника уже захлестнула и его, он не понимал, что происходит — ведь как минимум десять минут резерва ещё оставалось. А если это взорвался тот самый, другой заряд, о котором говорил Джабиев? Нет, не может быть — взрыва не было, в павильоне что-то рушилось. Вот опять... Неужели стелсы?!

Он был уже рядом с входом, инстинктивно стремясь оказаться сейчас рядом с хозяином. И тут прямо на него из дверей вывалилась фигура. Он сразу узнал Гиганова — характерная фигура, дорогой костюм с матовым отливом. Это был Вонючка, только лица у него не было.

Пошатываясь, Гиганов двигался, словно зомби — окровавленная маска вместо лица, неуверенные движения. Закричала женщина, кто-то кинулся к олигарху, кто-то рванул прочь, наконец-то осознав, что пора спасать собственную шкуру. Вид крови спровоцировал уже настоящую панику.

Германа Петровича опрокинуло назад, и тут же в его живот впечаталась чья-то нога, другая... Оглушенный ударом об асфальт, он не слышал криков и только чувствовал — прямо по его телу бегут люди.

Резников попытался откатиться в сторону, но там тоже были чьи-то ноги. И каждый их шаг колющим эхом отзывался где-то под ребрами.

38

За последним поворотом оказался зал — с яркими стендами, макетами каких-то цехов и огромной пятнистой коровой, парящей под потолком в окружении бело-голубых облачков из шариков.

Неожиданно...

Лагода едва не сшиб стол с разложенными на нем пышными булками и нервно огляделся. Люди, довольно много людей. Камеры, нацеленные на площадку в центре павильона, озаренную яркими лампами. Там кто-то уже говорил в микрофон — громко, пафосно.

Рассматривать времени не было — детектор на запястье рыкнул и завибрировал.

— Все в сторону! — кричал Арам, двигаясь причудливыми зигзагами, чтобы определить точку для опережающего удара. — Все в сторону — очистить помещение!

Говорящий в микрофоны нервно вздрогнул, обернулся и завопил, что это провокация, и он не позволит. Его охрана бежала к ним, доставая стволы. Но не добежала — другие люди уже сообщали по громкой связи, что павильон заминирован, и его нужно срочно покинуть — всем. Телохранители поспешно метнулись обратно — прикрывать уход босса.

В поднявшейся суматохе Игорь увидел — Диланян указал на металлический люк — сбоку у стены.

И нужно было только успеть установить пушку, только успеть.

— Кобра тут! — крикнул ему Митька и кинулся оттащить в сторону стулья, мешавшие подойти к люку.

А дальше Лагода видел все так, словно закрутили безумное кино.

Взлетела железная крышка, грохнувшись обратно на мозаичную плитку, которая тут же вздыбилась, принялась разваливаться вместе с кусками бетона. И из огромного разлома полезла тварь.

Что это именно она Игорь осознал только потому, что ждал чего-то подобного. Но не такого. Некрофаг действительно был похож на чудовищный стусок тьмы, силуэт, окруженный лохмами и напоминающий не то дикого вепря, не то медведя. Из пасти, словно жвала, торчали вверх и вниз загнутые крюками зубы.

Но почему-то самым жутким было то, что вокруг чудовища кружилась вихрь воздушных шариков из разлетающихся облачков.

— Митька, в сторону! — закричал Игорь, стараясь перекрыть грохот. Лабрант, прикрываясь пластиковым стулом, как щитом, отскочил и бросился к Диланяну.

Тварь замерла лишь на секунду, упершись лапами в края разлома и почти без подготовки сделала первый бросок. Он пришелся на пустующую освещенную площадку, и это спасло многих. Разлетелась аппаратура, полыхнуло сухим электрическим пламенем, в павильоне погас свет. Крики тех, до кого дотянулись жуткие клыки, вывели присутствующих из оцепенения, и они бросились к двери.

Лагода судорожно пытался поймать мечущегося некрофага в перекрестье прицела монитора, но это было бесполезно — поймать было можно, но не зацепить при ударе людей — нет.

— Митька, Кобра, гоните всех отсюда! — рявкнул Арам, выхватывая некрошокер.

Бестолково мечущиеся люди усилиями команды подоспевшего спецотряда «Омеги», наконец-то были оттеснены, кто-то из парней в нервах разрядил в некрофага целый автоматный рожок, чтобы прикрыть последних. Раненых утаскивали волоком. Наперерез кинувшейся за ними твари бросился Диланян и, словно тореадор, крутнувшись на месте, ударил её шокером. Острые кинжалы-когти просвистели у живота, а Арам уже отпрыгивал в сторону.

— Ну что же, рыбка моя, пофехтуем!

— Шеф, держись правее! — Игорь положил пальцы на пусковую кнопку. — Все — в сторону!

Разряд был настолько мощный, что вместе с тварью смел и скорежил металлическую конструкцию, с установленными на ней софитами. Падая, один из них зацепил и сшиб с ног Диланяна.

— Арам, осторожней! — крикнул Кобра и полоснул из УЗИ по живучему некрофагу. Словно терминатор, тот выкарабкался из-под обломков почти мгновенно. Пули его не брали, разве что на мгновение отвлекали от жертв.

Диланян оглянулся — оскаленная пасть и белые, словно залитые молоком глаза были совсем рядом. Неловко перекатившись за куски конструкций, начальник ЛИН вскочил на ноги.

Раненому некрофагу явно было не по себе — но сдаваться он не собирался. Не зря его вел сюда мощный инстинкт. Хотя движения твари теперь явно замедлились.

Вновь полыхнула пушка, обдав волной озона. Вот так... почти накрыло. Тварь корчилась на полу посреди обломков того, что ещё недавно было нарядной экспозицией. Где-то за стенами павильона выли сирены.

Под потолком лопнула надувная корова и бело-рыжей кляксой шлепнулась в центре зала.

— Давай еще раз, и отходим! — приказал Диланян Игорю, поспешно меняющему батареи пушки. Митька напряженно следил за упорно ползущей к ним тварью. Часть её тела превратилась в рыже-зеленую слизь и тянулась следом.

— Кобра, держи своих ребят подальше, — голос Диланян потонул в грохоте — обрушилась ещё часть конструкции. — Мы с ней справимся. Уходите!!!

— Отходим, — нехотя приказал Коваленко. — Быстро!

— Давай! — махнул рукой Арам, пригибаясь. — С богом!

То, что произошло дальше, не укладывалось в сознании. Казалось бы уже подышающая и полуразложившаяся тварь в момент нового разряда взвилась вверх и, теряя куски распадающейся плоти, бросилась на Лагоду. Митька, попытавшийся по примеру Диланян использовать шокер, отлетел в сторону и, врезавшись в стену, сполз по ней. А Игорь, оттолкнув уже бесполезную пушку, выхватил что-то из кармана и коротким движением швырнул в летящего на него некрофага.

Впервые они услышали голос твари — жуткий утробный вой на уровне инфразвука. Корчась и загребая лапами, некрофаг дергался на полу в паре метров от них. Потом замер и стал опадать, съеживаясь, будто медуза под солнцем.

— Митьку уноси! — крикнул Араму Лагода. — Все...

Диланян кивнул и подхватил на руки ещё не пришедшего в себя лаборанта. Так они и отходили — впереди Игорь с пушкой, следом — начальник с Митькой. Длинные ноги Круглова норовили зацепиться за все, что только можно, и мешали идти. Они уже сворачивали за угол, когда позади, в опустевшем зале раздался негромкий хлопок, и в спину ударило медленное легкое пламя. Последнее, что видел Лагода — белый, затягивающий разрушенное помещение туман. И услышал стон Арама:

— Твою мать...

— Кобре объявляю благодарность, — Малицкий с хрустом потянулся в кресле. — За то, что догадался вернуться за антидотом.

Коваленко картинно оскалился и потер ладони. Теперь лаборатория исследования некроматерии по гроб жизни ему должна. А как же — самому Диланяну вкатал в ягодицу укол. И Лагоде — тоже, не говоря уже о лаборанте.

Тут одним пивом не обойдутся!

То, что в павильоне был заложен газовый заряд, оказалось для Кобры не такой уж неожиданностью — на готовящийся теракт ориентировались сразу, и когда рвануло, не растерялись. Молились, конечно, полуночным богам, чтобы дозировка не подкачала, но — обошлось. Сейчас ЛИНовцы отходят после случившегося — Малицкий велел их для профилактики в лазарет запихнуть. Игорь, когда его уносили, все ещё бредил своим осиновым крестом. Спас-де их этот крест в последний момент. Но это фигня. Спас их он, непобедимый и мудрый Кобра.

Билаш подмигнул воспаленным после бессонной ночи глазом и тоже ухмыльнулся. Завалили они некрофага, вистую завалили. И даже практически без жертв. А то, что у кого-то из свиты губернатора N-ской области сердце слабым оказалось — не их проблемы. Сам-то губернатор легким испугом отделался. Правда, какому-то депутату морду здорово ободрали, но морду ему пластические хирурги новую сошьют.

— Саня, ты чего веселишься? — вывел его из размышлений голос Малицкого.

— А он все ещё тому, что некрофаг размножиться не успел, радуется, — фыркнул кто-то от дверей. — А то гонялись бы за его детишками по всей Москве до морковкиного заговения...

— Да ну вас, — обиделся Билаш. — Я, можно сказать, был на пороге великого открытия и посрамления Вайненберга, и такой облом...

— Кстати, насчет открытий, — Малицкий оглядел всех присутствующих по очереди. — Захоронение в подвале было мастерским. Поэтому и детектор на него не отреагировал.

— Что значит — мастерским? — не понял Кобра.

— Рунное заклятие, — пояснил Малицкий. — Какая-то сволочь постаралась — закрыла им могилы. Останки-то старые, лет сто, так что искать, кто это сделал, смысла уже нет. Просто учтите — старые маги и такое умели... чтоб им на том свете икалось. И хорошо, что на их мастерство есть наше.

Все помолчали, переваривая информацию.

— Я скажу ребятам, пусть над детекторами поколдуют, рунный декодер поставят, — Шуваев встал и улыбнулся.

— Ну что, орлы, по коням?

40

Женя тащила к дому упирающегося всеми четырьмя лапами Арчи. Скотч явно жаждал продолжить прогулку, но после суточного дежурства девушка была больше не в состоянии шастать за ним по кустам и закоулкам.

— Завтра утром побегаешь, — уговаривала она собаку, — ну, будь человеком!

Подъезд встретил их привычными запахами и звуками. Где-то бормотал телевизор, плакал младенец, скрипели под ногами ступени.

В последний момент вместо того, чтобы войти в распахнутую дверь, Арчи коротко взвизгнул, рванул в сторону и бросился к лестнице, волоча поводок. Женя кинулась за неслухом. А тот уже карабкался вверх, к чердаку...

— Ты? — она замерла, увидев ноги, обутые в знакомые ботинки на толстой рубчатой подошве. Все остальное тонуло в темноте. И перила так и не отремонтировали...

— Я, — коротко ответил знакомый голос. А потом добавил: — Ну и сколько я должен тут сидеть? Я же обещал, что тебе не удастся вот так просто исчезнуть из моей жизни.

41

— Вот так оно все и было, Светлана Николаевна, — закончил рассказ Диланян. — А то в наших смях такого наплели, что не знаешь, плакать или смеяться. Да ещё какая-то левая исламская группировка примазалась — дескать, наших рук дело. Но наши аналитики уверены, что это местечковые игрища N-ских политиков. Не зря губернатор этой самой области в отставку быстренько подался.

— Да бог с ним, — профессор Преображенская, улыбаясь, смотрела на Диланяна и Лагоду. Историю с осиновым крестом, добившим тварь, они изложили ей первым делом. — Главное, вы целы остались.

За окном густели летние московские сумерки, настоянные на запахе пыли и тополиной шелухи. Где-то звенел трамвай и улюлюкала автосигнализация. Но все это перекрывали крики мальчишек, гонявших под окнами старого дома футбольный мяч.

— Мы в норме, — улыбнулся Игорь. — Нас привлекли зачищать кладбищенский вал. Надо прощупать его и территорию вокруг. Чтобы не повторилось...

Он машинально глянул на запястье.

Детектор ровно светился белым, показывая, что все в порядке. Можно спокойно пить чай и вспоминать то, что уже в прошлом.

ЮЛИЯ ЗОНИС

ЗАЧЕМ СОБАКЕ ПЯТАЯ НОГА?

ВОО НА ВЕРАНДЕ РАСПИВАЛИ КУАРОВЫЙ СОК ИЗ ВЫСОКИХ ГРАНЕНЫХ СТАКАНОВ. Солнечные лучи пробивались сквозь навес из листьев пальмакации и ласково щекотали физиономию одного из собеседников — плотного, краснолицего сержанта Кунни Бабушка. Его тропический шлем лежал на столе, а сам сержант постоянно смахивал выступающие на лбу капли пота тыльной стороной ладони. Второй мужчина был поджар и смугл, с седоватыми висками и насмешливым ртом. На базе его не звали иначе как Док Дулитл, хотя настоящее имя его было Ирвин Ричардсон.

— Жарко сегодня, а? — пропыхтел сержант.

Хозяин дома улыбнулся.

— Добро пожаловать на Таильти. Ничего, через пару дней привыкнете. Хотите свежего сока, из холодильника? Ваш, наверное, уже степлился. Я попрошу Ольгу принести.

Сержант изумленно хмыкнул.

— Ольгу? Вы привезли сюда жену, Док?

Улыбка Ричардсона стала шире.

— А вот сейчас увидите.

Он обернулся и прокричал внутрь дома:

— Дорогая! Пожалуйста, принеси сержанту еще сока. И виски со льдом для меня.

По прохладным темным комнатам прокатилось эхо. Сержант крикнул.

— Тоже не прочь выпить виски? Как ваш новый практикующий врач, не советую. Первые дни лучше воздержитесь от спиртного. Надо попривыкнуть и к климату, и к обстановке.

Бабушка почесал в затылке.

— А скажите, что случилось с моим предшественником? Мистер Маевник, когда мы подписывали договор, дал понять, что моя должность... как бы это сказать... пожизненная.

— Ах, Роберт? Бедняга погиб на рыбалке. Кажется, его сожрал какодил.

Сержант содрогнулся.

— Не переживайте, — приободрил его доктор, — вам это вряд ли грозит. Боб был страстным рыбаком, так что единственное, что удивляет меня в этой истории, — как его не съели раньше. Здешние речки кишат всякой гадостью. Местные, впрочем, мажутся соком златовласки и лезут в воду без страха, но я не могу перенести вонь. Полагаю, и какодилы не могут. Я вырыл бассейн за домом, так что, если захотите поплавать — милости прошу.

Внутри дома послышались шаги.

— А вот и Ольга с вашим соком.

Сержант оглянулся и так и замер с открытым ртом.

(спустя две недели)

Сержант топал по тропинке. Тропка тянулась вдоль окраины поселка и через заросли вододендрона поднималась к гасиенде доктора Ричардсона. Запыхавшийся Бабушка сдвинул шлем на затылок и обмахивался фикусовым листом. Тяжелые ботинки сержанта при каждом шаге взбивали пыльные облачка. На полянке, ярдах в пятистах от дома Ричардсона, маленькая девочка-туземка пасла крупную ящерицу. Ящерица смачно хрумкала зелено. Девочка почесывала босую, облепленную грязью ногу пяткой другой ноги. Вместо носа на круглом личике малышки красовался зазорный свиной пятачок. Заметив сержанта, девочка улыбнулась и помахала землянину четырехпалой ладошкой. Бабушка с трудом выдавил ответную улыбку и в сотый раз упрекнул себя за то, что никак не может привыкнуть к Дулитловым кадаврам. Трехрукие и хвостатые уродцы были еще ничего, но при виде туземца, со щеки которого подмигивал большой слезящийся глаз, Бабушка ринулся в кусты и долго там оставался. Чешуйчатые гребни, когти, плавники и прочие мелкие отростки скоро перестали его удивлять. Такая уж тут завелась мода. Изначально вполне человекообразные, таильтяне радостно обзаводились новыми органами. Интересы ради Бабушка даже поинтересовался расценками. Жена старосты, недавно нарастившая верхнюю челюсть и сделавшая пересадку хвоста, охотно его просветила. Док брал по пять шершней за мелочь вроде тех же гребней или перепонок между пальцами. За операции посложнее туземцы расплачивались шриком.

В дни сбора бобового урожая над деревней плыл густой сивушный дух. Женщины и дети сидели во дворах, увлеченно пережевывая бобы. Жвачку сплевывали в тыквенные калebasы. Часть потом пересыпалась тростниковым сахаром и заливалась водой, и через пару недель брожения превращалась в неплохое пиво. А часть сосудов закупоривалась и перекочевывала на корабли мистера Маевника. На Земле содержимое калebasов — смесь слюны и бобовой жвачки — перегоняли, обогащали и разливали в тонкие стеклянные ампулы с надписью «Май-Тай». Или, попросту говоря, шрик.

Сержант одолел последний, самый крутой подъем. За деревьями показался дом Ричардсона — просторный, с плоской крышей и двумя боковыми пристройками. Дорожки сада были посыпаны толченым кирпичом, а на перилах веранды рядом выстроились пустые бутылки из-под рома и джина. Сам доктор был на заднем дворе. Из-за дома доносился его голос и резкое, гортанное уханье. Похоже, Док давал последние напутствия Верзиле Джо перед матчем.

— Эй, Док!

Бабушка вскарабкался по ступенькам на веранду и уже собирался обессилею рухнуть в кресло, но Ричардсон отозвался:

— Кунни, это вы? Идите сюда. Проклятая птица не в духе, я пытаюсь ее умаслить. Пройдите через столовую, и захватите виски — там на буфете стоит бутылка.

Сержант вздохнул, тоскливо глянул на привычное местечко в тени и поплелся в комнату.

Док стоял у загона. В загоне жила пара бойцовых страусов, Верзила Джо и Долговязый Суслик. Обычно они мирно выклевывали корм из корыта или разбрасывали солому, но сейчас обстановка накалилась. Суслик забился в угол и пощелкивал оттуда клювом, сердито шипя. Верзила носился по загону, ухая и хлопая крыльями. Временами он подпрыгивал футов на пять в воздух, будто собирался улететь — хотя куда улетишь на таких культяпках. Док топтался у решетки и приговаривал: «Джо хороший, Джо умница, Джо славный мальчик». Рядом стояла жена Дока, Ольга. В верхней паре рук у нее было зажато ведро с тухлой рыбой, а нижняя теребила длинную юбку. Увидев сержанта, женщина приветливо кивнула.

Док обернулся и сердито мотнул головой в сторону загона:

— Видите, что делается. Никак не могу его успокоить. Знает, паршивец, что у него сегодня встреча с Хохлатым Любимчиком. Вы думаете, он в ярости? Как бы не так. Он трусит, отсюда и все прыжки и вопли. Утром наложил огромную кучу, ничего не ел. В обед чуть не разорвал беднягу Суслика. Видите, куда он его загнал? И все от страха.

Верзила Джо щелкнул клювом и пошел на следующий круг. Док опять обернулся к решетке и засюсюкал:

— Джо хороший, Джо умный, Джо победит. Джо из Хохлатого кишки выпустит. Правда, Джо? Папочка поставил на Джо двадцать шершней, мы же не хотим подвести папочку, а?

Верзила задрал хвост и обгадился. Док врезал по прутьям кулаком.

— Не знаю, что с ним делать. Похоже, он окончательно спятил.

Ольга поставила ведро и тихо предложила:

— Давай я пойду в загон. Я поглажу его, и он успокоится.

Как и все местные, Ольга не выговаривала «л», так что у нее вышло «погражу». И имя свое она произносила как «Орья». Это выходило у нее трогательно и чуть картаво.

Док обернулся к жене.

— Ну куда ты пойдешь? Он же тебя искалечит.

— Не искалечит.

Ольга говорила негромко, но настойчиво. Ходили слухи, что она основательно прибрала Дока к рукам, и тихо, незаметно ведет за него все дела.

— Я умею обращаться с торгами, а ты — нет.

Бабушка решил вмешаться:

— Может, и в самом деле... Все-таки у вашей супруги... хм-м... больше опыта.

Сержант поставил на схватку Верзилы и Хохлатого пять шершней, и ему вовсе не хотелось потерять деньги из-за неявки бойца.

— А, делайте что хотите.

Док безнадежно махнул рукой и пошел в дом.

— Так-то лучше. Держите ведро, — деловито сказала Ольга.

Бабушка принял у нее ведро. От рыбы невыносимо несло тухлятиной. У местных с обонянием было не очень, взять хоть ту же златовласку — но этим запахом стену можно было пробить. Сержант постарался дышать ртом.

Ольга распутала веревку, привязывающую дверцу загона, и бесстрашно прошла внутрь. Верзила остановился и подозрительно уставился на гостью. Сержант напрягся. Все-таки это вам не воробушек, а полтонны живого веса. Ольга подняла руку ладонью вверх и заворковала-заухала, очень похоже на самого торго. Птица вытянула шею и прислушалась. Через минуту глаза у нее полузакрылись, а встопорщенные перышки на шее улеглись. Казалось, что страус сейчас замурлыкает. Ольга подошла и почесала его под подбородком. Оглянувшись, женщина позвала:

— Ну что же вы, сержант? Несите рыбу.

Спустя полчаса Бабушка и Док сидели в шезлонгах у бассейна и пили виски. От загона пахло, но удовольствия это не портило. Справа в садке бил о воду хвостами ручной какадил Пульхерия. После того, как Док передал зверюге эпифиз своего любимца-коалы, какадил питался исключительно лиственной эвкалипта и часто просился на ручки.

— Док, — задумчиво сказал Бабушка.

Он поднял стакан к глазам и прищурился на солнце.

— Вы ведь так и не рассказали мне, как здесь очутились.

Док завозился в шезлонге и хмыкнул.

— Это довольно длинная и глупая история. Странно, что вам еще не разболтали. Видите ли... Хотя все здесь называют меня врачом, по профессии я ветеринар. Окончил ветеринарный факультет Королевского колледжа. Как выяснилось после выпуска, я выбрал не самую удачную профессию. С домашними животными уже тогда было туго, на весь Лондон хватало пары клиник. К счастью, мой дядя был членом городского магистрата в Бреттоне — это такой городишко в западном Йоркшире. Он пристроил меня в тамошнюю ветлечебницу. И все было бы прекрасно, если бы я не увлекся трансплантациями. Еще в колледже я не вылезал из лаборатории доктора Майера. Вы вряд ли о нем слышали, но в начале века он был сенсацией. Он разработал авторский метод трансплантации органов, при котором не используются иммунодепрессанты. Не понимаете? А вот представьте — вам пересаживают печень, и уже через неделю вы можете хоть на Монблан карабкаться. Никаких побочных эффектов, никакого отторжения. По тем временам это казалось чудом. Майер предлагал мне остаться у него, но лаборатория как раз переезжала на Марс, а я собирался жениться. Шарлота, понятно, ни о каком Марсе и слышать не хотела. Мы отправились в Йоркшир, и я занялся ветеринарной практикой. А месяца через три я нашел болонку. Просто шагал по тропинке к ферме, и из-под изгороди ко мне бросилась собачонка. Довольно, скажу я вам, мерзкая собачка — она тут же вцепилась мне в ботинок, визжа и урча. Конечно, мне следовало поместить объявление в газете, ведь просто так породистые собачки не бегают, но пока шавка терзала мои шнурки, меня осенило. Я как раз тогда занимался влиянием некоторых растительных веществ на скорость роста тканей, у меня были свежие препараты, выписанные из Лондона. Не было только подходящей модели. Вы не представляете, как дорого стоили тогда лабораторные животные. Чтобы купить пару крыс или хомячков, надо было заложить дом. А тут мне бес-

платно привалило... Не долго думая, я завернул собачку в куртку и побежал домой. Не буду утомлять вас рассказом: опыты прошли удачно, за две недели у собаки отросла пятая нога. Мне удалось восстановить иннервацию, и Кусачка — так ее назвала моя жена — довольно резво бегала на всех пяти ногах. Я уже собирался писать статью и требовать с Королевского общества грант на следующую серию опытов, когда к нам в гости заглянул мэр с супругой. И какая нелегкая их принесла? Только старички расположились в гостиной, как Кусачка примчалась на своих пяти ногах и стала ластиться к супруге мэра, чуть ли не на колени к ней лезла. Старушка присмотрелась и грохнулась в обморок. Выяснилось, что собака — это ее пропавшая любимица Мария Августа Великолепная, которая сбежала три месяца назад. У бедной женщины случился сердечный приступ. Мэр, понятно, пришел в ярость — собака стоила целого состояния, не говоря уже о жене. Меня выгнали с работы, Шарлота уехала к своей матери, а дом пришлось продать, чтобы хоть частично возместить ущерб. Дядя меня и на глаза не пускал — ему хватило нервов, пока он уговаривал мэра не подавать на меня в суд. Не прошло и двух недель, как я остался без дома, без профессии и без семьи. Я уже подумывал, не пустить ли пулю в лоб, когда увидел в сети объявление. Искали врачей для космической экспедиции. С отчаяния я позвонил по указанному номеру. Так мы и познакомились с Реджи Маевником.

Док глотнул виски и швырнул выползшему из садка какодилу резиновую игрушку. Пульхерия заворковал, прикрыв кожистые веки.

— Сошлись мы на том, что оба были неудачниками. Реджи как раз провалил защиту докторской диссертации по палеосоциологии. Если честно, его выкладки были редкостным бредом. Он занимался изучением пути миграции эскимосов во время Великого Переселения народов, а на основе этого почему-то делал выводы о перемещениях ишизаки в космосе. На защите над Реджи просто посмеялись. Он взбесился и заявил, что докажет свою правоту. Ближайшей системой, где должны были остаться следы присутствия ишизаки, была, по его расчетам, альфа Проциона. Он решил собрать экспедицию, отправиться туда и привезти несомненные доказательства. Идея была совершенно безумная. Денег на это, понятно, никто не давал. Тогда Реджи продал свою часть акций Будвайзера, заложил дом, машину и фамильную статуэтку летящего Персея. Этого с грехом пополам хватило, чтобы нанять старое корыто. На команду денег уже не осталось, и он стал набирать добровольцев. Вам надо было это видеть, сержант! Такого количества отбросов общества, самых жалких неудачников, прожектеров и авантюристов не собиралось даже при отплытии Ноева ковчега. Звездолетчики с правами на гидроплан. Техники, не отличающие втулки от микросхемы. Инженеры, окончившие курсы машинописи при обществе слепоглухонемых. И я, ваш покорный слуга. Вы полагаете, это смутило Реджи? Ничуть. Из этого сброда он сколотил команду: там были я, Душка Роджер (тогда он и слова «радар» не слышал, и твердил только о травке, девочках и риг-рэгге), Мол Колнер в качестве штурмана, ваш предшественник Боб и сам Маевник за капитана. Объединяло нас всех то, что терять

нам было уже нечего, и то, что мы ничего не смыслили в навигации. Может, поэтому нам и повезло. Мы начали с того, что заложили в бортовой компьютер неправильный курс, и корабль вышел из гиперпрыжка вовсе не рядом с Прочионом, а здесь.

Рыжий солнечный диск медленно скатывался к верхушкам вододендронов. В зарослях хрипло орал ииранги и кувыльницы. Бабушка подумал, что еще час — и пора будет вести Верзилу на ринг. Он довольно прищурился и пошевелил занемевшими в тяжелых ботинках пальцами ног. Надо будет купить легкие плетенки из коры свистопляски, как у всех тут. Подумать только, если бы не ошибка пилота, эта дивная планета так и осталась бы неоткрытой. И он, Кунни Бабушка, потел бы сейчас в душном полицейском участке, а не наслаждался бы благородным напитком в обществе джентльмена.

— За случайности!

Он поднял стакан и сделал мощный глоток.

— Э-э, да вы уже хороши, — усмехнулся Док. — А ведь нам еще волочить в деревню проклятого страуса. Поумерьте прыть, сержант.

Бабушка благодушно ослабилась и пренебрежительно махнул рукой.

— Отволочем, никуда он не денется. Нам страусы... ик... не впервой. Что нам страусы? Я знаете каких бронтозавров в участок таскал, ой-ой-ой...

Справа пронзительно запищало: это Пульхерия разгрыз-таки свою игрушку. От неожиданности сержант подпрыгнул, и остаток виски выплеснулся ему на штаны.

(спустя три часа)

— Эх, если бы он ударил левой снизу вверх! Как думаете, Док? Снизу вверх, раз — брюхо распорото, а потом добить Счастливчика клювом.

— Вы так ловко об это рассуждаете, Кунни, что вам самому бы следовало очутиться на ринге. Уж там бы вы себя показали.

Док говорил несколько раздраженно, во-первых, потому, что проиграл двадцать шершней, и, во-вторых, потому что волочитьдохлого торга вверх по склону довольно утомительно. Бабушка, вцепившийся во вторую страусиную ногу, пропыхтел:

— Я же говорил вам —ставляйте Суслика. Суслик бы мог...

— Ничего бы он не мог. Суслика еще натаскивать и натаскивать. Уф, все, умираю. Давайте передохнем.

Док бросил страуса и уселся на вывернутый ствол араукории. Он вытащил пачку сигарет и жадно затянулся. Сержант устроился рядом, прикурил и неожиданно спросил:

— А зачем мы это делаем?

— Что «это»?

— Ну, в смысле, зачем мы тащим страуса к вам домой? Ведь он все равно ужедохлый.

Эта мысль настолько поразила Дока, что он подавился дымом и закашлялся. Пока он перхал, а услужливый Бабушка колотил его по спине, из тем-

ноты вынырнул Душка Роджер. В руках у него была бутылка с текилой, а глаза горели негасимым азартом.

— Что, надрал вас староста? — весело проорал он, размахивая бутылкой. — А вот будете в следующий раз прислушиваться к советам опытных людей...

— Это ты-то опытный? — презрительно ухмыльнулся Бабушка. — Что же ты на Верзилу поставил и все продул?

— Я хотел вас поддержать, — невозмутимо ответил Душка, — подпереть дружеским плечом в трудную минуту, чтобы вы совсем уж не скисли. Так, а это у нас что?

Он уставился на окровавленную страусиную тушу. К ней уже сползались шустрые землемерки.

— Э, нет, так дело не пойдет. Бедная птичка сражалась за вас, отдала, можно сказать, жизнь, а вы ее всю в пыли изваляли.

Он подошел к торгу, уселся перед ним на корточки и поднял бессильно свесившуюся страусиную голову.

— Спи спокойно, друг! Мы тебя не оставим...

Тут его, похоже, осенило. Он радостно икнул и предложил:

— А давайте устроим Верзиле погребение! Роскошные похороны, цветы, я даже речь толкну...

— Шли бы вы на радар, Роджер, — посоветовал Док. — Там вас, наверное, заждались.

— Гоните, — горько простенал Душка, — друга своего гоните, соотечественника. Одна ты, птица...

Он обнял страуса за шею и зашептал что-то невнятное. Бабушке стало его жаль. Совсем человек пропадает от водки.

— Нет, ну в самом деле, Док, надо что-то делать с трупом. Не понесете же вы его Ольге?

Док печально покачал головой.

— Не понесу. Она меня не простит. Глупый страус был ее любимцем...

— Так что же будем делать? Может, бросим его в кусты?

— Его можно зажарить, — меланхолично заметил Док. — Нижние конечности торгов, или *Struthio aornis sumoescence*, весьма калорийны и на Арфе считаются деликатесом. Они содержат так называемый синаптотагмин...

— А-а, пропадай моя телега! — неожиданно возопил Душка и вырвал откуда-то из-за пояса здоровенный мачете.

Прежде чем Бабушка успел обездвигить спятившего приятеля, тот точным движением обрушил мачете на тушу и отсек страусу левую ногу. Трофей Душка с усилием воздел над головой и торжествующе закричал, как первобытный человек, заваливший мамонта.

— Что ж, ничего не остается, — все так же меланхолично сказал Док. — Придется жарить. Если вам не трудно, Бабушка, сбегайте в деревню за вином. Будем готовить асадо. А какое же асадо без вина?

Когда Бабушка, пыхтя, вскарабкался по тропинке, костер уже почти прогорел — только по краям плясали веселые язычки. Аппетитно пахло жареным мясом. Док сидел на бревне и вяло пошевеливал угли прутиком, а Душка суеился над асадо: то поплескивал на мясо из своей заветной бутылки, то раздувал огонь, кашляя, чихая и протирая засыпанные пеплом глаза. Увидев сержанта, он вскочил и требовательно спросил:

— Ну?

Бабушка помахал калебасом.

— Вина не было — деревенские на радостях все выдули. Вот, принес пива. Душка подбежал к сержанту, выхватил у него из рук калебас, вытащил за тычку из пальмового волокна и жадно принялся.

— Шрик?

— Шрик, — кивнул Бабушка.

— Отлично. То, что нужно. Зальем горечь поражения шриком.

Душка сделал мощный глоток, довольно замычал и вытер с губ темные капли.

— Док, будете?

Ричардсон молча взял у него калебас и глотнул.

— Двух сотен как не бывало, — констатировал Душка. — Как думаете, Док, на сколько потянет эта бутылка?

Ричардсон задумчиво покачал калебас в руках.

— Тысяч сорок-пятьдесят. Зависит от очистки.

Душка всхлипнул.

— За сорок тысяч я бы домик в Кентукки купил. А-а, гори оно огнем!

Он отобрал у Дока калебас, запрокинул голову, и темное пиво хлынуло в его разинутую пасть.

...Мяса было много. Душка рвал его зубами, рыча и заглатывая огромные куски, но мяса не убывало. Хватало и пива. Бабушка отвалился от костра, рыгнул и принялся ковырять в зубах подобранным прутиком. Док деликатно вытирал жирные пальцы листиком грязелюбки. Над погасшим костерком вились яркие искры. Сквозь листья светили огромные звезды, и из леса несло теплым и пряным.

— Рай, Док. И вправду ведь рай.

— Это на вас шрик действует, Кунни.

— А на вас?

— И на меня действует. Но я уже привык. А новички всегда так расплываются. Кстати, Мол из-за этого погиб. Пошел себе в лес, мурлыча под нос песенку, и не вернулся.

— Может, он просто не захотел возвращаться? Зачем, когда так хорошо?

Док озабоченно прищурился и склонился над сержантом.

— Вы никогда до этого не пробовали шрика?

— Нет, почему?

Бабушка смутился. Его зарплаты с трудом хватало на пару ампул в квартал, да и то самых слабых.

— Пробовал, но сырой, наверное, сильнее. А может, все это?

Он повел рукой, охватывая темные пальмы, и костерок, и кусочек нависшего над лесом неба.

— Может, поэтому сильнее действует.

— Я вас понимаю.

Док откинулся на своем бревне, уперся спиной в шерстистый пальмовый ствол.

— Умение просто радоваться жизни, да. На Земле подзабыли, что это такое. Знаете, — он прикрыл глаза и мечтательно улыбнулся, — знаете, я ведь понимаю сейчас, что Реджи был прав. Мог быть прав. Что мы знаем об ишизаки? Цивилизация, намного опередившая земную. Они были хозяевами космоса, когда человек еще почесывался костяным скребком и прыгал по скалам. А потом вдруг исчезли. Испарились. Сгинули. Вы слышали, — тут Док вновь склонился к сержанту и перешел на шепот, — оказывается, на всех планетах, где добывается шрик, есть следы ишизаки.

Бабушка сглотнул.

— И здесь?

Док кивнул.

— Спросите Душку, когда он протрезвеет, что нарыли радарщики. Тут под поверхностью огромные пустоты, полости, как на Эклебе. А что там...

Док развел руками. Бабушку пробрал холодок — будто неожиданно дохнуло на него из самых глубин космоса неведомой тайной и стариной.

— Вы думаете, — сержант тоже перешел на шепот, — это как-то связано? Ишизаки вывели этих... таильтян... чтобы они делали шрик? Как люди коров или...

Док решительно замотал головой.

— Нет, вы не поняли. Это не самое страшное. Самое страшное то...

Тут Док огляделся, будто подозревал, что их подслушивают. Но лес был тих. По углям пробегали последние огненные змейки. Победенный наконец богатырской трапезой Душка дремал, подложив под голову начисто обглоданную кость.

Ричардсон приник к самому уху сержанта и громко прошептал:

— Таильтяне и есть ишизаки.

И посмотрел значительно, будто выдал огромный секрет. Бабушка недоуменно мигнул, а затем ухмыльнулся. Вот оно что. На Дока тоже подействовал шрик. А может, и перебродившие пивные бобы. Даром тот хорохорится и делает вид, что все ему нипочем.

— Ну что вы, Док? — успокоительно пробормотал Бабушка. — Какие же они ишизаки? Вы же сами говорили. Ишизаки кто? Гиганты, великаны. Человек перед ними — тьфу. А эти? Им дай цветную побрякушку, бубенчик какой-нибудь, они и рады. Или эти хвосты ваши, крылья. Ну какой разумный человек захотел бы, чтобы ему прирастили хвост? Они же как дети...

— Вот именно!

Док замотал пальцем перед носом сержанта.

— Как дети. Вы и сами сказали это. А почему?

— Что — почему?

— Почему они как дети? Почему здесь нет ни насилия, ни воровства, почему они всегда веселы и довольны жизнью?

Бабушка пожал плечами.

— Дикари. Не испорчены цивилизацией, Док.

— Может быть. Но я думаю иначе. Вот представьте: вы чертовски устали после рабочего дня. Вы где раньше работали, в полиции? Вы вымотались, на вас сорок три раза наорал начальник, голова у вас забита черт знает чем. Вы приходите домой, и?

— И что?

— Что вы делаете?

Сержант прикрыл глаза — и сразу, будто прорвавшись сквозь невидимую мембрану, в уши ударили гудки, рев сирен, скрипучие песенки голопостеров, плач, скрежет, голоса. Горло забил пыльный и душный воздух Нью-Йорка, а в левом виске привычно и тупо заныло. Представилась тесная конурка на Восемьдесят Второй. Вот Бабушка входит, роняет в прихожей пакет с покупками, стягивает через голову рубашку и спешит на кухню. Там он подставляет голову под струю из крана, но это не приносит облегчения. Вода тепловатая, ржавая. По полу разбросаны упаковки от «Крылатых Бобов». Бабушка со стоном вытаскивает голову из-под крана, плетется к холодильнику, облепленному неоплаченными квитанциями. Он лезет на верхнюю полку и достает тонкую стеклянную трубочку. Проверяет — мутноватой жидкости осталось дня на два, не больше. Он долго и тщательно выставляет стоппер, затем вытаскивает банку вчерашних бобов и какает — ровно три капли, иначе опять придется одалживать у мерзавца Маклеода! — какает в буроватое месиво. Аккуратно прячет трубочку, а потом жадно хватает ложку и...

— Шрик.

— А?!

Бабушка очнулся от наваждения — и жадно, всей грудью втянул чистый лесной воздух. Господи, как хорошо!

— Вы принимаете шрик, не так ли?

Голос Дока донесся откуда-то издалека, но он больше не тревожил сержанта. О Нью-Йорке можно забыть, как о кошмарном сне.

— Вы принимаете шрик? — настойчиво повторил Ричардсон.

Бабушка кивнул.

— И это помогает вам вновь ощутить, что вы живой человек, а не какой-то бездумный винтик? Краски становятся ярче, еда вкуснее, и все делается объемным, реальным и радостным?

Сержант снова кивнул.

— А теперь представьте ишизаки. Могучих, практически всесильных. И абсолютно не умеющих радоваться жизни. Мир для них — огромный механизм, сочетание явлений и чисел, легко поддающихся управлению, но не приносящих удовольствия или счастья. Это, конечно, только гипотеза. Но все-таки попробуйте представить. Ишизаки запросто изменяют природу, неужели они не в силах изменить себя? И они преобразуют

собственное тело. В слюнных железах начинают синтезироваться нейропептиды, сочетание энкефалинов и эндорфинов, которые... допустим, поначалу просто регулируют настроение. Помогают отдохнуть, расслабиться, избавляют от напряжения и усталости. Постепенно состав их меняется, действие становится все сильнее. И вот в какой-то момент ишизаки осознают, что вся их наука, вся их могучая техника уже ни к чему. Они счастливы и так. Они довольны жизнью, и все из-за нескольких лишних молекул в их слюне. Они забывают о своих открытиях. Поселяются в небольших общинах, связь между планетами постепенно теряется, и вот...

Док остановился, чтобы передохнуть — он слегка запыхался. Бабушка чувствовал, что должен возразить, но ему было лень думать. Великолепная тропическая ночь шептала на тысячу голосов, и они почти заглушили голос Дока. Сержант закинул голову и уставился в бархатное небо, присыпанное звездной крошкой. Он подумает над словами Дока, непременно подумает утром, а пока... Над лесом заревело, и огромная огненная клякса прорвала зенит. От грохота, казалось, пригнулись верхушки пальм. Душку метнуло в костер, и он заорал, беспорядочно размахивая руками и разбрасывая во все стороны золу и угли. Док вскочил. Пляшущее над головами зарево осветило его взволнованное лицо.

— Что? — вопил Душка, кашляя и отплевываясь. — Что, какого черта?!

— Проклятье, — сказал Бабушка. — Это, наверное, сработала одна из ловушек. Надо вызвать подкрепление. Док, вы должны пойти со мной — там могут быть раненые. Забегите домой за инструментами, и встретимся здесь через пять минут.

Лес догорал. Влажная жара душила огонь. Тот отплевывался и недовольно ворчал, временами взрывая и выбрасывая оранжевые языки — но сырой подлесок уверенно поглощал его ярость. Когда Док и Бабушка выбрались на поляну, все было уже кончено. На дальнем конце, подняв под себя невысокие пальмы, тускло светилась багровым спасательная капсула.

— Черт, — сказал Бабушка. — Раскалилась как. Хрен мы ее теперь откупорим, пока Душка не подтянется с огнетушителем.

— Смотрите!

Док указал на темное пятно в боку капсулы.

— Люк открыт. Наверное, пилот пытался выбраться.

Прежде чем Бабушка успел его остановить, Док поудобней перехватил чемоданчик с инструментами и побежал через поляну. Сержант поспешил за ним. Когда Док приблизился к капсуле, в первую секунду он отшатнулся назад, прикрывая рукой лицо — от обгоревшей оболочки несло нестерпимым жаром. Затем он отступил на пару шагов и согнулся над чем-то. Сержант подбежал и заглянул доктору через плечо.

— Однако, — пробормотал Бабушка. — Не жилец, да?

— Почему же, — невозмутимо ответил Ричардсон. — Помогите-ка мне его оттащить подальше. Посмотрим, что можно сделать.

(спустя два дня)

— Пациент скорее жив, чем мертв, — констатировал Душка.

Он сидел на ступеньках веранды и жадно прихлебывал пиво. Его лысина весело отблескивала на солнце. Бабушка присел рядом, поморщившись от резкого запаха пота. Похоже, Душка как ушел в запой позавчера, так и не выходил. И уж точно не озабочивался такой малостью, как перемена рубашки.

— Хорошо, что мы вторую ногу не съели.

— А?

Бабушка недоуменно глянул на приятеля. Связь страусиной ноги и подопечного Дока была туманна.

— Хорошо, говорю. Съели бы, остался бы бедолага одноногим. А то Док чик-чик — и пожалуйста. Лучше старой. Длинновата была, правда, но уж мы ее подкоротили, как раз по размеру.

Сержант начал прозревать.

— Док пришел этому несчастному лапу торга?

— А то.

Душка ухмыльнулся торжествующе, как будто сам провел операцию.

— И ему идет. Только Док пристегал и посветил своим аппаратиком, тот когтями скрести начал. Хотя в бессознanke до сих пор. Бревно-бревном, а когтями скребет. Непростой мужик, видать. Не зря он над нами шарился. Помяни мое слово — ох, не зря.

Бабушка пожал плечами. Как только неизвестный придет в сознание, следует его допросить. И далее — по обстоятельствам. Либо передать мистеру Маевнику со следующим транспортом, либо рекрутировать на службу. Главное, чтобы на Земле об их неожиданном госте больше никто и никогда не услышал. У компании и так дела шли неважно — больно уж давили крупные корпорации, особенно «Эклеб». Если они пронюхают, где Маевник добывает свой шрик — пиши пропало. Может, Душка и прав, и не зря этот увечный к ним залетел...

На крыльцо вышел Ричардсон, отряхивая воду с кистей. Следом шла Ольга с полотенцем. Увидев сержанта, Док обрадовался.

— А я вас ждал. Хотите провести нашего крестника? Я как раз смотрел швы. По-моему, получилось прекрасно.

— Хм-м. Вы на самом деле пришили ему страусиную ногу?

— Пришил — не то слово. Это же чудо как хорошо вышло. Ради таких моментов, дорогой мой Кунни, и стоило идти на медицинский.

— Но вы ведь учились на ветеринарном, — нерешительно возразил сержант.

Док его проигнорировал. Бабушка вздохнул, поднялся со ступенек и пошел в дом. Ричардсон превратил левый флигель в подобие современной клиники. Он уже хвастался сержанту новеньким рентгеноскопическим аппаратом и центрифугой, доставленными последним транспортником. Док не жалел денег на свое увлечение. Похоже, на это уходила солидная часть его доли в компании.

Сейчас на койке, застеленной белоснежной простыней, лежал пострадавший. Вся правая часть его лица была залеплена розовой, равномерно вздымающейся массой.

— Регенерация, — заметил Док, кивнув на пластырь. — Через день будет как новенький.

Бабушка скосился на изножье кровати. Под покрывалом виднелись очертания левой ноги. Правая нога непрерывно подергивалась, а когти на высовывающейся из-под одеяла лапе нервно сжимались.

— Чего это он?

— Прорастают нервы. Завтра выведу его из-под наркоза, и пусть хоть плясать идет.

— А вы уверены... хм-м... что это... я имею в виду ногу... что она его обрадует?

— Почему же нет? Конечности торга намного сильнее человеческих. Кроме того, когти удобны для захвата, не то что наши рудиментарные пальцы...

Бабушка тут же представил, как воскресший больной удобными для захвата когтями сжимает горло Дока. Видение было настолько ярким, что сержант вздрогнул.

— Я бы на вашем месте все же его подготовил. Можно сделать так, чтобы он отмер только сверху, до пояса?

— Можно, конечно, но зачем?

Удивление Дока было таким искренним, что сержант успокоился. В конце концов, кто из них двоих врач? Или хотя бы ветеринар?

Как выяснилось на следующий день, опасения Бабушки были напрасными. Нельзя сказать, чтобы мистер Несвид — так звали их непрошеного гостя — обрадовался при виде своей новой конечности. Но когда Док объяснил ему, что нужной ткани не оказалось в заморозке, а имплант с Земли прибыл бы только через три месяца, мистер Несвид кивнул и вежливо поблагодарил врача. Он вообще был удивительно вежлив. Высокий, худощавый, с ровным красивым загаром (впрочем, малость подпорченным лицевой хирургией), мистер Несвид напоминал Бабушке героя кинофильмов начала двадцатого века. Ему не хватало лишь тонкой полоски усов над губой для окончательного сходства. Мистер Несвид попросил у Дока трость и уже через полчаса свободно перемещался по дому. Ковбойская рубашка Ричардсона смотрелась на плечах мистера Несвида немного неуместно, но элегантно. Бабушка угрюмо посопел, наблюдая за чуть прихрамывающей походкой гостя, затем пригласил его на веранду и приступил к допросу.

Мистер Несвид одарил Бабушку благосклонной улыбкой, прихлебывая Дюковский мартини.

— Как, говорите, я здесь очутился? Видите ли, я ученый. Геоботаник. Собираю редкие растения, преимущественно ксенофлору. Обычно я путешествую с научными экспедициями, но тут решил сам слетать на Джебу. Это ведь недалеко. Мне сообщили, что там нашли интересный молочай, очень похожий на нашу *Euphorbia cyathophoga*. Возможно, его занесли первые поселенцы, но надо было прове-

рить. Я арендовал яхту, но, видимо, в программе что-то забарахлило. Я вышел из прыжка и довольно долго пытался понять, где нахожусь. Ясно было только, что не у Джеббы. Навигатор из меня, как вы сами понимаете...

Тут он развел руками и еще раз обворожительно улыбнулся.

— Потом я заметил неподалеку планету и решил спуститься, проверить что к чему. Я только-только вошел в атмосферу, как кто-то меня подбил. Я едва успел отстрелиться в капсуле. Вот, собственно...

— Никто вас не подбивал, — недружелюбно заметил Бабушка. — Это была старая мина-ловушка.

— Отлично, отлично, я никого ни в чем не обвиняю.

— Почему вы не подали сигнал бедствия?

— Вряд ли бы мне это помогло. Я понятия не имел, где очутился. Вы ведь знаете, радиус действия передатчиков не так уж велик.

— Яхта не была оборудована СВЧ-связью?

— Нет, откуда? Это же обычная прогулочная яхта.

Сержант отметил про себя, что надо отыскать в лесу обломки корабля и проверить, вправду ли это только прогулочное суденышко.

— Ну что, я удовлетворил ваше любопытство?

Бабушке оставалось только пожать плечами. Мистер Несвид не внушал ему доверия, но и обвинить его было не в чем. Сбои в навигационных программах случаются — иначе эта райская делянка никогда не попала бы в собственность «Май-тай».

— Вы свободны. Но прежде чем вы начнете разгуливать по деревне, вам придется ознакомиться с некоторыми условиями пребывания на планете. И подписать кое-какие бумаги...

Сержант Кунни Бабушка был хорошим полицейским, и нужные бланки у него всегда оказывались под рукой.

(спустя неделю)

— Вы продали Суслика этому Несвиду?

От удивления у сержанта даже челюсть отвисла. Он шагал рядом с Доком по тропинке, ведущей к деревне. Ольга только что накормила их сытным обедом. Дел было немного — Доку предстояло в последний раз осмотреть челюсть супруги старосты, а сержант собирался исследовать вред, причиненный страусиному загогу. Душка по пьяни влетел головой в решетку, и со злости поджег стойло, принадлежащее старосте. К счастью, пожар быстро заметили и затушили. Душка отсыпался на гауптвахте, а Бабушке предстояло оценить ущерб и поторговаться со старостой об отступных.

— Да, продал, — печально вздохнул Док. — Ольга очень переживала из-за Верзилы, и я не хотел, чтобы ей пришлось пройти через это еще раз. Мистер Несвид проявил такой неподдельный интерес к страусиным боям. Он рассказал мне, что держал дома бойцовых петухов и стафффордширских терьеров. И парочку шотландцев, для охоты на лис. Подумать только! Еще двадцать лет назад в лесах можно было охотиться разве что на дятлов.

— Да, с охотой сейчас никаких проблем.

— И вы знаете, он начинает всерьез здесь обустраиваться. Уже успел познакомиться со всеми поселковыми и даже нанял рабочих для постройки дома. К нам заходит каждое утро, приносит Ольге цветы, расточает комплименты. Честно говоря, этот Несвид изрядно мне надоел. Я-то думал, что он попробует выкрутиться и отчалит с первым же транспортником. Скажите, как вы его так быстро уломали? Он показался мне изрядным пройдохой.

— И сам не понимаю, — пожал плечами Бабушка. — Говорит, ему здесь понравилось. Любопытный, говорит, биотоп... и еще что-то ругательное, вроде суки.

— Сукцессия? — предположил Док.

— Во-во. Сукцессия тропического леса. Мол, он все это будет изучать, и его непременно опубликуют в «Нэшонал джеографик». С другой стороны, у него ведь не было особого выбора. Нежиться здесь на солнышке или вкалывать на Земле на закрытом заводе «Май-Тай»... Что выбрали бы вы, Док?

Док не успел ответить, потому что они вышли на деревенскую площадь. Там как раз объявляли о следующем круге страусиных боев, и Кабанчик, местный букмекер, принимал ставки. Он делал метки угольком на высоком столбе. Поскольку предыдущие ставки не стирались, Кабанчику пришлось вскарабкаться на обрубок бревна, и уже оттуда он тянулся к чистому пока дереву. У обрубка толпилось человек двадцать — намного больше, чем обычно. Как раз сейчас маленькая девочка с ящерицей пыталась всучить Кабанчику красную ракушку. Тот отмахивался и подзывал следующего, плотного поселянина, который размахивал целым ульем сухих шершней.

— Крупная игра, Кунни. Интересно, кто решился отдать свою птицу на растерзание Любимчику?

Сержант кивнул малышке. Та подбежала, все еще размазывая слезы по лицу. Волочившаяся за ней ящерица немедленно пристроилась рядом с Бабушкой и принялась тихонько жевать его штанину.

— Эй, малая, — как можно нежнее поинтересовался сержант, — какие ставки?

Девчушка хлюпнула носом, утерла сопли и важно прокартавила:

— Двадцать против одного, что Любимчик убьет Суслика в первом раунде.

Док и Бабушка переглянулись. Бабушка открыл было рот, но тут из толпы вынырнул староста и, вцепившись в сержанта, решительно поволок его к загону.

На закате сержант петлял между древесными стволами. В чаще было сумрачно и пахло гнилью. Что-то непрерывно шелестело, пощелкивало, и белый луч фонарика выхватывал из зарослей то широкий банный лист, то ежовые иглы. Так и казалось, что из-за ближайшей коряги вынырнет сейчас сторбленная бабка-колдуниха с пучком трав. Док недавно сводил сержанта в лес и показал цветущий папоротник. Зрелище было удивительное и волнующее. Сержант вздохнул и прибавил ходу. Надо было выбираться отсюда до темноты, пока не нагрянули кошмарники и легучие варенцы. Те не постеснялись бы высосать сержантову кровь, а тело подвесить на длинные иг-

лы чечевичника, чтобы человек высох и стал не человек, а ходячая мумия. Бабушка потряхнул головой. Вот ведь привязались дурацкие страшилки. Когда Душка травил их в казарме, близоруко шурясь и для пушного эффекта переходя на свистящий шепот, было вовсе и не страшно. А вот ночью в лесу... Слева треснул сучок. Сержант подпрыгнул и суматошно направил в заросли луч фонарика. В белом свете замаячил высокий силуэт, и знакомый сухой голос произнес:

— Сержант, не будете ли вы так любезны убрать свет? Он слепит мне глаза. Бабушка поспешно выключил фонарик.

— А, это вы, Несвид. Вы меня напугали. Что вы делаете в лесу, так поздно, и в одиночестве? Тут может быть опасно.

— Ну какие опасности? Здесь даже крупных сухопутных хищников нет. Нет хищных растений, а ваши какодилы куда медлительней бронкских карманников.

Несвид улыбнулся и уселся на поваленный ствол. Он снял с плеча небольшую сумку, из тех, что геологи берут с собой для проб. Устроив ее удобнее у покрытых свежей землей корней, он полез в карман за сигаретами.

— Будете?

Бабушка покачал головой.

— Вы и не представляете, сержант, на каких планетах мне довелось побывать. От каких только тварей я не убегал. Шипастые, хвостатые, плюющие ядом... Нет, у вас тут удивительно мирно. Не планета, а цветник какой-то. И очень много знакомых растений. Вот, посмотрите...

Он сунул руку в сумку и вытащил какую-то травку с небольшими бледными цветками.

— Вейсмарский лютик. Ума не приложу, как он здесь очутился. Регулирует кровяное давление. Из него получаются отличные тонизирующие экстракты. Или, к примеру, шиповалка.

На сей раз в руке ботаника оказалась кожистая, покрытая шипами коробочка.

— У нее очень интересный способ распространения. Изначально плод лопается, как наш бешеный огурец. В коробочках довольно высокое содержание метана, вот в этих полостях.

Сержант без интереса осмотрел находку.

— Коробочка летит, но самое интересное не это, а то, что при соприкосновении с древесным стволом она как бы взрывается, и твердые мелкие семена проникают в рану... под кору, я имею в виду. Там, глубже, я нашел целую поляну, пораженную шиповалкой. Довольно опасное местечко. Вам бы не понравилась встреча с целой коробочкой. Я, помнится, даже опубликовал статью о связи между ареалами распространения шиповалки и легендами о злых духах.

Бабушка хлопал глазами. Беседа погружала его в тоску. Но тут он кое-что вспомнил и перебил исследователя.

— Я сегодня был в деревне. Это правда, что выставляете Суслика против Хохлатого Любимчика?

— Чистая правда, — кивнул мистер Несвид. — Птица запущена и совершенно не подготовлена. Но я разработал новую систему тренировок. И, вы знаете, мне очень пригодились мое новое приобретение...

Он выставил вперед правую ногу и пошевелил когтями.

— Чертовски удобно. Теперь я сам тренирую Суслика, и, клянусь, он далеко пойдет.

Бабушка поперхнулся.

— То есть вы заходите в загон и...

— И гоняю его, как сидорову козу. Думаю, у нас все шансы победить на следующей неделе.

Тут мистер Несвид затушил окурок и неловко заерзал на бревне.

— Не можете ли мне встать? Хожу я прекрасно, но вот с вставанием не до конца освоился.

Сержант взял ботаника за руку и сильно потянул. Ладонь у мистера Несвиды была сухая и горячая, как нагревшаяся на солнце галька.

Вечером того же дня Док и Бабушка пили кофе на веранде. Верхушки пальмакаций красиво серебрились в лунном свете, а в бассейне за домом ухал Пульхерия.

— Так что вы там нашли, в лесу? Кроме одержимого исследовательским пылом Несвиды?

Бабушка погрел ладони о кружку и раздумчиво сказал:

— Понимаете, Док, что меня тревожит. На яхтах обычно бывают две капсулы: одна расположена ближе к носовому отсеку, а другая — к хвостовому. На них есть цветовая разметка. Так вот, наш Несвид использовал хвостовую капсулу. Мне запомнилось что-то такое еще с того раза, когда мы тащили его из леса... Но тогда было темно. Вот я и решил проверить.

— Ну и что?

— А то, что при посадке он должен был находиться в рубке. Намного логичней залезть в ближнюю капсулу, а не бежать в хвост корабля.

— А если передняя была повреждена взрывом?

— Может, и так. Только ведь он едва успел. Он поджарился на корабле, а не в шлюпке. Что же он там делал такое? Я бы сказал, спустил что-то в первой капсуле. Хотелось бы мне еще знать, что.

В день соревнований дома, окружавшие деревенскую площадь, украсили алыми цветами флукса и ветками вододендрона. В центре выстроили загон из прочных жердей. Обычно бои проводились на закате, когда торги особенно возбуждены и яростны. Но сегодня, из-за необычайного наплыва народа, устроители завозились, и начинали уже при свете факелов. Торги, впрочем, прекрасно видели и в полной темноте — чего нельзя было сказать о зрителях. Их набралось до двух сотен. Пришли даже кормящие матери, традиционно не допускавшиеся к зрелищу. Считалось, что от вида крови молоко в материнских сосцах может испортиться, и младенцы вырастут вовсе не младенцами, а злобными демонами Гра-Гра. Толпа волновалась. Люди кричали, хихикали, толкали друг друга и оживленно лужгали семечки, заплевывая землю шелухой. Из рук в руки переходили калebasы с бобовым пивом.

Док, сержант и Душка устроились в первом ряду, как почетные гости. Душка, радующийся вновь обретенной свободе, украсил себя гирляндой флуksов. Его синюшная физиономия торчала из венка огненных цветов, как свежевывлупившийся птенец феникса.

— Двадцать шершней! Я поставил двадцать шершней на Суслика. Отчасти из-за вас, Док. Как-никак, вы его бывший хозяин. Это должно быть вам приятно.

Док ухмыльнулся.

— Я поставил на Любимчика. А вас, Роджер, ничто не учит.

Душка торжествующе хмыкнул.

— А вот поглядим. Если я прав, с вас бутылка. Та старая «Белая лошадь», которую вы прячете в верхнем ящике буфета.

Не успел Док возмутиться, как загремели бубны, возвещающая начало боев. Первые схватки были не особенно интересны. На ринг выпускали молодых, неподготовленных птиц. Те сходились с визгом, наносили друг другу несколько ударов и разбегались. В воздух летели перья, но обычно дело обходилось без увечий. Разгоряченные болельщики приветствовали победителя — голенастого пятимесячного птенца. Его наградили корзиной рыбы, и хозяин отвел своего питомца в загон. А на арену выступил Любимчик. Двухметровая хохлатая бестия, с небольшими красными глазками и огромным изогнутым клювом — он выглядел так свирепо, что дети в толпе заплакали. Торг поскреб землю лапой и заклекотал. Знает себе цену, стервец, решил Бабушка. Бедный Суслик. Вряд ли он продержится хотя бы до второго раунда. На противоположной стороне арены, у самой решетки, Бабушка заметил довольного старосту. Рядом с ним стоял мистер Несвид, невозмутимый, как рыба. Что-то тут не так, подумал сержант — и тут вторые дверцы распахнулись и на ринг вылетел Суслик. Толпа ахнула. Не издав не звука, птица промчалась через арену и налетела на Любимчика. В воздухе мелькнула когтистая лапа, и левое крыло Хохлатого окрасилось кровью. Бабушка ошалел. Обычно торги не нападали сразу — этому предшествовал долгий ритуал побряхтывания, пританцовывания и предупредительных щелчков клювом. Сейчас же обезумевший Суслик ударил во второй раз. Саблевидные когти сверкнули в свете факелов, Хохлатый неловко пошатнулся и медленно завалился набок. Культяпки крыльев судорожно подрагивали, а из распоротой шеи толчками била кровь. Отсеченная голова торга покатилась, пятная пыль. Туша побежденного еще подергивалась, а Суслик уже захрипел и накинудся на решетку. Его клюв клацнул у самого лица старосты — того едва успели оттащить. А торг не оставивался и все долбил и долбил, так что толстые прутья начали трещать. Посыпались щепки. В толпе завизжали. Стоящие впереди стали отчаянно протискиваться назад. Закричала женщина. Прут разлетелся надвое под ударом клюва, и в ту же секунду воздух прорезал тонкий красный луч. Пахнуло паленым. Суслик покачнулся и упал головой вперед. Оперение на шее почернело и дымилось. Правая обожженная нога все скребла и скребла пыль, а голова уже обессилена свесилась между разбитых пруть-

ев. Мистер Несвид спрятал пистолет и пошел через толпу ко входу в загон. Люди перед ним расступались.

Троица поднималась вверх по холму в угрюмом молчании. Душка теребил свою гирлянду, обрывая лепесток за лепестком. Когда до дома Ричардсона осталось не больше двухсот ярдов, Док обернулся к Душке и прямо спросил:

— Ты знал?

Глаза у Душки беспокойно заметались. Он ничего не ответил и хотел было обойти Дока, но дорогу ему заступил Бабушка.

— А ну говори. Ты сам полез к старосте в загон, или тебя подговорили?

Душка ковырял землю ботинком. Сержант взял его за плечо и хорошенько потрянул. Душка дернулся и жалобно заныл:

— Ну че, ну че? Я, что ли, виноват? Я же как лучше хотел.

— Так это твоя затея? Что ты там подсыпал Любимчику, а?

Радарщик молчал, втянув голову в плечи. Сержант наступал, раздувая ноздри:

— И загон специально поджег, да? Чтобы твоих шуточек не заметили? И вовсе ты был не пьяный. Ну погоди, я все как есть опишу в рапорте. Поработаешь ты тогда на радаре... в штрафроте на Герре.

У Душки подкосились ноги. Он мешком осел в пыль и простенал:

— Не виноват я! Он сам...

— Кто?

— Да мистер Несвид же! Мы в операторской перекинулись в карты...

— Ах, так ты еще и посторонних на радар водишь?!

— Да ты погоди!

Душка схватил сержанта за штанину и забормотал:

— Мы в карты играли, усек? Но только этот мистер Несвид нечестно играет. Он меня обставил, и я ему задолжал, понимаешь? Я говорю — вот вам расписка, а он мне — нафига мне твоя расписка? А вот если сделаешь для меня кое-что, я тебе долг прощу. Ну и дал мне пузырек. Я спросил, что там — все же травить мне никого не хотелось, не могу я убивать, даже птицу глупую не могу. А он говорит: ничего страшного, травка одна. Любимчику после этого сны хорошие сниться будут. Ну я и пошел. А больше я ничего не знаю, честно!

— Ага, — сказал Бабушка, — Значит, Любимчика все же ты травил?

— Да не травил я его! Говорю же — пузырек...

— Оставьте его, Кунни, — неожиданно вмешался Док. — Он не виноват. Это меня надо винить.

Сержант удивленно глянул на Ричардсона.

— Вы-то тут причем?

— Мне следовало сразу сообразить. Вейсмарский лютик, шиповалка. Небось, еще и масленюк у него там был. Какой же я идиот!

Душка и сержант переглянулись.

— Допинг, — невесело улыбнулся Док. — Несвид зашел ко мне позавчера, попросил кое-какое оборудование для перегонки и химикаты. Взял ортофосфат натрия, цинк и соляную кислоту. В общем, достаточно, чтобы приготовить неплохой эфедриновый коктейльчик. Наверняка он использовал мас-

ленюк для выработки тестостерона. Бедняга Суслик был так накачан стимуляторами, что вряд ли соображал, на каком он свете.

Душка тихо хныкал. Сержант почесал в затылке.

— Да, но для чего все это ему было нужно? Устроил панику, чуть старосту не угробил. Ну, выиграл он свою сотню шершней, много с того проку. Суслика он пристрелил, и все равно бы его на бои больше не пустили. Не понимаю.

Он оглянулся на темнеющую в долине деревню и вздохнул.

— Чепуха какая-то. Ладно. Завтра приходит транспортник. Спихну этого Несвида с рук долой, и пусть им дальше Маевник занимается.

От мысли, что он больше никогда не увидит противного мистера Несвида, полегчало. Но Док продолжал хмуриться. А когда утром следующего дня вслед за маленьким транспортником с кленовым листом «Май-Тай» на корме с неба упал тяжелый грузовоз с клеймом «Эклеба», хмурились уже все.

(вечером следующего дня)

— Что значит в «двадцать четыре часа»?!

— Это значит, что в земных сутках двадцать четыре часа, а не двадцать два, как здесь. Но с этого дня на Таильти, как и на всех планетах, принадлежащих «Эклебу», вводится земной календарь, — любезно разъяснил мистер Несвид.

Небольшой столик на веранде Ричардсона был завален папками с документами, а по краям пристроились два компьютерных монитора. За столом мистер Несвид и сам Реджинальд Маевник, прибывший утром на транспортнике. На ступеньках столпилось почти все население базы.

— Итак, в двадцать четыре часа вам следует эвакуироваться. Отметьте, я иду на уступки и не предлагаю вам уложиться в здешние сутки. Полагаю, ваш корабль достаточно вместителен? Если нет, я могу предоставить вам место на борту «Пегаса». Все движимое и недвижимое имущество компании, однако, остается в нашем распоряжении. Вы можете забрать только личные вещи.

Маевника перекосило. Часом раньше Док уже скормил ему успокоительное, но худощавое лицо бывшего президента компании все еще подергивалось в тике. Он то и дело отбрасывал с глаз пегую прядь и быстро-быстро рвал в клочки чистый лист бумаги.

«Май-Тай» прогорел два месяца назад. Конкуренты резко снизили цены, а маленькая компания и так едва справлялась с долгами. Акции пошли с торгов, и львиную долю выкупил «Эклеб».

«Черт возьми, — говорил Маевник, едва спустившись с трапа. — Я надеялся убраться оттуда, забрать шрик и начать новое дело. Я уже присмотрел заброшенный заводик на Эсбе, а денег от продажи урожая и моих сбережений как раз бы хватило. Хорошенький же сюрприз вы мне подкинули!»

Сержант, который встречал Маевника на поле, недоуменно крякнул. Маевник, размашисто шагая сквозь потрескивающую сухую траву, продолжал разоряться:

— Ваш треклятый шпион Джон Несвид! Выхожу я из прыжка, а тут уже висит проклятуший корабль «Эклеба» и мне подмигивает. Почему вы вообще не

пристрелили мерзавца? Как он ухитрился передать своим координаты планеты? И, главное, как он убедил дурака-старосту подписать контракт, по которому весь урожай шрика отходит «Эклебу»?

Идущий рядом с Маевником и сержантом Док присвистнул и переглянулся с Бабушкой.

— Суслик?

Бабушка помедлил и кивнул.

— Какой еще суслик?! — взорвался Маевник.

Он пнул кустик репейника, который немедленно выпалил в людей тысячей игольчатых плодов. Пока Док и экс-президент чертыхались, стряхивая со штанов репы, Бабушка напряженно думал. Так вот на что играл их ботаник-любитель! Понятно, почему он без особого сожаления пожертвовал Сусликом. Да и подозрения насчет той, первой капсулы... Похоже, мистер Несвид соврал и СВЧ-передатчик все же был на корабле. Если хорошенько поискать в лесу...

На этом размышления сержанта прервались, потому что открылся люк эклебского транспортника и оттуда посыпались рабочие в униформе. Они принялись деловито сгружать на землю огромные контейнеры, все как один помеченные эмблемой «Эклеба». Розовым бобовым цветком.

— ...и подпишите, пожалуйста, здесь и здесь. Так, а теперь прижмите палец вот к этой подушечке, и мы перенесем договор в компьютер.

Маевник скривился, как будто отведал уксуса. Он неохотно протянул палец к сенсору. За домом жизнерадостно похрюкивал Пульхерия, еще не зная о том, что удобный садок и ежедневная порция эвкалиптовых листьев скоро канут в прошлое.

Док отвернулся от стола и кивнул Ольге.

— Собирайся. Я скоро подойду.

Несвид поднял голову от монитора и улыбнулся. Примерно так улыбается змея.

— Мистер Ричардсон, правильно ли я понимаю, что вы хотите взять свою служанку с собой?

Док нахмурился.

— Вы отлично знаете, что Ольга не служанка. Она моя жена.

— И у вас есть документ, подтверждающий это? Нет? Тогда я вынужден возразить. Как исполнительный директор здешнего филиала, я не могу допустить, чтобы имущество компании расхищалось. Ваша... жена, как и все местные жители, является собственностью «Эклеба». Я могу лишь гарантировать, что ее права, как нашего нового работника, будут соблюдены.

Бабушка содрогнулся. Ему представились скучные бараки и ряды склоненных темных голов. Челюсти механически движутся, глаза пусты и тусклы. Люди жуют и сплевывают, жуют и сплевывают в бесконечные желоба, и так день за днем, год за годом. На самом деле, сержант никогда не видел, как добывают шрик крупные корпорации. Ни «Эклеб», ни другие не допускали на свои планеты журналистов. Но представить было нетрудно, лишь взглянув на улыбку Несвида.

— Я помог вам, когда вы нуждались в помощи. Я не взял у вас ни цента. Можно спорить об этом, но я думаю, что спас вам жизнь.

Видно было, как нелегко даются Доку эти слова. Он явно не привык упрашивать кого бы то ни было.

— Пожалуйста, отпустите мою жену.

Мистер Несвид хмыкнул и выставил из-под стола правую ногу. Когти скребнули пол, оставляя длинные кривые царапины. И Бабушка подумал, что был прав. А еще он подумал, что надо бы увести Дока, потому что тот кинется сейчас на мистера Несвида, и ничем хорошим это не кончится. Но Док не кинулся. Он помолчал и ровно спросил:

— Сколько?

(спустя три месяца)

Жеребец в загоне бесился. Вместо того, чтобы бегать по кругу, он натягивал веревку, вставал на дыбы и бил воздух копытами.

— Ну вылитый Суслик! Я так его и назвать решил, Сусликом. Хороший конь, только бешеный.

Душка довольно хохотнул и тут же попал под перекрест мрачных взглядов. Небольшая компания, собравшаяся под навесом, и слышать не хотела о Суслике. Бедному Душке пришлось бы несладко, если бы не вмешалась Ольга. Она солнечно улыбнулась и спросила:

— Хотите еще соку?

Встала и, покачивая бедрами, ушла в дом.

— А все-таки жаль, — заметил устроившийся в плетеном кресле Маевник. — С лишней парой рук и без волос она смотрелась куда более... экзотично. А сейчас просто красивая баба.

— И как, полагаете, она бы ездила за покупками? — ядовито парировал сидящий на перилах Док.

В руке у него был стакан апельсинового сока, а на голове — белая панاما.

— Замечательное зрелище — Ольга выходит из Уолл-Марта с пакетами, а за ней, вытаращив глаза, бежит все население Корнфилда.

— Это была просто шутка. Шутка. Что-то, Док, вы стали очень раздражительны в последнее время.

— А вас это удивляет? Я не привык бездельничать и не привык быть издивенцем.

Душка замотал головой, как лошадь, одолеваемая слепнями.

— Ну что вы, Док. Это мой долг. После того, как из-за меня вы потеряли все деньги...

— Причем здесь вы?

— Может, если я бы вовремя предупредил...

— Ах, ничего бы мы все равно не успели сделать.

Из четырех мужчин, сидящих на веранде, именно Душка был хозяином. За двадцать лет на его счету осело достаточно, чтобы купить дом — правда, не в Кентукки, а в Канзасе. Душка Роджер приобрел небольшое ранчо и решил разводить лошадей. Док и Ольга остановились у него. Маевник и Ба-

бушка тоже загостились. Сержанту вовсе не улыбалось возвращаться в тесную нью-йоркскую квартиру. И уж тем более не хотелось ему ползти на брюхе к подлецу Маклеоду, который пролез-таки в лейтенанты, и упрашивать принять его обратно, хотя бы патрульным.

— Док, ну давайте я вам одолжу тысяч сорок. Вы откроете ветеринарную клинику и все мне вернете.

Это было золотой мечтой Душки. Он уже раз пятьдесят предлагал Доку деньги, но тот только пожимал плечами.

— Какую клинику, Роджер, опомнитесь. Кто ко мне пойдет? Что я могу показать — фотографии шестируких тайльтян? У меня полгода стажа и двадцатилетний перерыв, и если кто-нибудь пронюхает, чем я там занимался...

Док безнадёжно махнул рукой.

— Ну давайте откроем косметический салон. Напару. Говорят, из конского навоза получают чудные препараты для кожи. Вы будете делать пластические операции, а я выпускать крема и считать денежки.

Бабушка не сдержался и захихикал. Неувядающий оптимизм Душки даже внушал уважение.

— Знаете, что обидно, — вмешался Маевник.

Он покачивал ногой, напоминая диковинный маятник.

— Что?

— Вовсе не то, что нас пустили по миру. А обидно то, что теперь эти ребята из «Эклеба» смогут сколько угодно взвинчивать цены. И продавать любую дрянь. Еще год-полтора — и у них не останется конкурентов. А страдает кто? Страдает потребитель, то есть опять же мы с вами.

Душка хмыкнул.

— Но у нас-то с вами все окей. Если так уж захочется шрикануться, попросим Ольгу пожевать бобы и плюнуть в стакан. Хотя, по мне, нет ничего лучше хорошего виски...

В голове Бабушки смутно мелькнула какая-то мысль. Мелькнула и погасла. Он схватил Душку за локоть. Тот вздрогнул.

— Эй, что с тобой?

— Повтори, что ты сейчас сказал, — потребовал сержант.

— Что ничего нет лучше первоклассного виски.

— Нет, раньше. Про Ольгу.

— Я сказал, что для нас всегда найдется два-три отличных плевка...

Мысль вернулась. Бабушка и сам не заметил, как по лицу его расплылась торжествующая улыбка.

— Что это вы сияете, как начищенный пятак? — подозрительно спросил Док.

— Я только хочу спросить... Помните, вы говорили как-то об ишизаки и о том, как они начали вырабатывать шрик?

Маевник чуть не рухнул с кресла.

— Что?!

Док поморщился.

— Если честно, смутно. Кажется, я был здорово пьян.

— Вы говорили, что они стали счастливыми, когда у них в слюне появилось это... Как вы его назвали?

— Эндорфины?

— Во-во. Я тут подумал — а что, если бы у людей было то же самое? Если было бы достаточно просто сжевать миску бобов — и все, ты в улете?

— Это вы к чему, Кунни?

— Тогда ведь не потребовалось бы покупать шрик по грабительским ценам? И «Эклеб» бы прогорел в два счета, так ведь?

— Ну?!

— А скажите, Док — вы ведь можете пересадить слюнные железы от талиятянина человеку? Или, скажем, вырастить из маленького кусочка?

Когда Ольга вышла на веранду с подносом и стаканами, ее встретили такими огненными взглядами, что женщина покраснела.

(спустя некоторое время)

— Ну и как мы это назовем?

— «Веселые Жевастики»? — тут же предложил Душка.

— «Джек и бобовый стебель»? — предложил начитанный Маевник.

— «Центр сиаладентрансплантации»? — предложил деловитый Док.

— Кхм... — сказала Ольга, пощипывая пластырь на горле. — Давайте спросим у мистера Бабушки. В конце концов, он автор идеи.

И все обернулись к Бабушке.

Он прищурился, глядя на новехонькое трехэтажное здание клиники. Свежеотмытые оконные стекла весело блестели на солнце.

— Не знаю, как мы это назовем. Зато я знаю, какой плакат мы повесим над входом.

— ?

— «Счастья всем, сразу, и пусть никто не уйдет обиженным» ©

ВЯЧЕСЛАВ ДЫКИН, ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ЯКОРЬ СПАСЕНИЯ

ГОВОРЯТ, ОН ДО СИХ ПОР ШАСТАЕТ ПО КАБАЧКАМ-погребкам, где наливают пиво в большие глиняные и стеклянные кружки, где выставляют деревянные блюда с горячими колбасками и серым ноздреватым хлебом, где моряки пьют и зверскими голосами поют про то, чего на свете не бывает, а хозяин вздыхает и косится на новомодные большие часы, привезенные из Гамбурга. Он заходит, обводит взглядом длинное узкое помещение под сводами из розоватого старинного кирпича, вздыхает и бормочет себе под нос что-то вроде:

— Эх, опять не туда забрел... Будь он неладен!.. Но я его все-таки найду... Слышишь, Стелла Марис, я его найду!..

Лет этому человеку на вид — под шестьдесят, закутан в плащ, видны одни тяжелые и грубые сапоги с квадратными носами и невозможного размера, борода седая, торчком, лысина — в венчике жестких седых волос, нос — как у порядочного пьяницы, большой и лиловый. Иногда край плаща отлетает — тогда видно, что правая рука сжата в кулак. А узнать его можно по глазам. Такой тоски во взгляде, пожалуй, у живого человека и не увидишь.

Ну да, он не совсем живой. Он между нашим миром и тем, другим, болтается — такое бывает. Оттуда он может прийти только в темноте, когда зажигают фонари. Пока горят фонари — его время. Он может бродить по улицам, спускаться в погребки, заглядывать в окна. А как пойдет фонарщик тушить огоньки — тут его время истекает. Ворча и ругаясь, он отступает, пятится, пока спиной не упрется в ту стенку, которая между нашим миром и тем, другим. Упрется — и стенка его пропускает, а тот, кто случайно увидел это диво, еще несколько секунд наблюдает черный-черный силуэт — пока стенка не срослась.

Это он ищет гладко выбритого господина в черном кафтане с оловянными пуговицами, в черной треуголке без галуна и плюмажа, с черной повязкой на левом глазу. Есть еще одна примета — на лице господина, на бледных щеках и на лбу, пятна, вроде очень больших оспин. Такими бывают еще следы от давно заживших нарывов.

Он не знает, что мрачная эта личность просто так не является — черного господина можно только подманить. Он приходит на запах жадности. Он даже не очень рассуждает, чья она и на что нацелена. Сперва появится, потом уж разбирается. А жадности в седобороде — ни на грош. Вот глупости — да, порядком. Из-за глупости своей он и мается, и бродит, легко спускаясь и поднимаясь по самым крутым винтовым лестницам, по которым и трезвый-то должен с большой осторожностью двигаться. А, думаете, почему владельцы кабачков-погребков такие лестницы ставят? Чтобы матрос во хмело, собравшись уходить, посмотрел на узкие и высокие, веером торчащие ступеньки, хмыкнул и сказал:

— Не-ет, мне тут шею сворачивать неохота. Эй! Еще кружку портера!

Господин же с черной повязкой непременно где-то рядом, потому что жадностью в этом портовом городе так и разит! От всех амбаров, от всех контор, где купцы ведут свои огромные книги с приходом и расходом. От уличных менял, сидящих за раскладными столиками, и от каждой торговли рыбой вразнос.

Но, опять же, не всякая жадность ему годится. Если человек просто скупердяй — это одно, а вот когда он от жадности своей на смертоубийство готов — это совсем другое. Таких черный господин высматривает, отслеживает и охотно посещает. Только они должны сперва его позвать.

Вот почтенный купец, посылающий четыре больших корабля в газнейские порты, герр Штейнфельд, однажды и позвал. Собственно, он сперва не имел такого намерения, он просто узнал днем, что его соперник, герр Вайскопф, привозящий из-за моря такие же товары, приобрел в Голландии большое надежное судно, не новое, но с прекрасной репутацией. Хорошо, что герр Штейнфельд узнал это уже после обеда, иначе быть бы у плотного пузатого купца несварению желудка.

До самой ночи он мучался, прикидывая и подсчитывая, какими убытками грозит ему эта новость. Он прекрасно знал, во что ему обходится одна бутылка мозельского вина и одна бутылка старого рейнского, в зависимости от того, везти их на «Святой Барбаре» или на «Добродетельной Грете», знал, по какой цене можно отдать эту самую бутылку в винные погреба магистрата, или мажордому герцога Курляндского, или даже купцам в Петербурге; он умножал и делил в голове с той же легкостью, с какой чирикает воробей на ветке, — это у него само собой получалось. И теперь бедный герр Штейнфельд проделывал все эти арифметические операции с воображаемой бутылкой герра Вайскопфа, которая прибудет вскоре на новом судне. Непременно она окажется, с одной стороны, дешевле, потому что судно большое и ящичков с бутылками в трюме поместится очень много. Значит, скупой магистрат возьмет для винных погребов товар у Вайскопфа. Но, с другой стороны, соперник должен поскорее окупить деньги, вложенные в судно, и, отдав первую партию товара по сниженной цене, чтобы перебить торговлю герру Штейнфельду, потом он начнет цену поднимать...

Пребывая в этих размышлениях, купец двигался и действовал без приложения умственных усилий. Он дошел до своего прекрасного дома на Господской улице, из окон которого видна была ратуша, не разбирая дороги, он сел за стол и съел свой ужин, не слыша голосов жены, детей и служанки, подававшей кушанье. Он был занят цифрами, и ни на что другое его ума уже не хватало.

— Что с тобой, мое сердце? — спросила наконец фрау Штейнфельд.

— Черт бы побрал этого Вайскопфа, — лаконично ответил супруг, и мысли его приобрели другое направление. Как было бы замечательно, если бы корабль соперника попал в осеннюю бурю и стигнул на дне морском! Но до осени далеко — и мало надежды, что с судном случится беда. А как было бы прекрасно, если бы герр Вайскопф лишился нового судна сейчас же, немедленно! Или

даже не сейчас, а пусть бы это судно пропало вместе с грузом дорогих вин, фарфора, шелка и кружев! Герр Штейнфельд нарочно нагрузил корабль самыми ценными товарами, чтобы разорение соперника было неминуемым. И, соответственно, возвышение герра Штейнфельда – столь же неминуемым...

Если бы люди, спешившие в тот поздний час по Господской улице, могли уловить аромат жадности, они бы обошли купеческий дом за полмили. Запах этот весьма неприятен, беда лишь в том, что у нас из-за мыслей о собственных деньгах часто бывают заложены носы. Зато господин с черной повязкой на левом глазу уловил этот сомнительный аромат и радостно потер руки. Того-то он и дожидался.

Он явился в купеческом доме, когда все семейство спало, один лишь герр Штейнфельд, сидя в шлафроке у догорающего камина, мучался бессонницей из-за арифметических мыслей.

— Не угодно ли господину уделить несколько минут своему ничтожному слуге? – спросил, очень низко кланяясь, гость с черной повязкой.

Герр Штейнфельд повернулся и с неудовольствием уставился на гостя.

— Как вы попали сюда?

— Я всегда попадаю туда, где мне рады, — отвечал гость, глядя в лицо купцу снизу вверх, столь глубокий был его поклон.

— Кто вы, сударь?

— Я гадалщик, предсказатель судьбы, и предсказания мои точнее ратушных часов. Господин может испытать меня.

— Кто вас ко мне направил?

— Я сам знаю, кому нужны мои услуги, герр Штейнфельд. И плату я беру соразмерную. Притом со мной расплачиваются лишь после того, как предсказание сбылось.

— Не обманывают?

— Такого случая еще не было. Впрочем, плата невелика, да и можно ли называть ее платой? Некоторые считают даже, что я, согласившись принять эту плату, оказал им немалую услугу.

Герр Штейнфельд пожал плечами.

— Вы извольте говорить загадками, любезный гость, — молвил он.

— Еще раз скажу – испытайте меня. Господин ничем не рискует.

— Ну, пусть будет так.

Гость оживился, мигом оказался в другом углу гостиной, круглый карточный столик едва ли не по воздуху перепорхнул к камину, свечи в серебряных подсвечниках зажглись, хотя купец не понял, как это произошло.

— Господин позволит мне присесть? – и тут же обитый красной кожей табурет оказался у столика, гость же опустился на самый край с изяществом человека светского, раскинув полы черного кафтана.

Карточная колода появилась в его руке, замелькали картинки, полетели на инкрустированный дорогим деревом натюрморт – заморские птички и цветы. Длинными пальцами гость переменял карты, одни переворачивал, другие откидывал, и, наконец, заговорил прерывающимся голосом, как если бы пытался разглядеть вдалеке образы грядущих событий:

— Ночь... беспросветная ночь... ветер гонит черные тучи... море гудит и ревет... корабль борется с пучиной... вот лопнул кливер, корабль стремительно разворачивает носом к ветру... Подкатившая волна подхватывает корму, и рулевому уже не удержать судно от губительного крена...

Голос гадалщика был настолько зловещим, что герр Штейнфельд содрогнулся. Он слушал — и картина бедствия вставала перед ним так ярко, как будто он отворил окно, выходящее на море.

— Люди на палубе суматошно хватаются за леера и снасти, чтобы не быть смытыми за борт, — продолжал гадалщик. — Но вот судно развернуло носом к ветру и фок лег на мачту, хода нет — судно неуправляемо! Удар волны — и рвется брас, рей разворачивает и стряхивает людей, посланных на мачту, на уборку фока...

В ушах купца возникло все это — и вой ветра, и крики людей, он даже узнал знакомые голоса — или ему показалось? Наваждение возникло — и тут же пропало.

— От удара реем рвутся бакштаги и ванты, и уже ничто не удерживает мачту... Мачта с диким треском начинает ломаться и падать на палубу увлекая за собой такелаж, людей, рангоут. Отломавшаяся стеньга вместе с салингом разбивает штурвал — это начало агонии, никто не выйдет живым!

— Этот корабль никогда не вернется в гавань... Все, карты больше ничего о нем не скажут, — завершил гость и, собрав колоду спрятал ее в карман.

— Что это за судно? — взволнованно спросил герр Штейнфельд.

— Названия мне карты не сообщили. Но господин может быть уверен, что это судно приобретено в Голландии и шло с грузом дорогих вин и добротного английского сукна, — отвечал гость. — Не пройдет и шести недель, как предсказание мое сбудется, но знаете ли, та сила, которая заведует предсказаниями, весьма хитра... господин ведь не откажется заплатить мне тем, что и без моей просьбы должно покинуть его дом, да еще к его великой радости?

— Как только предсказание ваше сбудется, приходите за платой, — сказал купец, стараясь не показывать своей безумной радости, — и я буду щедр с вами — разумеется, в разумных пределах.

Он уже отдался арифметическим размышлениям — если корабль соперника Вайскопфа погибнет, то как это повлияет на цены и что следует сделать, чтобы воспользоваться прыжком цен.

— Спокойной ночи, герр Штейнфельд, — сказал, кланяясь, гость.

Хлопнула дверь.

Купец, выведя в голове цифры, приятные его сердцу, немного успокоился и долго смотрел на деревянные цветы и птишек. Дерево многоценных и неизвестных ему пород было розовым и зеленоватым, взгляд купца — уже полусонным, и удивительно ли, что очертания смазались, поплыли, и на поверхности столика заплескалась морская вода? Купец смотрел сквозь нее, как будто стоял на песчаной отмели, и вдруг увидел скользящих над самым дном крошечных рыбок...

Господин с черной повязкой меж тем оказался на другом конце города, у дверей кабака.

Внизу был такой шум, что хоть уши затыкай, — это матросы в последний раз пировали на берегу перед долгим плаванием. Наутро из порта выходили два судна — «Габриэль Штурм» и «Прекрасная Эльза». Новый хозяин «Габриэля», герр Вайскопф, не пожалел денег на пирушку, чтобы плавание было удачным.

Погребок был длинным, поделенным на отсеки, в каждом отсеке стоял стол, за каждым столом помещалось до дюжины человек. Наверху, под самым потолком, были узкие окна с цветными стеклами, выходившие на улицу. Господин с черной повязкой нагнулся к одному — и от его пристального взгляда стекло сделалось прозрачным.

Внизу шел обычный для пирушки мужской спор — одни собрались уходить, другие их удерживали.

Уйти решили капитан «Габриэля Штурма» и его молодой помощник, носивший, по странному совпадению, имя Габриэль. Капитан был уже немолод, пил мало, да и не хотел мешать беззаботному веселью команды. Все знали, что в море он будет строг, и того, кто позволит себе лишнее, ждет суровая порка. Но на берегу, да еще в последнюю ночь, он был добр и потратил на пирушку почти все деньги, данные добрым герром Вайскопфом.

Помощник, Габриэль, решил хотя бы три-четыре часа поспать, чтобы утром, при отплытии, быть бодрым и командовать звонким голосом. Он знал, что девушки придут провожать корабли, и хотел, чтобы нареченная видела, какой он лихой моряк.

— Ступайте, ступайте, — сказал им вслед господин с черной повязкой. — Не вы мне нужны...

И капитан с помощником ушли по узкой улочке, скрылись за углом. Немного погодя вышли трое матросов, люди семейные, не желавшие из-за лишней чарки вина ссориться с женами.

Некоторое время спустя господин с черной повязкой бесшумно спустился вниз. Он увидел то, что и желал увидеть, — шесть человек команды спали за столом, а один, старый боцман Франс, сидел перед пустой кружкой, вздыхал и бормотал:

— А ведь как все хорошо начиналось... Всего лишь двух талеров не хватило, всего двух талеров... Ну, что это за нелепое состояние — выпить меньше, чем требует душа?..

Душа у боцмана Франса требовала обычно куда больше, чем позволял кошелек. Если же каким-то чудом деньги на выпивку находились, то совершенно счастливый боцман попадал в очередную историю и становился героем всего порта. Правда, сам он обычно подробностей не помнил, но находилось множество свидетелей, умеющих и желающих рассказать ему, что именно он натворил и какие последствия это возымело.

Однажды возвращаясь на корабль в том блаженном состоянии, которое достигается только большим количеством хороших горячительных напитков, наш боцман почти благополучно добрался до порта и судна, при этом ничего себе не повредив и никому ничего не попортив. И тут он совершил открытие — на корабль вело два трапа! Немного подивившись этому событию и не желая обременять себя муками выбора, Франс закричал:

— Эй, на борту! Какой ублюдок гнилой креветки и чесоточной каракатицы, семь чертей ему поперек тощего брюха, додумался спустить два трапа?! Я доберусь до него и заставлю вылизать оба трапа его поганым языком, пока они не засверкают, как бру.. брю... бреле... лянты!..

Как на грех, услышав эти хриплые вопли, на палубу вышел капитан и жестом запретил матросам отвечать боцману. Поорав еще немного, Франс смело двинулся вперед и проскочил мимо трапа, который, конечно же, был один и двоился он только в глазах нашего не в меру выпившего героя. Тогда лишь капитан подал знак, и на корабле привычно сыграли «Человек за бортом!»

Другой раз, пребывая утром в состоянии душевного томления, Франс наблюдал за подходящим к борту баркасом. Рыбь на воде сыграла дурную шутку — мир в глазах боцмана поплыл, баркас показался неподвижным, и Франс начал громко отдавать команды рулевому своего судна, как если бы ему предстоял маневр по сближению. Рулевого на месте не случилось, но рядом нечаянно оказался молодой матрос. Матрос с перепугу не стал объяснять боцману его ошибку и, взявшись за штурвал, послушно выполнил все команды. Франс, видя его усердие, расщедрился на похвалу. И все бы ничего, если бы не матросы, с большим любопытством наблюдавшие за этой милой картинкой — судно-то стояло на якоре и никуда не двигалось! Команда еще две недели корчилась от смеха, вспоминая эту швартовку.

Казалось бы, человека, столь прославленного, надо гнать с судна пинками. Но боцмана Франса любили — он знал свое ремесло и в плавании очень заботился о команде, хотя и гонял молодых матросов нещадно. Не было еще случая, чтобы на корабле, где боцманом служил Франс, выдавали червивые сухари или тухлую солонину. Кок, посмеявшийся так угостить команду, был бы избит боцманским кулаком до полного просветления души.

— Всего два талера? — спросил господин с черной повязкой, присаживаясь на край скамьи. — Я дам их тебе, Франс.

— В долг? — спросил старый боцман. — Тогда тебе, добрая душа, придется ждать, пока я вернусь из плавания, а это нескоро.

Собеседник поморщился.

— Если ты боишься брать в долг, то можешь мне кое-что продать за эти два талера, — сказал он.

— Я не купец и товара не имею.

— А продай мне свой козий рог.

— На что он тебе? — искренне удивился боцман. В полный козий рог обычно прятали иголки, большие — для починки парусов, и маленькие — для починки одежды, суровые нитки, запасные пуговицы, а затыкали его деревянной пробкой.

— Я путешественник, а в странствиях такая вещь весьма полезна. Так продаешь?

Франс подумал, что иголки у него имеются где-то в сундучке, а два талера на дороге не валяются.

— По рукам! — сказал он. — Эй, парень, еще две бутылки вина и нарежь мне жирной колбасы на закуску!

Две монеты прокатились по столу прямо к волосатому кулаку боцмана.

— А ты, сударь, гляжу, человек порядочный! — и боцман, достав из глубокого кармана козий рог, отправил его щелчком прямо к руке покупателя.

— А ты славный товарищ, Франс, и пить с тобой приятно! — сказал на это господин с черной повязкой. — Но хватит ли нам этих двух бутылок?

— Двух бутылок не хватит, — сразу же ответил Франс, — но больше мне продать нечего, разве что свою бессмертную душу.

И расхохотался — да так, что огоньки свеч заплесали.

— Твоя душа мне пока что не нужна. А вот что — продай-ка ты мне одну вещьцу из судового имущества.

— Не имею такого права.

— Никто не узнает!

— Все равно — не имею!

— Мне нравится твоя порядочность, боцман Франс. Жаль, что она мешает тебе напиться в эту прощальную ночь, как полагается, жаль, очень жаль...

Франс сдвинул густые брови, всем видом показывая, как тяжело дается ему размышление о судовом имуществе. Меж тем новоявленный собутыльник сделал знак — и ему одному принесли и даже откупорили четыре бутылки. Вид их был соблазнителен до невозможности.

— А что бы ты хотел купить, сударь? — спросил наконец Франс.

— Да так, приглянулась мне крошечная вещьца. Если ты ее продашь — никто и не заметит.

— Блок? Нагеля? — стал спрашивать боцман. — Клинья? Коуши? Мочки? Мушкель?

— Нет, не нагеля и не мушкель. А продай-ка ты мне якорь. За пять талеров.

— Якорь? — переспросил Франс. — Ничего себе вещьца!

И захохотал.

— Послушай, Франс, ты славился на все Балтийское, да и на все Северное море своими добродетелями и своими похождениями, — сказал, дождавшись последних боцманских всхлипов, господин с черной повязкой. — Скажи на милость, есть ли другой моряк, ухитрившийся пропить якорь? Второго такого героя ни на одном судне ты не сыщешь! Слух о том, как славно пьет боцман Франс Швиммер в прощальную ночь, дойдет до самой Америки!

— Послушай, добрая душа, на кой черт тебе якорь? — спросил Франс, уже соблазненный своей будущей славой. — Ты же, сударь, человек сухопутный.

— Ты ничего не понял, Франс! — воскликнул господин с черной повязкой и лихо выхлестал прямо из горла полбутылки мозельского вина. — У тебя — своя слава, у меня — своя! Вообрази, как повеселятся товарищи мои, когда я расскажу, что купил якорь с «Габриэля Шторма» за пять талеров! А потом, когда корабль вернется, ты выкупишь у меня этот якорь за те же пять талеров!

— Но как же ты заберешь его с судна?

— А для чего мне его забирать? Куда я его поставлю? На каминную полку? Или в лавке у себя, чтобы заманивать покупателей? Нет, друг мой Франс, пусть якорь остается пока на корабле. Просто мы оба будем с тобой

знать, что он принадлежит мне! Вот такая ловкая торговая операция! Пей, Франс, пропивай якорь!

Боцман задумался, глядя на собутыльника с большим подозрением. У него прямо вертелся на голове вопрос: «Да в своем ли ты, сударь, уме?» И чуть было этот вопрос не прозвучал, но господин с черной повязкой заявил:

— Впрочем, как знаешь, добрый Франс. Рядом с нами пьет команда «Прекрасной Эльзы», подсяду-ка я к ней — глядишь, и куплю якорь за пять талеров.

— Неужто он так тебе нужен?

— Да забавно же — чтобы боцман пропил якорь! Неужто ты не понимаешь? Люблю я, милый Франс, делать то, чего раньше не бывало!

И господин с черной повязкой допил мозельское до дна.

— Идет! — воскликнул Франс. — И точно, что дело диковинное! Якорь — твой! А мне пусть принесут чего покрепче!

На рассвете хозяин погребка с немалым трудом вытолкал сонных и ничего не соображающих гостей. Они на четвереньках поднялись по витой лестнице и вывалились на улицу, где как раз стояла протрезвляющая прохлада.

Франс, придерживаясь за стенку, выпрямился. Ему нужно было вспомнить многое: в какой стороне порт, как называется его судно, кто капитан...

Понемногу мир, рассыпавшийся на мелкие кусочки, собирался воедино, имена совмещались с фамилиями, цифры — с картинками. И, наконец, Франс вспомнил самое главное. Хлопнув по первому попавшемуся плечу (моряки брели к порту, держась друг за дружку, чтобы никого не потерять), Франс радостно воскликнул:

— Ребятки! А ведь я якорь пропил!

— Когда? — спросили его.

— Сегодня!.. Вчера!..

— Лихо. Только не мог ты якорь пропить. Якорь — на судне, а ты где?

Франс задумался. Странная затея незнакомца с черной повязкой, в погребке казавшаяся такой разумной, сейчас полностью утратила смысл.

— Я его точно пропил!... — пробормотал боцман. — Не мог не пропить, раз меня об этом просили...

Самое сложное для матроса, бредущего на рассвете из пивного погребка, это не добраться до корабля, а попасть на него. Трап — под углом, еще и качается в такт волнам, причем, как назло, его ритм абсолютно не совпадает с раскачиванием матросского тела. Но взойти-то надо.

Прицелившись, боцман чуть ли не с разбегу бросился на трап, споткнулся, повис на леере, и, схватившись за леерную стойку невероятным сложным движением, с дико выпученными глазами привел тело в относительно вертикальное положение и начал нелегкий путь вверх. Добравшись до конца трапа, он кулем грохнулся на палубу с высоты фальшборта. Полагаете, он себе что-нибудь сломал? Ни в коем случае — у пьяного кости мягкие.

Немного полежав на палубе и осознав, что ему таки удалось попасть на борт, Франс издал вздох облегчения и дополз до фальшборта; опираясь на него, поднялся и стал мучительно соображать, где нос, а где корма, чтобы на-

конец-то найти ответ на измучивший его вопрос – пропил он якорь или нет. Наконец, определившись со своим положением в корабельном пространстве и вспомнив, чем нос отличается от кормы, Франс, не выпуская из рук планширя фальшборта, медленно двинулся в сторону носа. Где с облегчением увидел, что якорь вроде бы есть – вот цепь, вот и мочка, которой этот якорь крепится к цепи, а вот и он сам.

На берегу меж тем собрались провожающие – жены, невесты, дочки, множество детей и несколько мужчин. Помощник капитана Габриэль высматривал любимое лицо, увидел, помахал рукой, послал воздушный поцелуй. Девушка только глядела неотрывно – пока судно не скрылось за Андреасхольмом.

Плавание было удачным – доставили в Гаагу меха, бочата с медом, тугие свертки льна, там взяли вина, фаянс, гобелены, пошли к Зебрюгге, взяли дорожный товар – монастырские ликеры, кружевные воротнички и манжеты, картины в футлярах из оленьей кожи, залитых для надежности воском, – и тогда уж направились домой.

С крепчающим северо-западным ветром, не жмясь к берегам, проскочили Каттегат и выскочив в Балтику проложили курс на Штейнорт, предполагая оставить остров Борнхольм по левому борту, и уже начали подсчитывать время прихода домой. И явились бы в родной порт в назначенный час, если бы не багряный рассвет, предвещавший бурю...

Боцман вместе со всей командой натягивал штормовые леера и проверял крепление груза.

– Эй, приятель! – тяжелая рука хлопнула Франса по плечу. – Я пришел за своим якорем!

Боцман обернулся и увидел белое лицо, перечеркнутое черной повязкой. Более ничего он не мог разобрать во мраке – плащ незнакомца реял и метался, а когда его отнесло вправо, боцману показалось даже, что у головы собеседника вовсе нет тела.

– Не до тебя! – отмахнулся Франс. – Ей-Богу, не до тебя!

Господин с черной повязкой поморщился.

– Как знаешь, милый собутыльник, а свой якорь я заберу. Вспомни, как ты его пропил, и не спорь со мной!

Тут только боцман осознал нелепость происходящего – не мог этот незнакомец оказаться на корабле. И тем не менее, он стоял на палубе, кутаясь в беспросветно черный плащ.

– Сгинь, рассыпся, нечистая сила! – воскликнул перепуганный боцман.

– Изволь, дружище, но сперва я заберу свое имущество.

Господин с черной повязкой протянул руку – и огромный якорь весом в полсотни пудов поплыл по воздуху к его ладони и установился, удерживая равновесие, как будто тряпичная фигура у балаганного штукаря. Цепь же, к которой он был пристегнут, отвалилась, словно мочку, ее державшую, перерезали неимоверно острым ножом.

– Благодарю! – сказал новый владелец якоря. – И прощай, милый Франс. Да узнай на прощание, что судно, лишенное якоря столь диковинным образом, веками к берегу не причалит!

Франц на сей раз был трезв и потому живо сообразил, с кем имеет дело. Жаркий стыд обжег его изнутри – ему сделалось стыдно перед матросами, перед старым капитаном и его молодым помощником, перед коком Юлиусом, давним приятелем. Стыд этот превозмог страх, боцман кинулся вперед и ухватился за мокрую чугунную лапу якоря.

Лапа стала извиваться, выворачиваясь из крепких боцманских рук.

Любой другой струсил бы и отпустил якорь – только не боцман Франс.

— Какого дьявола?! – зарычал он. – Семь пудов гнилой пеньки тебе в зад! И пушечным ядром туда вколотить! Да вшей с трех команд после годового плавания тебе в гнусную твою пасть!

А в какое место он определил десять фунтов голодных зубастых клопов, зараженных ядовитой болотной лихорадкой, и выговорить, право, неловко.

Ругаясь, он даже не заметил, что подошвы его оторвались от палубы.

Оживший якорь пролетел над волнами вместе боцманом, кинулся вниз, потом взмыл вверх, – Франс держался крепко. Якорь, вывернув свои черные лапы, обхватил его и стал душить.

— О Стелла Марис! – закричал в смертном ужасе боцман.

Белая точка в черном небе стала расти, налилась голубым светом.

— Спаси меня, Стелла Марис, спаси! – вопил Франс, пытаясь разомкнуть чугунное объятие.

Голубое покрывало, слетев с неба, накрыло якорь, металл под ним сперва обмяк, потом принял прежнюю свою форму. Но дивная сила лишила его веса – и якорь понесся по волнам, и Франс, оседлав его, летел неведомо куда, пока не сорвался и не рухнул на песчаную отмель.

Когда он очнулся, рядом, по щиколотку в воде стояла женщина и качала головой. Ее правильное лицо, юное лицо с глубокими мудрыми глазами, было исполнено печали.

— Подымайся, Франс, – сказала она. – Ты вовремя позвал меня.

— Стелла Марис... – прошептал боцман и встал перед женщиной на колени. – Меня спасло твое покрывало...

— Рано говорить о спасении тому, кто предал своих друзей, – сказала женщина.

— Якорь! Где якорь?! – боцман огляделся, не увидел на длинном песчаном берегу ничего, хоть приблизительно похожего на его пропажу, и затосковал.

— У своего нового хозяина.

— Стелла Марис, Звезда Морей, надежда погибающих моряков, их жен и невест! Помоги мне! – воскликнул Франс. – Клянусь, я больше капли в рот не возьму!

— Что же я могу сделать для тебя?.. – задумчиво произнесла она. Покрывало ее цветом почти сливалось с голубым утренним небом, а мелкие золотые волны, набегая, омывали ее босые ноги, не касаясь при этом подола светлой одежды. И темная прядь, выскользнувшая из косы, была заботливо подхвачена и уложена ветром как полагается.

— Ох, и натворил же я дел... Спаси меня, Стелла Марис!

— Я спасаю тех, кто зовет. Что ж ты не звал меня в том погребке?

Франс тяжело вздохнул.

— Знаешь ли ты, что произошло, пока ты лежал без сознания? В порт возвратились корабли, которые вышли из голландских гаваней уже после «Габриэля Шторма». Они принесли дурную весть – матросы видели плавающие по воде реи и выловили сундучок, принадлежавший коку Юлиусу. Заплакали женщины и дети, но один человек обрадовался – это был купец Штейнфельд. Он бегал по своему дому и кричал: «Ура! Сбылось предсказание!» Но радость его была недолгой – перед ним появился неведомо откуда предсказатель в черном кафтане с оловянными пуговицами, в черной треуголке без плюмажа, с повязкой на глазу...

— Это он, это он! – перебил женщину боцман. – Стелла Марис, ради всего святого – дай мне встретиться с ним, и я убью его!..

— Дослушай до конца, Франс, и узнай, что случилось по твоей вине. Этот господин с черной повязкой склонился перед купцом, как перед королем, и, глядя ему в лицо снизу вверх, произнес: «Предсказание мое сбылось, я пришел за платой. Господин ведь не откажется заплатить мне тем, что и без моей просьбы должно покинуть его дом, да еще к его великой радости?» Купец подтвердил обещание. И тут оказалось, что предсказатель хочет получить его дочь Лизу. Ведь Лиза – девица на выданье и действительно вскоре должна была покинуть отцовский дом...

— Отдать этому черту белокурую Лизу? – переспросил Франс. – Как же это?... Ведь она...

— Купец хотел отказать предсказателю – и не смог. Он представил себе, что будет, если господин с черной повязкой, имеющий странную власть над морем и над кораблями, вернет «Габриэля Шторма» в порт. Это значит, что все его хитроумные расчеты пойдут прахом. Выругавшись, он позвал дочь и велел ей собираться. Но девушка, к счастью, была влюблена. Любовь спасла ее. Притворившись, что идет за своим ларчиком с кольцами и цепочками, она убежала из дома и поспешила к морю. «Стелла Марис, спаси меня! – закричала она. – Я знаю, мой жених не погиб! Верни мне моего жениха Габриэля, чтобы он защитил меня!» И я пришла, я взяла ее за руку и отвела к Габриэлю. А господин с черной повязкой, поняв, что девушка ему не досталась, опалил купеческий дом огнем и уволок с собой жадного купца – лучше такая добыча, чем вообще никакой...

Боцман, слушал так, что забывал дышать.

— А теперь о твоих печальных делах. Корабль, не имеющий якоря, домой не придет, Франс, – сказала Стелла Марис. – Тут я ничем не могу помочь, таков закон. И у корабля, и у человека должен быть якорь, чтобы не стать игрушкой злых стихий. Не спрашивай меня, где твой корабль и что с ним. Как только якорь вернется, «Габриэль Шторм» поднимет паруса и возьмет курс на свой порт.

— Что я должен сделать? – тихо спросил боцман.

— Ты должен вернуть долг.

— Но у меня ни гроша... и где я сам сейчас – неведомо...

— Пять талеров ты заработаешь. Ты ведь работы не боишься. Но не это самое трудное. Ты должен, зажав в кулаке эти пять монет, искать и найти господина с черной повязкой. Когда найдешь — без лишних объяснений швырнешь ему эти деньги в лицо. Пусть видит, что ты презираешь и его происки, и свою слабость. И тогда он отдаст «Габриэлю Шторму» пропитый тобой якорь. Не бойся, это с ним уже случалось — достаточно увидеть отметины на его лице. А теперь подымайся и ступай.

— Куда? — спросил Франс.

— Добывать деньги. Но знай, куда бы ты ни направился — ты окажешься в своем городе. Твое время отныне — ночь, потому что днем господин с черной повязкой прячется. И куда бы ты ни пошел, когда погаснут фонари, окажешься здесь. Ибо есть пространство между жизнью и смертью для таких, как ты, и для тех, кто гораздо лучше тебя...

Боцман обвел взглядом побережье. Он увидел дюны, и хижину под соснами, и сарайчик, и распяленные на кустах сети, и старую лодку на берегу. А пока он разглядывал мир, в который поместила его Стелла Марис, она исчезла — и звать ее было уже бесполезно.

И вот он приходит, и слоняется по кабачкам, и, присев на корточки, заглядывает в низкие окна — не пьют ли матросы и не высматривает ли среди них простака его враг. А в кулаке у него зажаты заветные монеты. Но господин с черной повязкой никак не попадается ему, зато приходит заспанный фонарщик и идет вдоль узкой улицы, гася свои фонари. И Франс прячет пять талеров в карман до следующего вечера.

Но, когда он опять собирается на охоту за господином с черной повязкой, выясняется, что часть денег пропала — ведь в кармане большая дыра, а зашить ее нечем. Козий рог с иглками и моточками ниток Франс утратил в тот же вечер, когда пропил якорь. И он клянет себя, и ворчит, и идет добывать деньги.

Если непонятным образом лепешки смолы на палубе, которые собирались отскрести утром, за ночь пропали, или поправлены и понову прошиты марки на концах пеньковых тросов и переобтянуты бензеля на рангоуте, — знай, это работа Франса. Это он потрудился, чтобы опять собрать деньги и выкупить якорь. Он надеется на тебя — так не скупись, оставь ему несколько шиллингов или даже талер! Ведь однажды он встретит своего смертельного врага, и швырнет ему в лицо пять талеров, и вззоет господин с черной повязкой, чье лицо монеты прожгут насквозь!

Но если ты пожалеешь денег на то, чтобы спасти команду «Габриэля Шторма», — берегись! Запах жадности, которого человеческому носу не уловить, достигнет ноздрей господина с черной повязкой, и зловеще усмехнется этот господин, и поспешит, словно на зов, и однажды вечером сядет перед тобой в пивном погребке, улыбаясь, и заговорит, потворствуя твоему пьянству и заманивая в ловушку.

Оставь монету там, где потрудился боцман Франс, — и пусть спасутся матросы, и старый капитан, и помощник Габриэль, и его преданная невеста.

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

ЧЁРНЫЕ ДОСПЕХИ

ПРАДЕДОВСКИЕ ВРЕМЕНА СРЕДИ МАСТЕРОВ ВСТРЕЧАЛИСЬ настоящие кудесники, нынешние им не чета. Из поколения в поколение, передаваясь от отцов к сыновьям, бережно копились секреты, оттачивались приёмы, и в итоге ремесло нередко становилось сродни волшебству.

В знаменитом мастерами Старкроме жили и трудились портные из рода Кологримов. От самого основания города они считались одними из искуснейших умельцев Портняжьей улицы, а постепенно начали превосходить соседей. И вот настали времена, когда все в Старкроме и окрестностях захотели одеваться только у Ирпена Кологрима, ибо никто не шил такие красивые и удобные вещи, как он.

Работа его высоко ценилась и дорого стоила, от клиентов не было отбоя. А Ирпен не хотел отказывать никому. Но и не мог сваливать работу на подмастерьев, не желая ронять честь марки. Он лично обшивал и купцов, и священников, и простых людей. И, конечно, всех благородных господ, включая князей Атлингов, чьи вотчины обступали Старкром со всех сторон. Богател Ирпен, росла его слава, да только трудился он, не поспевая за заказами, чем дальше, тем увлечённее; всё чаще забывал об отдыхе, еде и сне, пока не забыл напрочь. Так на работе и сгорел. Умер, не дожив до старости, не поняв чив внуков.

Осталось после него два сына, едва успевших представить свои шедевры на испытание в портняжий цех и получить звания мастеров, – Варох и Давлет.

Люди, конечно, сильно расстроились, что не стало короля старкромских портных. Много судачили-обсуждали, сможет ли кто-то из его сыновей поддерживать кологримовскую марку. Больше надеялись на старшего брата – Вароха. Уж какие из его рук выходили затейливо-элегантные платья... казалось, что сын способен даже превзойти великого отца. Однако некоторые всё же ставили на Давлета. Младший брат шил без особых изысков и фантазий, но вполне добротные и необычайно удобные в ношении вещи. А ещё в его пользу говорило то, что он справлялся с заказами раза в два быстрее своего отца и раз в десять быстрее Вароха.

Братья тоже понимали, что их таланты немного разнятся. Они посоветовались и решили поделить заказчиков. Вароху досталось шить для рыцарей с их дамами, для священников и для семейств важных сановников из городской магистратуры. Давлету предстояло завоёвывать признание горожан попроче.

Оба вскоре добились успеха и славы. Вернулись все заказчики Ирпена – кто к Вароху, кто к Давлету, в зависимости от статуса, достатка и запросов.

Даже прибавилось новых. Но вдвоём, конечно, братьям было легче справляться, чем их отцу в одиночку.

Вновь засияла над шпильями Старкрома звезда Кологримов – теперь уже двойная и ещё ярче прежнего. Братья женились, обзавелись детьми. Две семьи жили в добром согласии под общей крышей родовой кологримовской усадьбы.

Тем временем, люди начали подмечать, что платья, сшитые Давлетом Кологримом, приносят удачу. Пекарь, одевающийся у младшего из сыновей Ирпена, начинал печь так вкусно, что все только к нему и шли за хлебом. Гончар начинал делать настолько радующие глаз горшки и миски, что у него их с руками отрывали по двойной цене. Стекольщики, лавочники, угольщики, плотники, кровельщики – кто б ни одевался у кудесника Давлета, каждого ждал успех в его ремесле. Даже школяры и послушники глотали науки, богословие и латынь охотнее и легче, чем их товарищи, одевавшиеся у других мастеров. Так же и учёные мужи, всякие схоласты с каббалистами, начинали преуспевать в своих занятиях: тут уж, правда, приходилось верить им на слово, потому что в этих сферах успехи от неудач простому человеку не отличить.

Да и не только в делах всё шло на лад у заказчиков Давлета. На душе у них становилось легко и свободно, а в доме воцарялись согласие, уют и семейное счастье.

Пошли по Старкрому разговоры и перешёптывания. Спрашивали и самого мастера, в чём тут дело. Не колдовством ли промышляет?

Посмеиваясь, Давлет отвечал:

– Одежда – словно вторая кожа. Если она сидит неловко, как чужая, то и ты будешь чувствовать себя не в своей тарелке. Будешь думать, что не своим делом занимаешься, не с теми людьми живёшь. И вообще всё в твоей жизни не так. Разве с подобными мыслями получится что-либо толковое из каких угодно начинаний? Да и жить рядом с недовольными и ушербными в тягость. Никому нет счастья, ни им самим, ни тем, кто рядом. А если вторая кожа как родная, то ты доволен собой и жизнью, уверен в собственных силах. Поэтому всё у тебя получается, и сердцу твоему радостно. Глядя на тебя, и твои близкие улыбаются. У меня пекарь одевается в кожу пекаря, стекольщик в кожу стекольщика. И остальные так же, и для каждого его одежда-кожа делается родной. Настраивает на рабочий лад, заставляет дышать полной грудью, даёт волю мыслям и чувствам. Вот и ждут моих заказчиков удача и счастье. Вот и всё моё нехитрое колдовство.

Собеседники недоверчиво покачивали головой, но выбора у них не оставалось, приходилось довольствоваться таким объяснением.

Докатались слухи о кудеснике-портном и до замка Гунненбург, родового гнезда князей Атлингов.

Атлинги издревле владели землями в устье Еридан-реки, на берегах которой вырос и Старкром. Город давно получил от поморских королей статус вольного, но должен был выкупить у Атлингов землю, на которой стоял. Князья заломили такую цену и проценты за долг, что пришлось растянуть

выплаты на два столетия. Кроме этого, хитрые землевладельцы добровольно возложили на себя обязанность по защите города от норманнов и прочих грабителей, за что требовали отдельную плату, время от времени её повышая. Получилось, что горожане впряглись в ярмо, которого не скинешь. Но куда деваться, потуже затянули пояса и постепенно приспособились, даже более того.

Рос и богател Старкром год от году. С ним богатели и Атлинги. Росла слава старкромских ремесленников и купцов. Прибавлялось мощи, гордости и аппетита у князей.

Князь Адам Атлинг с юных лет мечтал о ратной славе и королевском троне, а то и императорском. Но понимал: сколько б ему ни выжать со старкромцев, а королям вызов бросать – только себе на погибель. Воевать же со всеми баронами и графами – ронять достоинство, признавая выскочек за ровню. Атлинги-то вели свой род от самого Атли, легендарного разорителя Рима...

Но когда Адам Атлинг услышал о чудесах Давлета Кологрима, зародилась у него надежда. Вызвал он мастера в свой замок Гунненбург и сказал:

– Благодаря тебе, кудесник, не стало равных старкромским пекарям, кожевникам, схоластам. Гончарам, стеклодувам, каббалистам... *И оружейникам.* Но ведь все их товары – лишь слабое эхо настоящей волшбы. Вот, скажем, ты портной по всяким тряпкам. А по железу? Напортняжь мне, Давлет Кологрим, рыцарей – таких, чтобы им не было равных в мире. Чтобы каждый стоил дюжины! И я расплачусь золотом. А добуду я с твоими рыцарями императорскую корону – станешь и ты жить вельможей-патрицием. Будешь с серебра кушать, в шелках купаться, ублажать взор плясками сарацинских наложниц. Что скажешь, мастер?

У Давлета аж глаза на лоб полезли.

– Помилуй, князь! – развёл он руками. – Да ведь это совсем разные ремёсла! Не умею я с железом обращаться... даже и не знаю, как его к людям прилаживают! Я бы и помог: не за высокую плату, а из одного уважения к тебе и твоим предкам. Но не по силам мне такая задача. Никак не по силам.

Нахмурился Адам Атлинг. Прощедил сквозь стиснутые зубы:

– Не по силам, говоришь? Но разве кольчуги – не те же рубахи, только железные?! А панцири – не жилеты, только особенно прочные? Какая разница, из чего шить костюмы, да хоть бы даже с дерева! Не хочешь мне послужить, прямо и скажи...

– Хочу, князь! Очень хочу! Но не могу, не умею... хоть казни меня...

Усмехнулся князь:

– Казнить мне тебя не за что, ты человек вольный. Хочешь – принимаешь заказ, не хочешь – тоже твоё право. Вот только смотри, разные слухи ходят... А с какой стати мне за тебя ручаться, если вдруг твоими промыслами Святая Церковь заинтересуется?

Испугался мастер, упал на колени перед князем, убеждая, что преграда не в его желании услужить-порадовать, которого сколько угодно, а в умении, которого-то и нет.

Адам Атлинг в ответ одно лишь криво усмехался, да так и прогнал Давлета, напутствовав хорошенько подумать, стоит ли отказывать своему князю или не стоит.

Пришёл Давлет домой – и сразу к брату:

– Выручай! Ты князя обшиваешь, он тебя хорошо знает, должен доверять. На тебя одного надежда, Варох! Убеди Адама Атлинга, что не по силам мне его задание, бестолку и пробовать. Иначе сгноит ведь, изверг, погубит...

Варох Кологрим долго думал, что сказать князю и самому не подставиться, никак ничего не мог придумать. Но всё-таки не мог и покинуть брата в беде. Пришёл к Атлингу, стал его просить смиростивиться, взглянуть на вещи трезво. Только и выпросил, что князь пообещал, кисло поморщившись:

– Наверное, весь ваш род кологримовский с дьяволом якшается. Вот и твои платья, как я теперь начинаю замечать, уж больно повышают мои горор и самодурство. Очень по-княжески я в них себя чувствую! И настоящим, потомственным гунном. А жена с дочерью, как глянешь, так чисто королевны по замку ходят, не мельче. Скажешь, что нет? Смотрите у меня, Кологримы... Пойдёте на костёр все разом!

Варох перепугался ещё пуще, чем давеча его брат. И с перепугу придумал выход. Тут же и доложил князю Атлингу:

– Хочешь верь, хочешь не верь, добрый князь Адам, благодетель ты наш и заступник, а ни Давлет, ни я не сможем справиться железных рыцарских одежд – даже обыкновенных, не говоря о волшебных. Поздно нам переучиваться из портных в жестянщики. Но у нас подрастают сыновья – у меня двое и у Давлета один. Самый одарённый среди них – братьев отпрыск Тео. Он уже успел постичь все секреты отца, но ещё и совсем юн. Отправь его, князь, в обучение к оружейникам, да к лучшим. Может быть, дело и выгорит. Приноровится Тео к чужому ремеслу, а там уж как-нибудь применит к нему отцовские секреты.

Князь сперва разгневался, заподозрив, что Варох просто хочет выторговать себе с братом отсрочку. Сколько ещё этот Тео будет ходить в учениках у оружейников? Но потом гордый гунн смирился. Выбор ведь небогат: отдать Кологримов церковникам сейчас или подождать несколько лет, а там, глядишь, отряженный портными Тео волшебные доспехи и скроит...

Так молодой Тео Кологрим попал из портных в оружейники – выручать всю родню. Он, разумеется, мало радовался неожиданному повороту судьбы. Во-первых, что за счастье идти обучаться неизвестному делу, к которому и душа-то не лежит, да ещё и когда ты уже практически овладел любимым с детства дедовским ремеслом. Во-вторых, оружейническое дело – не портняжье. Холодное и тяжёлое железо – не мягкие и тёплые шерсть да лён. Кузнечный молот – не портновские ножнички! Нет, Тео не был хлюпиком и рохлей. Обыкновенный городской парень, не очень высокий, но и не малорослый, не особенно широкий в плечах, но и не изнеженная купеческая дочка. Однако для оружейного промысла требовались ребята не ровня портняжкам.

Поначалу трудно пришлось Тео Кологриму. По протекции князя Адама попал он к оружейнику, считавшемуся лучшим в городе: к старому Томпе

Слуду. В мастерской трудились и двое сыновей Томпы, и ещё подмастерья и ученики – дело было поставлено на широкую ногу. В большом доме, на заднем дворе которого размещались мастерские, все и жили.

Тео будто на каторгу угодил. От зари и до зари они клепали, гнули, тянули неподатливый металл, выбиваясь из сил – Тео намного быстрее остальных – и сколько так должно было продолжаться? Обыкновенно ученичество длилось семь лет. Князь Атлинг, правда, потребовал от Томпы, чтобы тот подготовил ему из Тео мастера через год. Томпа Слуд долго клялся, что быстрее, чем за полсрока, не получится. Сошлись они с князем на двух годах. Но Тео думалось, что за два года оружейники его разве что в могилу успеют свести.

Относились к нему с пониманием – как-никак, сын уважаемого Давлета Кологрима, который всех тут одевал. Да и ясно, что парень не по доброй воле полез в чужой монастырь. Жалели Тео в большом доме Слудов – и особенно его жалела хозяйская дочка Брекка – девушка одного с Тео возраста, некрасивая, но очень добрая и радужная. Остальные-то нет-нет, да и усмехнутся, косясь на малосильного и слабожильного по здешним меркам портняжку, обзовут белоручкой-белошвейкой – без злобы, но всё равно обидно. Только Брекка никогда не насмехалась, не обзывалась. Наоборот, вставала на защиту Тео Кологрима, отвечая его обидчикам (и даже отцу, если случилось), что они сами железные лапти с чугунными лбами. А то и обзовётся на них ещё как-нибудь. Тогда все смеялись, радостно соглашались с Бреккой и начинали дружно сватать её молодому Кологриму – ты, мол, парень, приглядишься к девке: и согреет, и накормит, и защитит. Грех упускать такую невесту! Шутками всё и заканчивалось.

Хорошие это были люди. Только не становилось от этого легче. А заступничество Брекки казалось даже самым обидным. Долго девушка была неприятна Тео, сторонился он её как мог.

Хотя с этим-то какие проблемы... Поначалу Брекка всё мази таскала Тео – мозоли лечить на ладонях. Но кожа загрубела быстро, будто защитный панцирь отрастила. А потом – один год и второй от зари до зари стучи молотком, ворочай кузнечными щипцами. Ночью – спи мёртвым сном. По воскресным же дням Тео уходил навестить родных. Отстаивал с ними неприменную мессу в соборе, потом – шёл в кологримовский дом ещё чему-нибудь поучиться у отца. Да и у дядьки Вароха – ведь рыцарей не сплошь в железо нужно одевать. Есть и кожаные части рыцарского снаряжения, и полотняные с шерстяными плащи, накидки. Да и конские попоны, которые тоже требуется выдерживать в одном стиле с латами, если хочешь, чтобы рыцарь чувствовал, что и конь у него подходящий, составляет со всадником одну цельную боевую единицу.

Брекка Слуд разве что по будням обед в мастерские носит, тут уж и хотел бы, а не отвертись... Самый знатный ломоть ноздреватого хлеба с румяной коркой – Тео, самый толстый круг лоснящейся жиром колбасы – Тео, самую полную кружку молока – Тео... А он бы и рад протестовать, да молодой желудок и здоровый аппетит не позволяют. Впрочем, и мастер Томпа, когда делит, в чью миску на завтраке или ужине какой кусок капустного пи-

рога или яичницы определить, так непременно самая щедрая доля отваливается немощному приживале...

Конечно, когда просыпаешься или засыпаешь, всё равно мысли о девушках в голову лезут. Но не о Брекке, совсем нет. Адам Атлинг частенько приезжал посмотреть на то, как проходит обучение Тео – его главной надежды в жизни. Обычно князя сопровождал сын Гай и кто-нибудь из рыцарей. Но однажды князь Адам взял на экскурсию дочку. Вот при первом же взгляде на Анну Атлинг Тео и погиб. Ни словом он с ней не обмолвился, только глазел во все глаза на нежную белокурую красотку, любовался алыми губками бантиком... Анна о чём-то тихо переговаривалась с Гаем, Тео слышал её музыкальный голосок – будто серебряные колокольчики звучат – но слов разобрать не мог. Но как она залиvisto и заразительно смеялась шуткам брата Гая, которые он ей на ушко нащёптывал! За маленькие зубки-жемчужинки Тео отдал бы жизнь не думая. Хотя и понимал, что Гай, наверное, шутит по его поводу, значит, Анна Атлинг над Тео и потешается. Да что с того... Ему было не жалко.

Спустя год Анна Атлинг появилась в мастерской Томпы Слуда во второй раз. Снова ни словечка не молвил ей Тео, и от неё тоже ничего не услышал. Только вновь любовался её красотой и смехом – и казалось ему теперь, что Анна не смеётся над ним, а ему со значением улыбается. Два визита юной княжны стали самыми счастливыми мгновениями для Тео Кологрима за все годы ученичества.

Несбыточные мечты об Анне Атлинг – единственное, что скрашивало его каторжные будни.

А ещё они стали именно тем, что вызвало настоящее желание изготовить для князя чудесные доспехи. Раньше-то эти доспехи мало заботили Тео, он пошёл учиться к оружейникам ради отца, чтобы отвести от него удар. Никак не ради князя и его выдумок, которые Тео казались глупыми и даже мерзкими. А теперь... Чудесные доспехи для рыцарей князя Адама могли бы принести Анне Атлинг то, чего она достойна. Тео Кологрим теперь не отбывал тяжкую повинность, он ковал блистательное будущее своей сказочной принцессы Анны.

Вот и вышло, что заботами Томпы и Брекки Слудов, да своими сумасшедшими грёзами об Анне Атлинг, Тео Кологрим не только выдюжил ученические годы, но и весьма окреп – и телом, и духом. Естественно, помогло и платье – одевался-то Тео у отца, кудесника Давлета. Так что чувствовал себя больше оружейником, чем портным, он почти с самого начала.

К концу второго года обучения уже не отставал бывший портняжка от оружейников ни статью, ни силушкой. Да и выучку-сноровку приобрёл, начал управляться с металлическими болванками с такой же лёгкостью, как прежде с выкройками и лекалами.

Князь Адам ещё за полгода до срока начал торопить: закругляйтесь, мол, с обучением, пора наследнику кологримовских секретов думать, как их применить в оружейном деле. Чем дальше, тем заказчик-вымогатель становился нетерпеливее.

А как истёк срок – сразу появился в мастерскую Слудов: при всём параде, с рыцарями и штандартами. Молодой Гай Атлинг, разумеется, тоже присутствовал. И – вот же счастье для Тео! – с ними и юная Анна Атлинг. А возле белокурой красавицы – что за напасть? – некий золотоволосый кавалер, лихой рыцарь, судя по снаряжению и ухваткам.

Князь потребовал отчёта без предисловий:

– Ну что, старый прохвост Томпа Слуд, подготовил мне мастера-оружейника? А ты, молодой шалопай Тео Кологрим, готов к испытанию?

Ответили по порядку – сначала прохвост Томпа:

– Оружейника подготовили... Мастера ли, подмастерья, трудно сказать. Больно мало времени ты нам отпустил, князь. Но что могли, то сделали. И даже больше.

Потом и шалопай Тео поклонился князю Адаму, а отдельно – его дочери Анне. Сказал:

– Я могу попытаться, князь... В оружейницком-то мастерстве мне далеко до Томпы Слуда, даже до его сыновей и подмастерьев. Но как человек устроен и как под него потребное покрытие кроить – хоть тряпичное, хоть жестяное – я ведаю ещё по отцовской науке, которая не слабее. Авось справлюсь, испытывай...

Усмехнулся Адам Атлинг, да вдруг махнул рукой:

– Эх! По правде говоря, понимаю я, что два года – не срок для овладения мастерством. Вы что тут думаете, если князь, то значит и дурак?! Но уж больно ждать невтерпёж. Да и думаю, интерес у вас всех должен был иметься особый, так что уж должны были б постараться! Риск, однако, остаётся. Поэтому нашёл я, кем можно рискнуть. Отважный паладин из далёкого Дюрестана, шевалье Рюи де Жерен, просит руки моей дочери Анны. Вот я и придумал ему службу, а тебе, Тео Кологрим, испытание. Через месяц королевский турнир в Ахене, соберётся весь рыцарский цвет Священной Империи и окрестных земель. Твоя задача – подготовить для дюрестанского Рюи чудесные доспехи. Выиграет он турнир, станет чемпионом – женится на Анне. Определяю его в мои ближайшие сподвижники. А ты получишь богатое вознаграждение и звание мастера, станешь готовить снаряжение для всей моей дружины. Проиграет рыцарь, опозорится – погоню его прочь. Ну а ты... ты тогда пеняй на себя – вместе со всеми Кологримами и заодно Слудами. Два года, может быть, недостаточный срок для овладения оружейным мастерством, но я и так ждал уже слишком долго. Мучаться дальше – терпение моё кончилось.

Словно кувалдой по голове огрели Тео Кологрима. Вот так испытание: собственными руками вручить чужаку-иностранцу любимую девушку! Конечно, князь Адам не мог и помыслить, что простолюдин и недомастер сохнет по его дочке, а то б крепко призадумался, давать ли ему такое задание... Но ведь признать это ему Тео не мог. Как не мог и отказаться от экзамена.

Стиснув зубы, снял он мерки с паладина-жениха. Хотя и мог определить все размеры на глазок, а всё же надёжнее почувствовать в плоти биение живого духа...

Снял мерки Тео Кологрим, да приступил к работе.

Не хотелось расставаться с грёзами об Анне, хотя и призрачными, но бесценными. Но не хотелось подводить ни Кологримов, ни Слудов. Да и гордость мастера, пусть ещё и несостоявшегося, не позволяла халтурить. Старался Тео Кологрим на совесть.

Приготовил он доспехи для Рюи де Жерена в срок, сшил накидку, скроил попону. Выковал и меч, и копыя наладил – с турнирными наконечниками и боевыми. Примерил паладин снаряжение в присутствии князя Адама, одобрил. А было оно оформлено в белые цвета, даже сталь была покрыта белым лаком. Потому как для жениха же! Чтобы, значит, под стать невестинной фате Анны Атлинг... Тео Кологрим мысленно снаряжал паладина уже под венец.

Дюрестанский Рюи остался доволен.

А князь, сомнительно заламывая бровь, хмыкнул:

– На вид сгодится. По крайней мере, снаряженье не хуже других. Что ж, посмотрим, как проявятся на турнире волшебные свойства кологримовских изделий. Только вот что, Тео... Эти доспехи уж пускай будут какие есть. А моих рыцарей, смотри, чтобы одел в чёрное. Пусть наводят страх на врага одним своим видом! Ты, может, сам не подумал, потому что в военном деле неопытный, так вот я тебе подсказываю, понял?

– Понял, князь, – поклонился в ответ Тео. – Конечно, тебе лучше знать. Ты старше и мудрее. Спасибо, что подсказал.

Адам Атлинг довольно осклабился и похвалил оружейника-портного:

– Вот и умница! Чую, выйдет из тебя толк! Ох и погарцуем же мы с тобой по империям и королевствам...

На том и расстались. Паладин Рюи де Жерен в сопровождении князя Адама Атлинга и его детей Гая и Анны, забрав доспехи, отправился на королевский турнир в славный Ахен. Тео Кологрим, не теряя времени даром, направился в замок Гунненбург обмерять княжских рыцарей.

Следующий день был воскресным. Но Тео не пошёл в дом к родителям, как обычно. Вышел в мастерскую Слудов: накидал записи на железный рабочий стол беспорядочной кучей, упал на неё и разрыдался.

Надеялся ли он прежде, что Анна Атлинг когда-нибудь станет принадлежать ему? Нет, едва ли. Во всяком случае всерьёз – никогда. Но такая боль защемила сердце, что казалось, будто за него ухватились Адам Атлинг с Рюи де Жереном и тянут в разные стороны, выкручивают, рвут на части. Им ещё насмешливый Гай помогает, тычет раскалёнными железными иглами...

Тут вошла Брекка Слуд, – видно, намеревалась прибраться. А может и подглядела, куда Тео направился, специально за ним прибежала, кто её знает.

Конечно, она тоже не догадывалась, что за тоска гложет Тео. Видел-то он Анну Атлинг всего три раза в жизни, как тут подумаешь...

Замерла, поэтому, Брекка в дверях и сочувственно молвила:

– Не переживай, Тео... Рыцарям что с твоими доспехами, что с другими, всё одно не жизнь без войны и разбоя. Ничего тут нам не изменить. Не эти пойдут воевать, так их противники. Пускай хоть наши побеждают.

Вскинулся Тео, подскочил к Брекке:

– Да что ты мелешь, дура! Что ты понимаешь? Чего ты вообще за мной ходишь постоянно, всё время жалеешь? Нужна мне твоя жалость! Чего привязалась?!

– Сам дурак, – тихо ответила Брекка, опустив глаза. – Люблю я тебя, вот и жалею, вот и хожу... За что люблю, не знаю... потому что настоящие оружейники – это мой отец и братья, а железная чушка вместо сердца – у тебя. За что такого любить? А люблю!

Последние слова громко выпалила Брекка в лицо Тео – а потом развернулась и хотела убежать. Только он её поймал за платье, привлёк к себе и начал целовать. Ни о чём не думал, да и зачем целовал – тоже не знал.

А потом стали готовиться к свадьбе – а какая разница Тео, если Анны Атлинг ему всё равно не видать как собственных ушей? Некрасивая и нелюбимая Брекка – пускай будет рядом, это удобно.

Как вернулись с турнира Атлинги со своим паладином и его славной победой, Тео и Брекка сыграли свадьбу. Жить продолжали у Слудов, только теперь вместе.

Тео резко оборвал визиты в родительский дом, даже стал сам шить себе платье. И очень странным сделался его наряд: одевался мастер теперь в чёрную кожу с металлическими заклёпками, оружейник не оружейник, рыцарь не рыцарь... Прозвали его жестянщиком.

Он сделался главным в мастерской – старый Томпа и его работники по приказу князя Адама отказались от прежних заказчиков и стали помогать Тео.

А ему всё не было счастья. Не пошли во благо ни успехи в ремесле, ни женитьба. Напротив, ожесточился мастер-оружейник Кологрим, замкнулся в себе. Был он и прежде скорее нелюдим и хмур, чем общителен и весел, а теперь сделался совсем угрюмым и злым. Покрикивал на подмастерьев и на самого Томпу, замахивался на жену. Был неприветлив с соседями.

И однажды дошло до края – и за него перевалило. Стала Брекка пенять мужу: до того, мол, ты озверел с такой работой, что и богу перестал молиться. Тео в ответ раскричался на неё: мол, князя нас, Кологримов, церковникам на костёр не справили, так теперь ты давай сбегай, донеси, кто тут дьяволу служит. Брекка не смолчала как обычно, а крикнула, что сбегаёт донесёт обязательно – на себя донесёт, потому что если кто-нибудь в их доме и прислуживает нечистому, то она – своему мужу. Ну, жестянщик её и поколотил, чтоб своё место знала, голосом с ним не мерилась.

Расстроилась Брекка, поняла наконец, что не будет ей житья с таким муженьком. Что делать? А Тео, стоило ему один раз руку на жену поднять, стал уже всех в доме поколачивать без разбору, кто б ни подвернулся. Совсем депотом и самодуром сделался.

Пошла Брекка в отцовский дом мужа, к мастеру Давлету. Всё рассказала о своей жизни и о том, что происходит с Тео. И попросила Давлета сшить ей стеклянное платье.

Очень удивился Давлет: один раз от него уже потребовали платье железное, теперь вот стеклянное. Что за мода пошла у людей на дикие фантазии?

Брекка объяснила:

– Наш Тео словно с цепи сорвался. Совсем в железяку превратился, внутри и снаружи, какими хочет и Атлинговых рыцарей сделать. Но пусть попробует пожить со мной со стеклянной. Может, смягчится. А может, разобьёт меня как стеклянную рюмку, да одумается, когда увидит, что натворил. Хоть какая-то польза будет. А так жить, как живём, всё одно не жизнь.

Долго сомневался и отказывался Давлет, но и Брекке не отступала. Пообещал мастер невестке стеклянное платье.

На следующий же день пошёл к стекольщикам заказывать цветные стеклянные пластины. Через неделю Брекке уже получила обновку. Нарядилась в разноцветное стекло и сделалась похожей на ходячий соборный витраж.

Явилась в этом наряде к мужу и принялась его донимать:

– Ну что, жестянщик Тео, ударишь меня теперь? Разобьёшь насмерть? Или послушаешь, что за дьяволом ты сделался?

Прилила кровь к вискам Тео, в приступе гнева он привычно занёс руку для удара. Да встала у него в глазах картина окровавленной Брекке в стеклянных осколках, не ударил он её.

Только будто молния взорвалась в голове, дикой болью опалила сознание и душу.

Схватился Тео за голову, убежал прочь. Стремглав помчался из дома, из города. Выбежал на берег Еридан-реки, только здесь остановился. Сел на землю, стал смотреть на текущую воду – вроде, чуть отпустила боль.

...Тяжелы волны Еридан-реки, студёны и злы. Зашвыривают за невысокий деревянный борт купеческого корабля белые колющие брызги. Зябкая дрожь пробирает даже того, кто наблюдает за волнами с берега.

Мыслилось Тео Кологриму: как холодны и люты воды Еридан-реки, так суровы нравы людей, обживших её берега. Так немилосердна и доля их, безжалостна судьба... Быть может, в более тёплых краях жизнь мягче и сноснее? Как бы сбежать туда? Забыть и недостижимую Анну Атлинг, и ненавистное оружейническое дело.

Но здесь Родина, здесь отчий дом. Разве оторвёшься от земли, тебя вскормившей и продолжающей питать? Слуды, Кологримы... они все, даже проклятая Брекке, – хорошие, милые люди, без них будет плохо, совсем безрадостно и тоскливо. И подводить их нельзя, оставляя на жестокую месть гуннам Атлингам.

Отведя душу, поднялся Тео, неспешно направился домой. По дороге в его голове завертелось, что нельзя, конечно, подводить родных и близких, но и эти чёрные доспехи – страх и ужас, разве можно... Вот и себя чуть в чудовище не оборотил. Хорошо, разбилась душа о чудом сохранённую стеклянную Брекку. А наплодит Тео зверей в облике человеческого целую армию? Что будет?

Есть ли способ вывернуться?

Добрался жестянщик Тео до дома, зашёл в мастерскую. Стал внимательно рассматривать уже готовые доспехи, покрашенные чёрным. Стал изучать заготовки. Свежим взглядом. Что можно сделать, чтобы его товар не превращал людей в чудовищ?

Долго думал Тео, но ничего не мог придумать. Как вдруг лёгкая усмешка заиграла на его губах. А и нужно ли что-то выдумывать? Уж пускай как всё шло, так и дальше идёт. Получит Адам Атлинг свои вожделённые чёрные доспехи. Что заказывал гунн – то и получит!

Пришла пора сдавать работу, с радостью князь забирал заказ. Для него, конечно, тоже снаряжение уже подоспело – а так же и для его сына Гая, и чёрная перемена для Рюи де Жерена. Нахваливал Адам Атлинг работу мастера Тео – добротный вышел товар. И самое главное – чувствовалась в чёрных доспехах, мечах и накидках скрытая мощь. Даже, казалось, чуть коснёшься их рукой, погладишь – и уже в душе особый победный настрой поднимается. Уже никакой противник не страшен...

Забрал потомок гуннов работу Тео к себе в замок, стали все рыцари и сам князь обнашивать обновки, приноравливаться. День проходит и другой. Неделя и месяц. Чует князь, что-то не то. Никак не тянет его в завоевательные походы. Напротив, хочется укрепиться понадежнее в замке и Старкроме, да так, чтобы незаметно, но бдительно смотреть за порядком, слившись с землёй...

Вызвал князь Адам жестянщика в Гунненбург на допрос. Пожаловался:

– В чём дело, Тео Кологрим? Чую, что-то не так с моим оружием и доспехами. Вроде и прилив сил, уверенности, боевого духа – небывалый. А желание воевать пропало как отрезало.

Улыбнулся Тео – он всё понял ещё в тот день, когда чуть не разбил стеклянную Брекку. Теперь пришла пора и князю объяснить.

– Видишь ли, добрый князь и славный рыцарь Адам Атлинг... Как тебе сказать-то... Я честно выполнил твой заказ: поставил тебе волшебное снаряжение. Но если белый – это цвет небесной чистоты, то чёрный – цвет матери-земли. И белые доспехи, и чёрные одинаково способствуют боевому духу, крепят рыцарскую силу. Если правильно изготовлены и подогнаны, конечно. Белые придадут силу для славных подвигов в чужих краях – это цвет светлых начинаний. Чёрные – особенно поспособствуют защитнику родной земли-кормилицы. Но и те, и другие подскажут сердцу только доброе. Злое, завоевательское, кровавое – никогда. И никто никогда не изготовит доспехи, способные увеличить твою злость и жестокость. Крась ты латы хоть в белое, хоть в черное, хоть в цветное! Зло рождается в сердце, и хороший доспех может его оттуда только изгнать. От плохого же доспеха – толка вовсе никакого. Потому что, князь, злое волшебство бывает только в сказках, да и то больше в глупых. А в жизни волшебство случается только доброе. Или никакого не случается. Только так!

Выслушал князь жестянщика Тео Кологрима... задумался. Наказать? И рад бы, да подправленный чёрными доспехами душевный склад не позволяет. Махнул он рукой и отпустил волшебника с миром.

Пришёл Тео домой – а его жена Брекка всё ещё носила стеклянное платье. Улыбнулся ей мастер, сказал:

– Ладно уж... Дурь из меня вся вышла, можешь переодеваться в нормальную одежду. И прости меня за былое, милая Брекка, если не побрезгуешь...

Переоделась Брекка в льняное платье – посмотрел на неё Тео и сам себе удивился: с чего он всегда держал её за дурнушку? Ладная статья, приятное лицо, даже симпатичное...

Обнялись Тео и Брекка – впервые с настоящей нежностью. С того момента зажили душа в душу. Об Анне Атлинг Тео если и вспоминал, то лишь как о юношеской горячке ума, от которой давно и благополучно излечился.

Оружейное дело, правда, пришлось забросить. Князь Адам не стал отказываться от чёрных доспехов, успел срастись с ними душой. Но слух о том, какого сорта волшебство творит старкромский жестянщик, разнёсся далеко. Не нашлось рыцарей, желающих добровольно записаться в служители беззаветного добра. Более того, одеваться в чёрные доспехи считалось с той поры плохой приметой. Что поделаешь, жизнь не сказка и даже не рыцарский роман. А рыцари таковы, как есть.

Но Тео Кологрим не пропал, легко вернулся к портняжничанью. Пришло время, и перенял он дело отца. И уж здесь недостатка в заказчиках никогда не испытывал.

СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

МАРТА И КОТИК

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ, ТОЧНЕЕ, СТОЛКНУЛИСЬ, НА ЛЕСТНИЦЕ моей конторы двадцать третьего февраля, за минуту до обеденного перерыва. Я поднимался из буфета в свою сисадминскую берлогу. Там ждали недобитые монстры, которым не следовало давать лишнего времени на отдых, и я питался прямо на ходу, прикладываясь то к маковому рулету в правой руке, то к стаканчику капучино в левой. К счастью, несшийся вниз по лестнице вихрь налетел на меня как раз в промежуточный момент пережевывания. Это позволило пальцам избежать зубов, но не могло спасти любимый белый свитер, на который каптапультировался капучино. Облегчённый стаканчик, порхнув через перила, ушёл в крутое пики, я с гневным мычанием поднял глаза и...

Я не мастер описаний и редко обращаю внимание на детали, поэтому могу охарактеризовать внешность незнакомки лишь одним словом – «выразительная». Особенно глаза – заглянув в них, я проглотил готовые вырваться слова возмущения вместе с языком и остатками рулета. Незнакомка, похоже, осталась довольна произведенным эффектом, поскольку раздражение в её взгляде сменилось снисходительным любопытством, а затем и лёгкой заинтересованностью. Извинившись за новый капучиновый дизайн моего свитера, она вызвалась немедленно устранить причинённый ущерб. Я хотел благородно отказаться, но язык по-прежнему отказывался повиноваться, и через пять минут я уже сидел без свитера в своей каморке и обалдело ждал возвращения незнакомки.

Она не заставила ждать себя долго. Не прошло и часа, как я был облачён в вычищенный свитер и стал обладателем коробки пирожных и бутылки сидра. Незнакомка, представившаяся Мартой, ещё раз извинилась, сославшись на состояние лёгкой невменяемости, в которое её привело общение с дамочками из отдела недвижимости. Я, согласился, что уж чего-чего, а довести они могут, однако ради справедливости отметил, что у них есть и положительные стороны. Например, сегодня они накрывают праздничный стол для мужской части нашей конторы. Марта не возражала, что это может отчасти компенсировать хамское поведение и вопиющую некомпетентность, но... Короче говоря, между нами завязалась светская беседа, к концу которой я осмелел настолько, что спросил, не согласится ли Марта сходить со мной в какое-нибудь приличное кафе, чтобы я не чувствовал себя неловко оттого, что меня угощает дама. Тут Марта, вспомнив о каких-то своих срочных делах и ожидающем меня праздничном столе, стала прощаться. Уже в дверях она оглянулась, пронзила меня взглядом, казалось, до самых глухих закоулков души и внезапно согласилась встретиться в ближайшую пятницу.

В пятницу полетел компьютер главбуха, и я целый день проплясал с бубном вокруг этой священной коровы под аккомпанемент женских причитаний и угрожающе-вопросительных начальственных взрыкиваний. К счастью, шаловливые духи вычислительных процессов были в тот день настроены не слишком агрессивно, и около шести вечера мне удалось вырваться из конторы. До встречи оставалось десять минут, как раз чтобы дойти, и бежать на базар за цветами было поздно. Надежда на бабуль из подземного перехода не оправдалась – городские власти проводили очередной рейд по наведению порядка, и бабули откочевали в другие подземелья. Салон «Райская долина» дразнил шикарными букетами в витрине, и издевался табличкой «Закрыто по техническим причинам». Бутик через дорогу манил разбитой в холле клумбой, и я уже начал подумывать, как бы её быстренько разнести, но тут судьба для разнообразия одарила меня слегка кривоватой улыбкой. Из сумрака подворотни вышла на свет отбившаяся от стаи бабуля и предложила мне веточку вербы, усеянную первыми весенними «котиками». Я на радостях купил у неё весь остаток веток и поспешил к месту встречи, сочиняя на ходу фразы о преимуществе естественного перед искусственным и тепличным.

Фразы получились чудесными: сочными, округлыми, плавно перетекающими одна в другую... Заготовленная речь вполне могла бы занять первое место на конкурсе отмазок, если бы не сгнула в моей памяти, так и неждавшись произнесения. Марта, увидев «котики», пришла в такой восторг, словно это были как минимум синие розы, и заткнула мой открывшийся для объяснений рот самым приятным из возможных способов – поцелуем. Начало свидания превзошло самые смелые мои ожидания, и после непродолжительной прогулки по улицам я рискнул предложить Марте зайти ко мне согреться чашечкой кофе...

Утром в понедельник Марта исчезла, оставив записку, бутерброды и ощущение полной нереальности происшедшего.

Записка, адресованная «милому котик», обещала новую встречу, и ожидание её растянуло наступившую неделю как минимум на год субъективного времени. Не помогло даже то, что весь понедельник я продремал перед монитором в своей каморке, а в четверг был мобилизован для подготовки к 8 Марта. В пятницу – последний рабочий день перед выпавшим на понедельник праздником – контора закрылась в час дня, и обед плавно перетек в банкет и танцы. С танцев я тихонько ускользнул, прихватив проигнорированную сотрудницами бутылку шампанского. И ускользнул не зря. Подходя к родному подъезду, я увидел приближающуюся с противоположной стороны Марту. Она несла объёмистую, но, судя по походке, лёгкую сумку, и я, бросился вперёд, галантно предложив доверить груз мужским рукам. Марта пыталась возразить, но я был настойчив.

– Ладно, неси, – сдалась она, ставя сумку на асфальт.

С поклоном вручив даме шампанское, я небрежно взялся за ручки... Только гордость вынудила меня всё-таки поднять сумку одной рукой и, ни разу не уронив, дотащить до лифта.

Уже в квартире, с облегчением опустив ношу на пол, я небрежно осведомился:

– Что у тебя там?.. – слово «кирпичи» отсекали фильтры хорошего воспитания.

– Продукты, – лаконично ответила Марта и, легко подхватив сумку, направилась на кухню. – Не голодать же нам три дня.

Целых три дня! И всего лишь век ожидания! Приплясывая от восторга, я вскочил на кухню как раз в тот момент, когда Марта закрывала пустой обычно холодильник, полки которого ломились теперь от базарных деликатесов. Подобное изобилие до сих пор встречалось мне лишь у классиков девятнадцатого века и в «Книге о вкусной и здоровой пище» пятьдесят четвертого года издания. Придя в себя, я начал рыться по карманам, чтобы компенсировать Марте хотя бы часть расходов.

– Брось, котик, – сказала она, словно прочтя мои мысли. – Это от благодарных клиентов.

Каких клиентов, Марта уточнять не стала, а я не настаивал, поскольку вдруг со всей отчётливостью ощутил, что три дня – не так уж много, а отсчёт времени уже начался...

Наш роман приобрёл черты стабильности. Каждую пятницу вечером Марта появлялась с сумкой продуктов, а в понедельник утром, когда «Кама-сутра» начинала казаться сборником упражнений для младшего школьного возраста, исчезала. Кроме того, она забегала на пару часов вечером в среду, «чтобы котик не заскучал». Впрочем, «Котик», наверно, нужно писать с большой буквы, поскольку никак иначе Марта меня не называла. За выходные я так привыкал к тому, что я Котик, что по понедельникам даже не сразу начинал откликаться на обращения коллег и начальства.

Правда, этому можно найти и другое объяснение – большую часть времени между визитами Марты я спал. Спал лёжа, сидя, на ходу, беседуя с людьми... Добравшись до своей каморки, я, вместо того чтобы сидеть в каком-нибудь чате или рубиться с монстрами, запускал написанный сразу по окончании института эмулятор бурной деятельности и спал, уставившись невидящим взглядом в монитор с бегущими по нему строками. Моя сетевая жизнь заглохла, а монстры, наверно, сдохли от тоски и осознания собственной ненужности.

Впрочем, это меня совершенно не волновало, в отличие от резко повысившегося интереса со стороны сотрудниц, почуявших произошедшие со мной изменения, как акулы свежую кровь. К счастью, компьютеры, словно в компенсацию за мои с ними былые мучения, работали исправно. Присутствие же в каморке кого-либо постороннего без моего согласия было запрещено приказом шефа, и любопытствующим оставалось лишь кружиться в отдалении. Истекая слюной при мысли о славном шматке свежей, ещё парящей эмоциями информации о моей личной жизни. Твёрдо следуя завету классика, я соблюдал «конспирацию, конспирацию и еще раз конспирацию», и коллегам приходилось довольствоваться тухловатым жилистым мясцом домыслов.

Жизнь вошла в новое русло, бурля на порогах выходных, всплескивая на перекатах сред и вяло неся свои воды в прочие будни. Я привык к её новому рваному ритму, и слова Марты в последнюю среду перед 1 Мая прозвучали

как «весенний первый гром». Среди ясного неба. Целуя меня на прощанье, она, как бы между прочим, сообщила, что в пятницу прийти не сможет, но второго числа возможно всё. Что-то во мне шевельнулось возразить, но целуясь с Мартой возражать невозможно, и она ушла, оставив меня в блаженном недоумении.

Пятница без Марты. Ужасней могла быть только суббота без Марты, и, пережив две эти катастрофы, я настроился при первой же встрече показать, как говорят англичане, кто из нас двоих носит брюки. Марта появилась в воскресенье утром. Я открыл дверь в наскоро накинутом банном халате и увидел, что она сегодня в джинсах. Западная мысль, как всегда при переносе на нашу почву, вошла в противоречие с реальностью, и пора объяснений настала лишь во вторник.

На вторники этой весной выходные дни ещё не выпадали. Поэтому я вскочил утром с ощущением, что проспал, и, обнаружив рядом с собой женщину, не сразу понял, что это Марта. Узнавание заняло лишь пару секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы обнаружить, как сильно она изменилась с момента первой нашей встречи. Слово «выразительная» в описании её облика теперь нужно было заменить на «потрясающая». И выглядела Марта лет на пять моложе. «Где были мои глаза?», – изумился я. Конечно, каждый миг с Мартой слишком ценен, чтобы обращать внимание на такие незначительные мелочи, как внешность. «Но на них наверняка обращают внимание другие, – кровь вскипела от ревности, распирая сосуды, и ударила в мозг. – Ведь где-то она провела эти две, принадлежащие мне и только мне ночи!»

Кровь, требуя объяснений, стучала в виски, но я почему-то не решился разбудить Марту. Ещё немного, и дело могло кончиться знакомством с Кондратием, но тут Марта открыла глаза, и я обрушил на неё поток упреков и подозрений. Она пристально глядела на меня, как бы на что-то решаясь, и когда поток, наконец, иссяк, сказала:

– Видишь ли, Котик, род занятий накладывает на меня определённые обязательства. В частности, в ночь на первое мая я должна участвовать в некоем ежегодном мероприятии.

– И что же это, позвольте узнать, за слёт юных Василис? – язвительно перебил я.

– Лучше бы тебе этого не знать, – с нажимом ответила Марта. – Сон будет крепче, да и для души спокойней...

Однако меня несло:

– Будьте так любезны, поведайте недостойному, – ёрнически поклонился я, пытаясь облобызать отдёргиваемую Мартой руку. – Век не забуду, барыня, вашей доброты...

– Что ж, если ты так настаиваешь, – сказала Марта холодно, – будь потвоему. Только не жалуйся потом, – и, заткнув тыльной стороной ладони мой открывшийся для дальнейшего ёрничанья рот, продолжила будничным тоном. – Я, знаешь ли, ведьма. А ведьмы, Котик, должны посещать шабаши. Вот и вся загадка.

– А я, знаешь ли... – начал я, отводя её руку, но тут со всей отчетливостью осознал, что Марта не шутит...

Следующий раз Марта вновь появилась в пятницу.

– Ну что, Котик,пустишь в дом ведьму? – спросила она, не переступая порога.

– А що робить? – выдал я домашнюю заготовку. – Таки поздно, Маня, пить «Боржоми»...

– Ну, смотри... – Марта вошла, и я вновь пришёл в себя только во вторник утром.

Жизнь наша после Мартиногo признания не могла не измениться, и одной из первых неприятных перемен стало то, что Марта перестала приходить по средам. «В мае всегда больше клиентов», – объяснила она, и мне не оставалось ничего другого, кроме как принять это к сведению. Впрочем, освободившимся средам, а также четвергам и пятницам, в которые я раньше отсыпался, быстро нашёл применение шеф. Он затеял обновление компьютерного парка и модернизацию сети, и теперь большую часть рабочего времени я проводил не в мечтаниях, а за установкой софта и подключением железа. Доступность моя резко возросла, чем не замедлили воспользоваться изнуренные информационным голодом коллеги.

Стоило мне появиться в каком-нибудь отделе, как всякая работа там мгновенно прекращалась и начиналась самая увлекательная из охот. Нет, не на человека – я не представлял для наших дам матримониального интереса, а на информацию о человеке. Люди, для которых я три месяца назад был лишь чудным жрецом глумливых электронных идолов, вдруг стали проявлять ко мне просто-таки материнскую заботу. Спрашивали о здоровье. Ужасались, как я похудел и осунулся за последнее время. Пытались кормить. Удивлялись, что такой парень до сих пор ходит в холостяках. Советовали срочно жениться, что должно тут же решить все мои проблемы. Спрашивали, а не присмотрел ли я себе кого-нибудь. Собственно, всё предшествующее было лишь подводкой к последнему вопросу. Он так всех интересовал, что я порой подумывал, не делаются ли на меня ставки в некоем тайном тотализаторе. Если да, то победительнице светил, очевидно, немалый куш. С каждым днём становившийся больше, поскольку на все вопросы я отвечал неоднократно опробованным некогда на экзаменах сочетанием звуков, которое не значило ничего, и, стало быть, означало что угодно.

Постепенно я научился откликаться на вопросы коллег чисто рефлекторно, думая при этом о чём-нибудь своём. Впрочем, этим своим в конечном итоге неизменно оказывалась Марта. Ведьмы всегда представлялись мне старыми каргами, поджидающими в замшелых лесных избушках добрых молодцев. Причём только и исключительно в сказках. Но Марта была молода и вполне реальна. Порой просто потрясающе реальна... Таким, да и вообще любым ведьмам явно не было места в нашем рационалистическом мире. Хотя... Инквизиция в своё время занималась ведьмами вплотную и, похоже, не сомневалась в их реальности. Я скачал «Молот ведьм», но прочесть до конца не смог. Однако прочитанное помогло положить конец бесплодным

размышлениям. Шпренгер и Инститорис утверждали, что их труд основан на богатом эмпирическом материале. Так почему бы и мне не мудрствовать лукаво, а проверять свои гипотезы опытом?

Утром последнего этой весной нерабочего понедельника, после завтрака, я немного отошёл от субботне-воскресной одержимости и вспомнил о намеренном эксперименте.

– Слушай, Марта, – сказал я, лениво развываясь на диване, – тут дамочки из нашей конторы утверждают, что я совсем зачах, спал с лица и, вообще, плохо выгляжу. Может меня и вправду грызёт какая-нибудь тайная хворь? Или сглазил кто? Не могла бы ты, как специалистка, посмотреть и дать своё авторитетное заключение?

Марта, как раз вознамерившаяся пристроится рядом, бросила на меня пристальный взгляд.

– Может, и вправду стоит?.. Хорошо, посмотрю. Отстроюсь только... – она решительно запахнула халат и ушла на кухню.

Спустя два часа, за которые я не менее ста двадцати раз пожалел о своей дурацкой тяге к экспериментам и столько же раз велел себе не ныть, Марта появилась из кухни. Даже мне, никогда не видевшему ведьму за работой, стало ясно – отстройка прошла успешно. От Марты веяло такой холодной отчуждённостью, что я невольно потянулся за одеялом, а во взгляде явственно читалось, что перед нею сейчас всего лишь биологический объект, клиент. Она велела мне перевернуться на живот, присела возле дивана на корточки и, что-то бормоча, начала водить руками над моим распростёртым телом. По коже, шевеля волосы, побежал лёгкий ветерок. Постепенно он усиливался, кожа и мышцы, повинаясь движениям Мартиных рук, заходили волнами. Волнение проникало всё глубже и глубже, я чувствовал, что ещё немного и тело моё взорвётся, расплескавшись по комнате, но тут Марта резко сменила тональность бормотания, и буря улеглась.

Некоторое время я лежал неподвижно, производя внутреннюю инвентаризацию организма и дивясь отсутствию недостатков. Потом, убедившись, что контроль над телом восстановлен, перевернулся на спину:

– Ну что, жить буду?

Марта, уже почти прежняя, взъерошила мне волосы, присела на край дивана и как ребенка чмокнула в лобик.

– Конечно будешь, Котик. Долго и счастливо. И умрешь в один день.

Затем, уже без улыбки, добавила:

– Правда, кое в чём твои дамочки правы. Есть одна причина для беспокойства. Но я её устраню. Обещаю. – Марта склонилась, и скрепила обещающие поцелуем. На этот раз не детским...

В следующую пятницу Марта не появилась. Промотавшись до утра между балконом и лестничной клеткой, я, в конце концов, решил, что пришло время звонить в справочную скорой помощи, и начал искать телефонный справочник. Справочник долго прятался, пока наконец не обнаружился на кухне, где прикидывался подставкой под сковороду. Обложка и крайние страницы уже пали в неравной битве с раскалённым чугуном, но я не терял

надежд, и они оправдались. Взятые в руки останки справочника сразу раскрылись на нужной странице, и оттуда выпала написанная знакомым почерком записка: «Котик, не беспокойся и не ищи. Я устраняю причину твоих проблем. Всё будет в порядке. Марта». Ниже стояло сегодняшнее число, и шёл постскрипtum «Во сне и за едой время проходит быстрее».

Организм решил воспользоваться советом постскриптума по полной программе, и в понедельник я вышел на работу как никогда выспавшимся и полным сил. Сотрудницы не преминули это заметить, и я буквально физически ощутил, как от бурления могучих, но разнонаправленных мыслительных волн завибрировали стены нашей конторы. Три дня назад этим бы всё и окончилось, но исчезновение Марты высвободило огромное количество времени и энергии, которые нужно было чем-то занять. И я решил отблагодарить наших дам за трогательную заботу о моей личной жизни, подарив им Историю. Электронно-эпистолярный любовный роман в режиме реального времени.

Героиней романа стала француженка Жанна, проработавшая три месяца секретаршей в посольстве и вернувшаяся на родину по настоянию деспотичного папаша-миллионера. Мы даже не успели попрощаться, и теперь она пыталась связаться со мной по электронной почте. При этом все письма Жанны, написанные на забавно исковерканном русском, по ошибке попадали к секретарше шефа. К первому письму было приложено фото умопомрачительной блондинки, эротично возлежащей в символическом купальнике на фоне неправдоподобно лазурного моря. К другим прилагались фотографии квартиры на Елисейских полях, шато под Парижем, виллы в Ницце, океанской яхты и прочих атрибутов шикарной жизни. Тексты я сначала брал из дамских романов и светской хроники, но постепенно вошёл во вкус и стал сочинять сам.

Переписка, естественно, была односторонней. Пытаясь добиться от меня ответа, Жанна пускалась во всё более и более интимные воспоминания, а общий тон её писем становился с каждым разом трагичней. Все сотрудницы постепенно разбились на две партии. Одни при встрече смотрели на меня с гневным осуждением, другие – с неподдельным интересом. Причём, с каждым новым письмом поляризация возрастала. Ещё немного, и вся эта затея могла бы закончиться для меня плачевно, если бы однажды я не ошибся, подписывая очередное письмо.

Письмо содержало страстную мольбу о встрече, и я уже почти отправил его, но в последний момент заметил ошибку. Не Жанна, а Марта. Не знаю, была ли это описка по Фрейду, или что-то другое, но я вдруг понял, что этот крик души не придуман. Он родился сам. Я не видел Марту непозволительно долго – целый месяц, практически вечность – и больше не мог. Я был должен, обязан её отыскать. Немедленно. Но как? Как найти человека, о котором не знаешь практически ничего, кроме имени?

Было от чего впасть в отчаяние. Но отчаяние не вело к Марте. Дорогу к ней могла подсказать только память, и она не подвела. Я вспомнил, какой отдел посещала Марта в день нашей первой встречи...

Дом Марты, расположенный в частном секторе на краю города, я нашел довольно быстро. Вот только хозяйки в нём не оказалось. Словоохотливая соседка пояснила, что в это время года Марта всегда живет на даче, в лесу, и в город возвращается лишь в ноябре. Не знаю, что отразилось при этих словах на моём лице, но соседка, начавшая жаловаться на неправильную погоду последних лет, умолкла на полуслове.

– Вижу, очень нужна тебе Марта, – решила она, пристально поглядев мне в глаза. – Если уж парень ведьму ищет, значит, неспособен ему. От любви, видать, сохнешь?

Я кивнул.

– Что ж, сейчас самое время. Еще чуток и луна на ущерб пойдёт. Так что садись-ка ты на автобус...

Чётко следуя указаниям, я отошёл метров двести от остановки и наткнулся на узкую, но хорошо различимую народную тропу. Тропа увела в лес и долго водила, кружа и сворачивая в самых неожиданных местах. Через некоторое время я стал подозревать соседку Марты в топографическом кретинизме. Затем в извращенном чувстве юмора, граничащем с садизмом. Потом догадался, что она замыслила повторить затею Ивана Сусанина, и приготовился провести остаток своих дней, плутая по пригородному лесу, но тут тропа вывела меня, наконец, на поляну. Посреди поляны, отчасти реабилитируя мои детские представления об образе жизни ведьм, стояла избушка. Правда, оценить степень её замшелости я не успел, поскольку дверь избушки отворилась и на крыльцо вышла Марта.

– Всё-таки пришёл... – с тоской протянула она.

– Да я так, мимо проходил... – подойдя к крыльцу, попытался обидеться я, но Марта, не обратила на мои слова никакого внимания.

– Пришёл... Котик, ну зачем ты пришёл! – с непонятным отчаянием вскрикнула она. – Я и так пробыла с тобой слишком долго! Котик, я не должна была так долго с тобой оставаться. Тебе нельзя. И мне... Ну, зачем ты пришёл сюда, Котик!

Я стоял и не мог ничего сказать. Я должен был что-то сказать, но не мог. Я забыл, как складывать из слов осмысленные фразы.

– Я хочу быть с тобой, – всплыла из памяти готовая строчка.

– Я так хочу быть с тобой, – потянулась за ней ещё одна.

– И я буду с тобой, – мне уже не нужно было думать, что говорить дальше.

– В комнате с белым потолком, с правом на надежду... – машинально продолжила Марта, и отблеск какой-то безумной извращённой надежды мелькнул в её глазах. – Слушай, Котик, сегодня ведь купальская ночь. Хочешь, покажу тебе, где искать цветок папоротника? В этом лесу кладов много – обязательно найдёшь...

– Я уже нашёл свой клад, – прервал её я. – Зачем идти в лес, если можно протянуть руку? Просто скажи «да».

Марта побледнела:

– Котик, это очень серьёзно! Ты не можешь со мной оставаться. Это кончится очень плохо...

– Пусть кончается, как хочет, но с тобой, – я шагнул к Марте, и окружающая действительность привычно растворилась в её глазах...

Первым, что я увидел, вновь обретая способность воспринимать окружающее, были глаза Марты, лежавшей рядом, опираясь на локоть. Глаза были печальны. Я начал было приподниматься, чтобы исправить это вопиющее безобразие, но Марта уперлась в мою грудь свободной рукой и, слегка подавшись вперед, сказала:

– Ну вот и всё, Котик. Теперь ты уйдёшь.

– И не подумая, – осознав тщетность попыток подняться, я независимо заложил одну руку за голову, а другой потянулся погладить Мартину волосы. – Я ведь уже сказал, что хочу быть с тобой.

– Ну, и что ты собираешься здесь делать? – спросила Марта, уклоняясь от моей руки.

– Как что? – ответил я голосом кота Матроскина, обводя взглядом комнату и видневшийся за окном лес. – Коровку купим, молочко продавать...

– Я серьёзно, – с досадой перебила меня Марта. – Тебе нужно уйти, пока светло, а мне надо готовиться к вечерним обрядам.

– Я тоже хочу обрядов, – продолжал нахальничать я, глядя в скрытые за потолком небеса. – Хочу скакать через костёр и гоняться по кустам за голыми девками... Точнее за одной... – поправился я, покосившись на Марту.

Марта на миг усмехнулась, но тут же посерьёзнела вновь:

– Перестань, Котик. Пойми, шутки кончились. Речь идёт о твоей жизни. Если ты не уйдёшь сейчас, то почти наверняка останешься здесь навсегда. И я не уверена, что тебе это понравится...

– А я не шучу, – глядя Марте прямо в глаза, с нажимом произнёс я. – Я ведь и пришёл, чтобы остаться. И мне нравится слово «навсегда». И я абсолютно уверен, что если сейчас уйду, то вряд ли когда-нибудь смогу без отращения смотреть в зеркало.

– Что ж, – сказала Марта странно вздрогнувшим голосом. – Оставайся.

И я остался...

Марта оказалась права. Я так никогда и не вернулся в родную контору, предоставив сотрудницам возможность думать, что объект их пристального интереса уже в Париже и гоняет монстров где-нибудь на Елисейских полях. Но я живу не в полях, а в лесу, и мы с Мартой не гоняем монстров, а снимаем сглаз и порчу, приваживаем безразличных и отваживаем постылых, возвращаем неверных и... Полный перечень услуг вы можете прочитать на нашем сайте или на двери избушки. Собственно, делает это всё Марта, а я обычно сижу неподалёку со скучающим и где-то даже презрительным видом и лишь иногда издаю хорошо знакомое моим бывшим коллегам звукосочетание, и нажимаю какую-нибудь кнопку на клавиатуре компьютера. Обычно это производит на клиентов совершенно потрясающее впечатление, и они тут же соглашаются увеличить гонорар в два раза. Популярность наша в народе неуклонно растёт и порой, особенно в тёплое время года, приходится работать от рассвета до за-

ката. Но зато тем приятней потом, прижавшись друг к другу усталыми телами, сладко спать под уханье сов или шорох ночного дождя.

В конце октября мы перебираемся в городской дом Марты и живём там всю зиму. Клиентов зимой обычно меньше, и можно сидеть долгими вечерами у огня и вспоминать лето. А с конца февраля Марта начинает пропадать на субботы и воскресенья, а я начинаю сердиться и ревновать. Я знаю, что ей необходима энергетическая подпитка, и что с первого мая она вновь будет безраздельно принадлежать мне, но ничего не могу с собой поделать. Марта называет такое поведение самцовым шовинизмом и на время отлучек запирает меня в моей городской квартире. Я догадываюсь, что она тоже делает это из ревности, опасаясь, что я могу пойти по соседкам, среди которых, кстати, есть весьма достойные и вполне благосклонные ко мне экземпляры. И эта её ревность слегка успокаивает мою.

А в мае мы перебираемся в лес, и я с нетерпением жду купальской ночи. В эту ночь Марта преображается, и мы до самого рассвета буйно носимся друг за другом по крыше избышки и ветвям векового дуба, растущего на краю поляны. Обычно Марта не слишком долго заставляет себя ловить и с наслаждением делится со мной запасённой весной жизненной силой. Иногда мы так увлекаемся, что первый луч солнца застаёт нас на какой-нибудь высокой ветке или краю крыши, откуда можно запросто упасть и даже убиться. Мы всегда забываем об этом, но никогда не беспокоимся из-за своей забывчивости. В конце концов, у нас в запасе ещё по восемь жизней.

ЮРИЙ НЕСТЕРОВ

МЕДАЛЬ ПОСМЕРТНО

ПОЛКОВНИК ВАСИН ПРИЕХАЛ НА ФРОНТ ОДИН.

Его молодая жена, наученная дамскими журналами, как следует вести себя супруге офицера, собиралась с ним. Она прошвырнулась по бутикам и купила выгодно подчёркивающую фигуру гимнастёрку, плиссированную юбочку цвета хаки, чёрные армейские ботинки на каблуках-шпильках и краповый берет с игривой кокардой. Когда полковник Васин вошёл с проездными документами, жена как раз примеряла головной убор перед зеркалом.

– Так мне лучше, милый? – спросила она, выпуская локон из-под берета.

– Так – замечательно, – сказал полковник Васин.

– И-и-и! – радостно пискнула жена. Она прижалась к мужу всем жарким податливым телом, запрокинула лицо, и в огромных карих глазах Васин увидел сперва собственное выпуклое (и оттого несколько комичное) отражение, а потом и супругу: то льнущую к его украшенному золотым аксельбантом плечу (хотя полковник был сейчас в полевой форме), то заботливо пеленающую белоснежным бинтом его раненную руку, а ещё секунду спустя – поящую его, красиво загипсованного по самую макушку, витаминизированным морсом из носика фарфорового чайника.

Полковник Васин вздрогнул и отстранился.

Его двойник тоже отступил за антрацитовый глянец зрачков, оставив отражение любимой в одиночестве. Со скорбным (и оттого ещё более прелестным) ликом та прижимала к груди урну с прахом мужа, а позади нетерпеливо перетаптывались молодые хлыщи-адъютанты из генеральских сынков и их импозантные папаши; целый табун.

Потом жена моргнула.

– Когда наш космолёт, дорогой?

Васин крепко поцеловал жену в алый рот.

– Оставайся дома, дура, – сказал он и, подхватив чемодан, шагнул за порог.

* * *

Белый снег, серый лёд и тёмный растрескавшийся базальт – портрету Земли Мальтуса трёх красок хватало с лихвой.

Землёй Мальтуса назывался искусственный цилиндрический планетоид на противоположной стороне земной орбиты. Один его торец – куда и прибыл Васин – был плоским, а второй представлял собою гигантскую параболическую выемку в стокилометровом слое непутия – металла с удельным весом большим, чем у золота. Такая форма создавала на ровной стороне планетоида достаточную для ведения боевых действий гравитацию.

Планетоид был разбит на семь (по числу военных блоков) секторов, именованных цветами спектра. Блоки воевали друг с другом, или блюли перемирие, или заключали союзы – в зависимости от политической ситуации на настоящей Земле. Фактически карта диска являлась своеобразной диаграммой экономических и культурных противоборств ведущих мировых держав. Верно было и обратное – военные успехи и неудачи того или иного блока отражались на делах соответствующих государств. Полковник Васин выступал за «фиолетовых».

К моменту, когда его сапог коснулся поверхности, фиолетовый сектор съёжился до узкого, простреливаемого насквозь клина. От космодрома до штаба пришлось добираться траншеями, непрерывно кланяясь пулям, отчего Васин уже к середине дороги почувствовал себя не офицером, а каким-то дурачком болванчиком из Китая. Наконец перед ним открылась дверь в штабной бункер, средоточие тактической мысли экспедиционного корпуса. Тактической – ибо стратегия вырабатывалась в двух астрономических единицах отсюда. Сражения планировались там, а гремели исключительно здесь. На Земле не было войск, кроме генеральных штабов, цейхгаузов и белых касок ООН.

Васин такое положение вещей находил единственно верным, поскольку втягивать женщин с детьми в сугубо мужские дела полагал глупым и где-то даже постыдным – вроде детской порнографии – занятием.

Имелись, правда, горячие головы, требовавшие вернуть боевые действия на Землю. Свои инициативы они объясняли заботой о наших-мужественных-Парнях-На-Той-Стороне и необходимостью Разделить-Бремя-На-Всех. Но в их лицах полковник, сколь ни вглядывался, не находил особой заботы или личной готовности к лишениям: ничего, кроме дурно скрытой похоти и намерения её утолить.

* * *

– Кто тебя выдумал, такого умника? – язвительно бросил командующий, выслушав рапорт. – Полк ему, как же. Рожу я его, что ли? У меня бойцов с гульки (пик) осталось, едва-едва на две роты наскрёб...

– Готов принять роту, – сказал Васин запальчиво.

Командующий ему не нравился. Небритый, пропахший табаком и потом генерал-майор с воспалёнными глазами имел мало общего с командиром корпуса в представлении Васина. К тому же генерал не стеснялся в выражениях, а полковник Васин считал, что бранное слово, простительное урке, кучеру или подгулявшему младшему чину, несовместимо с офицерским званием.

– Ишь, герой – кверху дырой, – хмыкнул комкор. – На ротах у меня челочки есть. А прочие должности подавно заняты. Разве что... – он ткнул заскорузлым пальцем в пятнистого цвета ноутбук, – да, только должность начфина вакантна. Расстреляли вчера за воровство, с-суку.

– За воровство?! – удивился Васин. На Земле казнокрадство не счита-

лось особым прегрешением. Там все, даже те, кто был глух к поэзии, назубок знали строку древнего пиита о ворюге и кровопийце.

Круговая порука мазала, как копать.

– Законы военного времени, – пожал плечами генерал.

– Тем не менее, трибунал поступил излишне сурово, – заметил Васин.

– Да его без суда прикончили, бляха-муха, – махнул рукой комкор. – Разведчики пришли за боевыми, а он чемоданы пакует. Хотел сегодня на Землю отбыть... да опоздал на поворот. Ну что, согласен на начфина?

– У меня не экономическое образование, – сказал Васин.

– А чего там мудрёного? Главное, меру знать.

– Я ехал на фронт, а не в тыл, – отрезал Васин. Он добровольно оставил генштаб, желая лично прочувствовать, что скрывается за стрелками фронтальных ударов и охватов, искусно вычерчиваемыми им в Photoshop'e. А ему предлагали шило сменить на мыло.

– Ого! – сказал генерал то ли уважительно, то ли желчно. – Л-ладно. Глянь сюда. Что скажешь?

Полковник Васин склонился над утыканной флажками секретной картой, похожей на заляпанную кофе мишень для дартса.

Положение действительно было аховое. Стиснутый превосходящими силами фиолетовый сектор стремился к отрезку, и даже стратег Васин не видел возможности что-либо противопоставить неизбежному. У отрезка нет разницы между концами, рассеянно отметил он. Эта мысль сдетонировала вдруг идеей, на которую в данной ситуации лишь безумец был способен.

Полковник Васин нашёл карандаш и решительно ткнул им в точку, где все сектора сходились вместе:

– Атаковать полюс.

У генерала отпала челюсть.

– (Пик! Пик! Пик!) – сказал он, совладав с нею. – А я ещё ему деньги хотел доверить, старый (пик)...

Полюс, в силу своего географического положения, являлся самым лакомым куском Земли Мальтуса, отчего у всех сторон внимание к нему было самое пристальное. Им традиционно владел доминирующий блок, и предложение Васина было для генерала не бредом даже. Моветоном.

– Наш единственный шанс, – сказал Васин. – Здесь нет мощной группировки. При умелом командовании и удачном стечении обстоятельств задача выполнима силами взвода. Дайте мне один обстрелянный взвод.

Комкор смотрел на него, как на денщика, застигнутого за чтением Клаузевица.

– А лучше – разведчиков, – сказал Васин.

– Эх, Васин-Васин, – молвил генерал тоном офицера, вдруг сообразившего, что денщик-то держит книжку вверх ногами. – Да пока ты выдвинешь взвод, у противника на полюсе уже будет дивизия. С артиллерией! Не учёл?

Генерал указал на бетонный потолок, напоминая, что над Землею Мальтуса непрерывно висят летающие блюдца информационных агентств, транслирующие в прямой эфир каждую мелочь жизни и смерти здесь.

– Учёл, – сказал Васин, которого до сих пор мутило от мысли, что во время движения сюда он выглядел недостаточно фотогенично. – Мы будем идти во время рекламных пауз. А атакуем в технический перерыв.

Генерал позеленел.

– Забываешься, полковник! – загремел он. – Соображаешь, что несёшь?! Это же против всех законов и обычаев войны... это... это же преступление! Тебя, (пик), будут судить в Гааге! А сидеть будешь в Ивделе! И то – коли повезёт, (пик – пик – пи-и-ик)!..

– Если проиграю – несомненно, – сказал полковник Васин подчеркнуто сдержанно. – Но если выиграю... Вы слышали когда-либо о тюрьмах с победителями?

Генерал извлёк несвежий носовой платок. Вытер им лицо, высморкался. Долго смотрел на карту.

– Хорошо, – сказал он сипло. – Будет тебе и взвод, и разведчики. Только запомни. Если что – ты один, ты не со мною.

* * *

Перекрёсток семи секторов охранял один-единственный дот, носивший имя Мажино. На семигранном колпаке сходились рубиновые лучи растяжек, делая дот похожим на гигантского серого паука в центре лазерной паутины.

Лёжа под сугробом, полковник Васин рассматривал дот в бинокль. Минное поле. Колючая проволока. Стальные двери. Амбразуры с бетонными козырьками. Датчики объема... Дот выглядел таким же, как и на фотографиях со спутника. Вокруг из снега торчали былинки. Васин счёл было их щупами мин, но, взглядевшись, обнаружил, что это просто вымерзшие стебли растений, без подвоха. «Спит гаоян, – подумал Васин почему-то. – Откуда здесь почва? Земля Мальтуса – сплошь песок да камень, а тут – пригодный для травы грунт. Будто специально с Земли везли...»

– Вот и я, – сказали рядом. Полковник вздрогнул. Командир отделения разведки подполз, как всегда, бесшумно. За время марша Васин усвоил, кажется, всё о его феноменальном умении маскироваться, но привыкнуть никак не мог. Фамилия командира разведчиков была Помидоров.

– Проходы сделали, мины сняли, – шепнул сержант. – Но вплотную скрытно не подобраться. Думаю, надо ползти, пока не обнаружат, потом дружным броском до оврага... есть там один. В снегу лежать бесполезно – выкосят. Потом второй бросок, в мёртвую зону. Дальше разберёмся. Как считаете?

– Считаю – правильно мыслите, сержант, – сказал Васин. Наслышанный о пижонстве и независимости разведчиков, он ожидал хлебнуть с ними ли-

ха, однако Помидоров и его люди оказались на удивление дисциплинированными бойцами.

И деликатными, подумал Васин.

– Главное, взвод в атаку поднять, – добавил он.

– Гм, – сказал Помидоров. Он смотрел на Васина круглыми от изумления глазами, и тот поспешил уточнить, что взвод, несомненно, храбрый, но...

– Но есть там один... Пьер, кажется. Больно себя любит. Думаю, может запаниковать... потянет за собой остальных.

– Взвод поднимется, – сказал Помидоров уверенно. – Рванут на пулемёты – (пик) удержим. Главное, их дальше оврага без сигнала не пускать. А то все как один полягут.

– Что? – сказал Васин.

– За овраг без моей команды – ни-ни, – повторил сержант. – И сами под пулю не суйтесь. Ну, вперёд?

Они поползли. Потом началась стрельба, и они вскочили и побежали – как один.

И Васин бежал вместе со всеми навстречу бешеному стрёкоту и вишневым пунктирам трассеров. Страх отпустил, уступил место воодушевлению, азарту; пулемётные очереди свистели справа, слева, сверху, вспарывали снег и бегущих. Васина пули миновали – раз за разом, раз за разом, – и он почувствовал досаду, а потом и обиду на столь несправедливую к нему фортуна. Он пытался угадывать направление следующей очереди, чтобы успеть словить причитающуюся ему порцию свинца, но вражеские пулемётчики, точно насмехаясь, либо вдруг прерывали стрельбу, либо вводили огонь куда-то вбок. «Изуверы! – думал про них Васин. – Нелюди!» Тут он увидел неподвижно висящую в воздухе багровую нить и поспешил к ней, но внезапно упал, покатился кубарем и очутился на дне оврага. Здесь чей-то сорванный голос грозился расстрелять всякого, кто посмеет подняться в атаку. Поправив свалившуюся было шапку, Васин начал торопливо карабкаться по склону. Рядом, обламывая ногти, спешили наверх прочие неудачники; впереди всех – афрорейтор Пьер. Шустрый малый, подумал Васин с завистью. Кто-то вцепился в него сзади, мешая подъёму, и полковник, не оглядываясь, двинул труса локтем. Кажется, удачно, отметил он удовлетворённо, чувствуя, что захват ослаб. До верха оставалось совсем ничего. Но тут затрещина низвергла Васина обратно вниз. От такой несправедливости в глазах его потемнело.

* * *

– Первый тайм мы, кажись, отыграли, – сказал Помидоров, осторожно двигая разбитой губой, отчего получилось что-то вроде: «Перый тай ы...»

Они сидели в овраге – разведчики, остатки стрелкового взвода и полковник Васин с пунцовыми от стыда щеками. По кромкам и дальнему склону молотили пулемёты. Когда пули фьюкали над самой головой, хотелось

встать в рост, но теперь искушение было слабым, абстрактным, подобным тому, что испытываешь на краю пропасти.

Неподалёку в ряд лежали убитые. Чтобы отрезвить уцелевших, сержант от имени полковника распорядился собрать мёртвых и положить их вместе. Полковник Васин, хотя ему никто не приказывал, носил тела наравне с младшим составом. Брал за ноги или за плечи, и нёс. Брать за плечи было особенно страшно, потому что тогда лицо оказывалось над лицом мертвеца, а лица у погибших были жуткие. На них застыло выражение восторга, а то и счастья. Навсегда. На всех. Кроме тех, у кого не осталось лиц.

«Фьють-фьють-фьють», – сказали пули.

Помидоров, крихтя, покопался в снегу и протянул Васину два похожих на огрызки карандашей цилиндрика. Васин недоумённо повертел их в руках. Калибр девять миллиметров, пластиковая оболочка, стальной сердечник, центрирующие пояски... Пули как пули. У одной донце закрыто какой-то агатовой пластиной только.

– Эмпатический боеприпас, – сказал Помидоров. – Я думал, вы в курсе. В полёте эта (пик) под напором воздуха излучает альфа-волны, действующие на мозг. Тебя сразу начинает тянуть к ней. Вроде как мотылька – к огню. Снаряжают обоим с таким расчётом, чтоб каждая третья пуля в очереди была с агатовой жопой.

– Я... я не знал, – сказал Васин. Иначе он вряд ли бы отважился на штурм перекрёстка.

– Их недавно делают, – ответил разведчик. – Пьера видали? Штуки четыре словил. Так у него из всех дырок сразу хлынуло... с радости-то.

Васин смотрел на эмпатическую пулю с отвращением и страхом. Потом уронил её в снег.

– Это... это бесчеловечно, – сказал он. – Это подло.

Сержант хмыкнул.

– Да какая разница, как именно тебя убивают? – заметил он философски.

Сверху скатился один из разведчиков и доложил, что агатовые жопы у врага кончились.

– Приготовить гранаты, – сказал Помидоров. – По команде – все к доту. Цепью. Одним махом. Кто замешкается – пристрелю, как начфина!

И они снова побежали.

На сей раз свист пуль не вызывал энтузиазма. Наоборот, до боли в животе хотелось тут же нырнуть в снег, и Васин бежал пригнувшись, будто участник глупого телешоу, где надо пронести на затылке стакан с водой быстрее всех в мире.

Что-то больно стукнуло по голове – он упал, прощаясь с жизнью. Но то была всего лишь бетонная стена дота. Васин вскочил и принялся совать плазменные гранаты в пышущую огнём бойницу.

Потом вдруг оказалось, что стрельбы больше нет. Стоящий у дальней амбразуры Помидоров махнул рукой. Двое его людей выволокли из оврага бур с алмазным наконечником и потащили к доту. В этот мо-

мент дальняя бойница вдруг ожила. Вокруг разведчиков густо забили снежные гейзеры. Нужна была секунда, чтобы подавить пулемёт, а её-то как раз и не было, и тогда сержант подпрыгнул, уцепился за козырёк и повис перед амбразурой: видно было, как выстрелы рвут и вращают тело.

* * *

– Не спеши ты их хоронить, – сказал комкор и выслушал гнусавый ответ в трубке. – А у меня другой приказ! Всё, (пик) связи.

Он сунул видеофон в карман и повернулся к Васину.

– Какой-то (пик) распорядился запаять гробы, а тут радиограмма: к нам летит сам консул. Сверхскоростной ракетой. Желает лично вручить награды за полюс. В том числе и мёртвым. В цинковый гроб он же не полезет, как думаешь?

Они стояли в первой шеренге на продуваемом ветром космодроме. Остатки корпуса вывели в тыл и выстроили у главной посадочной площадки. Вдали разгружалось и сразу же следовало на фронт пополнение. Теперь, когда дело шло к победе, недостатка в командирах на Земле Мальтуса не было – одних фельдмаршалов полковник Васин насчитал семь.

Естественно, случались некоторые конфликты между приказами.

В зените возникла яркая точка и начала снижаться, постепенно обретая черты курьерской ракеты. Когда сияние тормозных двигателей стало нестерпимым, Васин зажмурился. Кожей лица он чувствовал нарастающий жар. Тот достиг пика и начал спадать. Васин открыл глаза и обнаружил, что их шеренга уже не первая. Впереди стоял ряд генералов. Многих из них Васин знал по прежнему месту службы. Генералы имели бравый вид и многомного звёздочек. Фельдмаршалы торопливо раскатывали перед ракетой пурпурный коврик.

«Ура! Ура! Ура!» – закричали вдруг. На трапе возник невысокий щуплый человек, похожий на консула. Резво спорхнул на ковровую дорожку. Фельдмаршалы тут же обступили его и, перебивая друг друга, отдали рапорт. Консул слушал их тарактенье, благосклонно кивая. Тем временем в проёме люка появились адъютанты, согнутые под тяжестью огромного короба, похожего на обитый бархатом снарядный ящик к импульсной гаубице. Адъютанты едва одолели с ним трап. Консул жестом приказал открыть ящик, выбрал из него семь блистающих бриллиантами звёзд («Орден Метагалактики», – сглотнул комкор рядом с Васиным) и вручил их фельдмаршалам. Засверкали фотовспышки.

– Служим Фиолетовым! – гаркнули фельдмаршалы дружно.

Затем консул не спеша обошёл строй. Остановливался перед каждым в первой шеренге, расспрашивал о чём-то, шутил или печально хмурил лоб, а в итоге доставал из бархатного сундука награду и вручал собеседнику. Комкор жадно следил за процессией и комментировал, почти не шевеля губами:

– Метагалактика закончилась. Орден Галактики... больше нет. Орден Шарового Скопления первой степени... всё. Солнце с дубовыми листьями... кончилось.

«Кончился, кончилась, кончилось...» – нудно, точно плохой школьник, спрягал генерал. У полковника Васина заломило виски.

– Ну, кажется, никого не обидел, – улыбнулся консул.

– Ха! Ха! Ха! – ответила первая шеренга.

– Рано обрадовались, – сказал консул, и лицо его сделалось скорбным. – Мы не должны забывать и тех, кого больше нет с нами. Я понимаю, это слабое утешение близким, но... У меня осталась медаль. Кто из павших достоин, по-вашему? А? А?

В наступившей вдруг мёртвой тишине полковник Васин услышал свой голос.

– Сержант Помидоров.

Внезапно консул оказался нос к носу с Васиним.

– Очень хорошо, – сказал он негромко и распорядился поверх голов, точно обращаясь ко всем сразу и ни к кому лично: – Внесите героя-сержанта Помидорова.

Полковой оркестр грянул траурный марш, и четверо санитаров с чёрными повязками вынесли на плац носилки. Консул склонился над накрытым фиолетовым полотнищем телом. Откинул ткань с лица сержанта и замер, давая возможность журналистам зафиксировать свою печаль. Лицо Помидорова было искажено предсмертной болью, а на губах, казалось Васину, навсегда застыло слово «(пик)». Консул щёлкнул пальцами.

Адъютант проворно достал шприц, наполнил его жидкостью из белой ампулы и ловко воткнул иглу в руку сержанта. Васин не верил своим глазам: черты лица погибшего разглаживались, кожа розовела, рана на губе затягивалась... и вдруг сержант раскрыл глаза и сел.

– (Пик)! – выдохнул сержант.

Обведя взглядом обступивших его высших чинов, он вскочил. Встал «смирно», одновременно ухитряясь прикрыть ладонями изорванную и окровавленную форму. Потом он увидел Васина.

– Как?! – сказал сержант. – Вас... тоже? Значит, мы не взяли дот?!

Руки его опустились. Васин молчал, не зная, что ответить.

– Успокойтесь, – сказал консул, отечески касаясь плеча сержанта. – Вы, бесспорно, герой, но это не Вальхалла. Все, кого вы видите – живы.

– А я? – спросил сержант.

– А вас решено наградить посмертно.

– А-а, – сказал разведчик, и лицо его приобрело уже привычное Васину насмешливое выражение. – Слышал про такое, но не видал. Ну, награждайте.

Консул вручил ему коробочку с медалью. Сержант кивнул.

– Ничего не хотите сказать? – спросил консул иронично.

Помидоров кратко глянул на него, и консул поперхнулся. Сержант обвёл глазами новообретенных соратников по подвигу, и каждый из них почему-то тут же опускал голову. Наконец взгляд сержанта остановился на Васине.

– Спасибо, полковник, – сказал Помидоров. – Давно хотел побывать на этом чёртовом полюсе... ребята даже Амундсеном дразнили. Не верили, что доведётся. Без вас и не довелось бы, наверное... Возьмите.

Он протянул Васину медаль.

Васин машинально взял награду. Потом опомнился.

– А вы?

– Мне она без нужды, – ответил сержант просто, и в тот же момент адъютант со всего размаху вонзил ему в спину другой шприц. Сержант покачнулся. «Прощайте, братцы!» – прохрипел он. Разведчики из задней шеренги ответили нестройным гулом. Лицо сержанта посерело, застыло; зажившая была губа лопнула.

Сержант Помидоров был снова мёртв.

Консул отступил, чтобы не испачкать туфли.

– Что вы сделали?! – выкрикнул Васин ему в лицо.

– А что такого, офицер? – задрал брови консул. – Награду вручили, пенсию семье назначим, не бойся. Что мы ещё должны?

Васин беспомощно оглянулся. Все смотрели на него, как на сумасшедшего. Кто-то потянул его за рукав. Комкор.

– Это обычная практика награждения посмертно, – шептал генерал, искусно не разжимая губ. – Стань в строй. Не ломай себе карьеру.

Васин аккуратно отцепил его пальцы от рукава и побрёл, куда глядели глаза; чувствуя себя героем истории, где всё, начиная с планетоида из редчайшего металла – абсурд. «В мире всё – абсурд, – думал Васин. – Лишь смерть – всерьёз. Вот дерьмо!»

* * *

– Вы узнаете его из тысячи! – закричали вдруг рядом, и Васин обнаружил себя в окружении корреспондентов, аккредитованных на Земле Мальтуса, перед огромным экраном, на котором была какая-то земная площадь, под завязку забитая народом. Телемост. Увидев, что Васин заметил её, толпа на площади загудела и зааплодировала.

– Скажите им что-нибудь! – к лицу Васина тянулись десятки микрофонов.

– Что? – сказал Васин тупо.

– Что угодно. Хоть пойте. Сейчас любое ваше слово вызовет энтузиазм публики, а военная форма сделает вас модным и среди интеллектуалов. Жаль, вы без ружья. Человек с ружьём – абсолютный кумир зрительских масс.

Васин откашлялся.

– Мимо острова плывёт... – начал он. –

Мимо острова плывёт

Белый-белый пароход.

А на острове живёт

Цапля...

Финал его речи утонул в аплодисментах.

Васин протолкался сквозь корреспондентов и двинулся дальше.

«Лишь смерть – всерьёз, – продолжал лихорадочно думать он. – Нет, не может быть. Должно быть что-то ещё... что-то противостоящее ей. Что?!»

В кармане полушубка звякнул мобильник. Сдвинув вбок простреленную ушанку, Васин прижал его к уху.

– Алло, дорогой, – сказала жена. – Говорят, у вас была война, да? Кто победил?

– Была война, – сказал Васин. – А победила тишина. Я скоро вернусь... зайка моя.

АРТЕМ БЕЛОГЛАЗОВ

МАГ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА

ОН БЫЛ ВЫСОК, ХУДОЩАВ И НЕВОЗМУТИМ. В СВОЕМ черном, отороченном белой каймой плаще и украшенном галунами камзоле с ослепительно блестящим рядом пуговиц он казался персонажем из театра теней. Движения его были скупы и отточены; никогда он не позволял себе ту беспокойную нервозность, которая часто появляется в вынужденной спешке или, наоборот, в долгом ожидании.

Также он никогда не повышал голос, этого не требовалось: всякий, слышавший о сире Андре, с трепетом и почтением внимал его речам, боясь вызвать неудовольствие или, упаси небо, прогневить мага сиятельного графа де Витт.

Как известно, маги специализируются в разных областях, больших и малых, ведомых простым людям и тайных. Есть среди них фундаменталы-теоретики, что сидят день-деньской в собственных башнях, выбираясь лишь на симпозиумы, или, если не бегут мирской жизни, занимаются преподаванием в коллегиях и университетах, где строго и безжалостно вдальбливают в безалаберных студентов премудрости волшебной науки. Есть маги практики: исследователи и экспериментаторы. Есть те, кто весьма слабо преуспев в магических дисциплинах, подается в ремесленники — вроде обычных горшечников, бондарей или кожевников — и, продавая волшебство, кому за медяки, а кому и за весомое золото, живет, казалось бы, припеваючи, выплакивая собственное бессилие по ночам одной только подушке, когда рядом нет ни жены, ни детей. Есть и подлинники мастера. Такие не служат никому, если не связаны клятвой или долговым обязательством.

Андре был практикующим магом редкой, забытой уже специализации. О ней вам с удовольствием поведает пышная матрона и крикливая базарная торговка, седовласый отец семейства и бродячий музыкант, шляющийся по ярмаркам в поисках заработка. И они же — рассмеются в лицо, по крайней мере, торговка и бродяжка, если вы спросите, верят ли они в то, что рассказывают.

То, что хорошо для легенд и преданий, какие приятно вспомнить длинным ненастным вечером, когда в печи, исходя жаром, трещат березовые поленья, когда за окном беснуется ветер и льет дождь, но сквозь плотно затворенные ставни не проникает ни звука, и можно, сидя в тепле и спокойствии, не думать о непогоде на дворе, а рассуждать на отвлеченные темы — о героях и великих битвах, о чудовищах и отъявленных злодеях, о дальних странах, где будто бы живут трехногие безголовые люди, о морских путешествиях и сопряженном с ними риске... В общем, обо всем том, что не здесь и не сейчас. И избави Зиждитель, чтобы когда-нибудь надежное похороненное в ворохе сказаний прошлое обернулось вдруг буднями. Нашими серыми, непримечательными буднями.

Бесконечным страшным подвигом, когда герой — ты! Великая битва ждет тебя! Чудовища и злодеи встречаются на каждом шагу, а трехногих и безголовых из дальних стран ты видел лично еще в позапрошлом путешествии.

О своих умениях Андре предпочитал помалкивать. Те же, кто волей случая знал о них или догадывался, не могли уже спокойно относиться ни к какому, пусть даже самым явным побасенкам. А вдруг — о небо! вдруг! — и это окажется правдой?

Сир Андре был магом боевой персонификации.

Джехангир-ага встречал свою пятьдесят первую весну в седле. Великий тенгиз, перед которым склонили колени и юг и восток, направил тумен во главе с нойоном Гунджи на закат, к Морю Тьмы в диких и неизведанных землях.

Мудр тенгиз, не любит лишней крови — родной крови! Мало ли что шепчут, мало ли где, но... Скачи, Гунджи, завоевывай во славу Повелителя вселенной страны и народы, неси кочевой порядок. Хочешь — стань новым солнцем. Но, заклинаю, Гунджи, не лезь, не суйся — да проклянет ослушника небо! — в дела империи, думать забудь о следующем курултае, тайных переговорах и верных сподвижниках.

Нойон забыл и не думал, а кто в здравом рассудке желает отвесть угрюмую ласку плети и — рассветом позже — быть разодранным четырьмя молодыми кобылицами? Слушаю и повинуюсь, почтительно отвечал он и, покорный воле господина — да умножатся его годы, — не допуская ни в чем промедления, начал готовиться к походу.

Лучше сразу аркан на шею, говорили старики и плевались, едва заслышав о долгой дороге на запад.

Выжившие из ума пугливые тарбаганы, прилюдно усмехался нойон. Выбора у него не было.

К весне значительно поредевшее войско достигло обрывистых берегов, за спиной — вплотную — высились горы, привычный сухой воздух давно сменился гнилостной хлябью, а родная степь осталась в далеких мечтах, снах и тяжком молчании на привале. Взятый в проводники местный, худой как жердина арат, урод уродом — колченогий, горбатый, с шестью пальцами на руках, клялся провести к узкому — уже горлышка кувшина! — проливу, за которым... Тут пастух закатывал глаза, и речь его делалась совершенно невнятной.

На седьмой день, пройдя вытянутый трехпалым когтем саджи полуостров, конница споткнулась о раскинувшиеся до горизонта и отливающие медью воды. Пастух взвыл от ужаса и замолк навсегда: бледная голова покатилась по гальке. Нойон мрачно смотрел на волны.

Разменивать силу Джехангира-аги на эту «никчемную лужу»? И потом, встретив врага... что?! В тумене осталось три тысячи воинов. Хвала небу, зрившему за детьми своими, пусть не пристально, вполглаза. Пусть. Три тысячи — не две, и не одна. И не кучка испуганных оборванцев. Всё могло быть гораздо хуже.

Путь на закат проклят от века; сюда, где рогатый дракон Хо каждодневно глотает солнце, а змея Шу скользит меж пенными гребнями, охраняя покой мертвых, вход живым заказан. Только безумцы или герои... Нойон не был ни тем, ни другим. «Никчемная лужа», красноватое, будто от пролитой крови, Море Тьмы, ворочалось беспокойным младенцем, ярилось — при стихшем ветре, вздымало тугие валы, с грохотом рассыпая соленые брызги.

Младенцу не сиделось на кошме, младенец тянулся к замершим на берегу людям. Агукал, требуя жертву. Прибой захлестывал обезглавленное тело, утаскивая на глубину.

Зовите, наконец скрипнул зубами Гунджи. Ведь выбора у него...

Голем получился замечательный, а ничего иного — как бы ни злословили горожане, браня выскочек и недоучек вроде аптекаря, пушкаря и фортификатора — и быть не могло. Андре подмигнул соскочившему с мраморной тумбы льву и вновь посуровел взглядом. Лев зевнул, широко открыв пасть, встряхнулся и, издав звучный рык, распростерся у ног мастера в ожидании приказа. Окрас зверя, пятнистый, черного и белого цветов, в точности повторял расцветку пьедестала.

Маг «повел» ожившее изваяние, сливаясь с ним чувствами и мыслями. Начиная с простых, животных: хочется есть, и заканчивая собственными, человеческими: взмыленная лошадь гонца... резкий вопросительный прищур графа... бестолковая суeta прислуги. Прознав о недобрых вестях, сервенты заматались по замку, будто шныряющие в подвале крысы.

И — аудиенция у его сиятельства. Скупые фразы бьют навывлет, в куски разнося панцирь хладнокровия.

Кавалерия. Не рейтары, не драгуны, не кирасиры. Непонятно кто. Пять полков. Навскидку. Может, больше. Огнестрельного вооружения не имеют. Луки, копыя, сабли. Одежда... странная. Весьма. Идут широким облавным фронтом. Осадных и метательных орудий у врага нет: ни таранов, ни воронов, ни фашинов, не говоря уже о баллистах и пушках. Но рубежные крепости пали одна за другой. Приграничные поселения уничтожены. Два-три дня, и всадники станут лагерем у стен. Замок не готов к осаде. В гарнизоне триста человек, боеприпасов в обрез, провиант не доставляется, теперь ясно — почему. Городское ополчение? Да какое там ополчение! От комедиантов пользы больше, чем от этих снулых буржуа. Пока известие дойдет до короля, пока регулярные войска двинутся на подмогу... И еще — враг убивает женщин, стариков и детей; молодые и крепкие мужчины присоединяются к захватчикам. Словно опоили их чем-то, словно...

Двадцать пять лет — достаточный срок, чтобы забыть и не верить. Чтобы забыть и не бояться хватит и десяти зим. Маг скривился, дернул щекой. Но кто дерзнет перечить Сигиa Магус?

По лицу Антуана, темному, будто высеченному из базальта, пробежали трещины.

Андре, я даю вам официальное разрешение. С подписью и печатью.

На высшую степень?

Граф слепо усталился в окно, цветной витраж полыхал багрянцем.

Степень? — с нажимом повторил маг.

Море на витраже отблескивало медью; медью гудели колокола на башнях; от кислого привкуса меди во рту сводило скулы.

По обстоятельствам... — Граф перекладывал ответственность, и маг понимал терзания Антуана.

Значит, если артиллерия не справится, если доблесть защитников, валы и рвы, частокол и камень не остановят нападающих, будем действовать по ситуации. А действия настоящего боевого мага — не грошовая алхимия, не куцый набор служебных заклинаний выпускника батальной кафедры и не мнимые чудеса иллюзиониста. И уж тем более не доморощенное колдовство умельцев-самоучек. Это настолько серьезно, что после Готфридова побоища в Лотарингии, где обе враждующие стороны потеряли убитыми и ранеными до четверти миллиона человек, Базельский собор очередным эдиктом наложил на таковые деяния бессрочный мораторий, и Чаровные приказы уже четверть века тщательно следят за его исполнением.

Отвлечись, маг перестал «вести» льва, и тот оцепенел, грузно осев на траву. Маг нахмурился: квалификация без должной тренировки падает, из разряда навыков и умений переходя в обычное знание. Сосредоточься, Андре.

Он стоял на двух ногах и четырех лапах, глядел четырьмя глазами и нервно подергивал хвостом.

Общим. Одним на двоих.

Джехангир-ага служил нойону не за страх, а за совесть: много вёсен назад, когда еще большой той не провозгласил старшего из рода Гунджи тенгизом, юный брат Повелителя вселенной спас шамана от гнева... Впрочем, Джехангир-ага предпочитал думать о насущном. Прошлое — блёклая тень, будущего — нет. Но у колдуна всё же имелись некоторые сомнения насчет грядущего, недостижимого и далёкого. Потому что земли, лежащие за Морем Тьмы... вернее, те земли, где очутились нойон и воины его улуса, когда стараниями шамана преодолели злые бурные воды по призрачному мосту в мире духов...

Сомнения Джехангир-ага держал при себе и отбросил без сожаления, едва лишь дозорный отряд разграбил и сжег первый встреченный по дороге юрт, с легкостью перебив не успевших облачиться в тяжелые доспехи неповоротливых всадников. Однако сомнения возвратились и вновь завладели душой колдуна: тьмоморцам был ведом порох и огненное оружие, с каким армия тенгиза столкнулась при завоевании царства Цзинь. Тьмоморцы использовали хитроумные машины и возводили искусные укрепления. Пленные же смотрели на завоевателей, как... на дикарей. Недолго.

Шаман трясся в седле, перебирая бусины сомнений. Любовался формой и цветом, выискивал огрехи, откидывая негодные зерна. Колебания не терзали его: местные жители могли быть сколь угодно храбрыми и умелыми воинами, могли оказаться потомками чжуржэнов из царства Цзинь, могли поклоняться не высокому небу, а своим выдуманным божкам, какая разница? Джехангир-ага не чуял здесь ни капли подлинной волшбы. А значит, чужеземцы обречены.

Кости ныли, моля о покое, и шаман сбавил ход. Мимо — отряд за отрядом — скакали новообращенные степняки. Хей-я! — отсалютовал колдуну

бородатый и белокожий юзбаша. Хей-я-а! — подхватили остальные. Джехангир-ага махнул им рукой и замер, следя за выющимся в клубах пыли бунчуком нойона: под прядями конских волос колыхалось узкое и длинное полотно с разинувшим пасть...

Хей-я-а! Хей! — Бородатые и белокожие всё не кончались, и шаман довольно улыбнулся: скоро они по праву станут называться туменом.

Маг весьма редко применял свое грозное искусство, а уж наивысшую ступень — ни разу: не возникало необходимости. И запрет, запрет курии висел над головой мифическим мечом. Однако теперь, когда враг у порога — больше, много больше пяти кавалерийских полков — и готовится к приступу... Когда город в страхе и трепете молится на рыцарей графа, крепость стен и ругаемых почем зря магистров батальной кафедры — пушкаря и фортификатора... Когда сам граф — ни кровинки на лице — говорит, а кажется, что умоляет: мессир, ваш долг...

Андре не нужны слова. Он коротко кивает: это его честь. Голос мага тверд и решителен.

Ужель он — здесь и сейчас — не оборонит, не убережет замок? Город? Людей?

Неужто допустит — здесь и сейчас, — чтобы в начале нового столетия, когда расцветают науки и искусства, страна скатилась к дикости и варварству прежних веков?

Разве позволит беде войти в двери? И хлынуть дальше подобно моровой язве? Тьма непроглядная! Если это случится, то Готфридово побоище сочтут детской забавой. Те, кто выживет. Выживут ли? Враг убивает женщин, стариков и детей; молодые здоровые мужчины присоединяются к захватчикам.

О небо! Направь и упрочи руку мою, дух мой и помыслы.

Он напрягся и ощутил тяжелую глыбу крепости, двор и хозяйственные постройки, каждого человека в ней, начиная с графа и заканчивая менестрелем, собак на псарне, почтовых голубей и множество крыс в подвалах. Дома, базарчики и улицы города остались вовне. Начнем с малого — големов. Каменные изваяния, зарывав, прыгнули наземь; вздыбился булыжник — строим грубых истуканов; тянут корявые длани голиафы-деревья... Химеры дались сложнее. Основную часть составили крысы, а когда серых бестий не хватило, пришлось позаимствовать толику живности у почтенных обывателей. У кого свинью, а у кого и верхового коня. Даже уткам нашлось место.

Бросив визжащую армаду в горнило сражения, мастер утер вспотевший лоб: пальцы предательски дрожали. На щеках пунцовел румянец, вены набрякли, галуны камзола растрепались. Винтовая лестница, ведущая наверх, казалось, уже истомилась в ожидании, и ступени чутко вслушивались: не идет ли кто? Ну? Скорее!

Приведа себя в порядок, сир Андре, маг боевой персонификации, коннетабль графа, немолодой и неулыбчивый, вышел на донжон.

Шаман умел признавать ошибки, оттого и прожил полвека. И рассчитывал жить еще и еще. Ни капли подлинной волшбы? О мудрый нойон, не вели казнить!.. Не распознал, не различил вовремя, кругом виноват перед то-

бой старый Джехангир! Но суди по справедливости, нойон, — разве я подводил тебя? Разве не сопутствовала тебе удача в походах? Разве не брал ты золото и пленников, сколько хотел?

Клянусь, так будет и на этот раз! Духи благоволят тебе, нойон. Я слышу их радостный смех, я вижу... знаю!

Мы утопим чужаков в их собственной крови! Пусть захлебнутся, шакалы.

Хорошо, бросил Гунджи, у которого не оставалось другого выбора.

С полотнища под бунчуком скалился рогатый дракон Хо, владыка мертвых, повелитель загробного мира, чей гребень пронзает твердь небес, а взмах могучих крыльев рождает ураганы и бури.

Пожиратель луны и солнца одобрял выбор нойона.

Замок был окружен конной лавой. Номады, из Азии или иных восточных земель, решил Андре и уже не думал о необычности появления степняков здесь, в Европе: он еле успевал раздавать приказы. Големы и слепленные из подвернувшейся под руку живности химеры — вот собака с крыльями и раздвоенными копытами, вот боров с кублом змей на загривке — рвали несметное войско. Солнце клонилось к западу, вычерчивая на земле длинные фантасмагорические тени. Бой продолжался.

И... кажется, враг наконец дрогнул? Отступил? Нет! Раздавшиеся по сторонам группы всадников — и люди, и их низкорослые мохнатые лошади — поодиночке и вместе принимают звериное обличье. Твари до того ужасны, что маг, дрогнув, теряет связующие нити. Челнок рассудка уже не скользит по основе магического уподобления: химеры и големы пятятся под натиском орды. С небес летит, обрушиваясь тараном, хищный клёкот — стаи беркутов пикируют на сотворенных по науке сира Андре созданий, и те окончательно обращаются в бегство.

Кошмарные полчища настигают беглецов и... с легкостью вобрав в себя! присоединив! — как часть к целому — набрасываются на частокол. Преодолев валы и рвы, штурмуют стены.

Андре потрясен и обескуражен. Так значит, молодые сильные мужчины... и боевые големы, и химеры, и... Сверху льется густой обжигающий вар, летят камни и стрелы; разрываются ручные гранаты. Самых резвых ублюдков, карабкающихся на парашют, встречают бойцы гарнизона. Дикая волна, поредевшая, помятая, откатывается назад, сдает позиции — чтобы вернуться заново: неистовым прибоем.

Медные сполохи в глазах; надрывается медь колоколов; кровь из прокушенной губы отдает медью.

Андре не обойдется третьей ступенью, не решится взять управление гарнизоном и — если понадобится — иными горожанами; рыцарь-исполнин не сразит зубастую стаю. Задавят числом, сожрут в мгновение ока. Колосс рухнет, охотник превратится в добычу, а затем — и в жертву, едва подкосятся его глиняные ноги. Только высшая ступень, только обьяв всё и вся...

Орда, наводнившая поле, растеклась грязной лужей; прибоем медлил. И вдруг взорвался бурной круговертью, складываясь чертами гигантской фи-

гуры. Третья... — с облегчением понял маг, недозволенная четвертая, вышшая, ступень вне родных земель им не под силу.

А ты? В силах ли ты? — глядя, как встает напротив небывалое чудовище, спросил себя. Пот струился по лбу, заливая глаза; шатаясь от безумного напряжения, маг смотрел. Смотрел...

...увенчанная костяным гребнем морда — выше донжона, шесть лап — шесть вывороченных с корнями деревьев, крылья хлопают парусами на ветру, торс размером с гору, а каждый коготь — с протазан.

Забыли? Не помните?! — кричал маг остолбеневшим в ужасе рыцарям. А ведь когда-то... Обыденная, как солнце в небе? Нож наточить, телегу починить? Чудес не бывает, чудесам не обучают в университетах? Правильно, так и есть. Двадцать пять лет назад эдиктом Cugia Magus запретили и низвели до балагана, расплодив неучей. И что? Что теперь?!

Напрасно канониры горбятся у бойниц, напрасно содрогаются стволы пушек, и дым выстрелов застилает облака. Впустую. Тщета и суета сует. Монстр неуязвим: раны затягиваются на глазах, вырванные куски плоти обрастают тварями поменьше и вновь сливаются с общим телом.

Сотрясая землю, Он движется к крепости. Замахивается... и, даже не перешагнув палисад, проламывает фас бастиона.

Осадные орудия?! Маг зло усмехается. Ярость клокочет в сердце: требует выхода.

Ты же мечтал — втайне! — о героях и битвах? Надеялся, что когда-нибудь... и тихо ненавидел монотонность будней. Примерял на себя былые подвиги, думал о славе, которую уже не снискать? Костерил шепотом Базельский собор и злосчастный указ? Так получай! Сразу. Сполна.

Не трехногих и безголовых, нет — пострашнее. Ну, справишься?!

У тебя официальное разрешение. С подписью и печатью. И не надо бояться расследования: обстоятельства таковы, что любой дозначик Чаровного приказа сочтет их более чем убедительными. Не стоит печалиться и о тайных происках доброхотов — доброхоты непременно найдутся, пусть их: его сиятельство граф Антуан замолвит словечко. Но потянешь ли ты высшую ступень?

Ты!

Здесь и сейчас.

Он воздвигся навстречу противнику всей громадой замка, его стенами и башнями, зубцами и бойницами, камнями кладки и окованными железом воротами, а главное — людьми: рыцарями и сонными горожанами, горластыми лавочниками и ярмарочными комедиантами, трактирщиками и бродяжьем отребьем. Каждой шавкой и шлюхой, цветком и травинкой, мелкой пичугой и ее гнездом в кроне старого вяза.

Родной землей.

Тем кровом и очагом, что вовек недоступны захватчикам.

Маг «вел» пробудившийся город, сливаясь с ним чувствами и мыслями. Начиная с простых, обыденных: выклянчить у жены несколько су на выпивку, подоить корову, спрятать в погребе щегольские туфли с пряжками, а по-

том, после осады... — и заканчивая собственными, никакими. В голове было пусто; по спине полз неприятный холодок; ступни и ладони жгло, точно он угодил в заросли крапивы. Отчаянно хотелось пить. Эдикт Базельского собора казался сущим пустяком по сравнению с неподъемной ношей луга, и перелеска, и далекой реки, и уж, конечно, с раздиравшими мага интересами и стремлениями тысяч людей, которые упрямо не желали подчиняться.

Кто заливал горе вином, кто перевязывал раны тряпками, у кого-то болел выбитый зуб. А какая-то сволочь, и не одна, — мучилась с похмелья.

Бесконечный страшный подвиг? Когда герой — ты? Великая битва ждет — тебя? Чудовище — о небо! как вы похожи! — готовится рвать и крушить, а злодеи и отъявленные интриганы остались только в *Curia Magus*. Эдикты сочиняют, чтоб их!

Андре стиснул зубы и шагнул вперед, с хрустом вминая в землю колья палисада.

МИХАЙЛО "ЗІРА" ЗІПУНОВ

РОЗВІДКА БОЄМ

ЗУПИНКУ В САРНАХ НЕ МОЖНА БУЛО НАЗВАТИ ТРИВА-
лою навіть за наявності великої фантазії. Юволт з Міхою тільки й
встигли ступити на перон, а поїзд «Київ-Берлін» вже здригнувся,
як, буває, здригається людина, що на мить задрімала. Спочатку не-
охоче, ледве ворущачи колесами, проповз вагон, що вони його
тільки-но залишили. Наступний рухався помітно швидше, і не-
вдовзі поїзд вже продовжував свій жвавий біг на захід, повністю забувши за-
лишених у Сарнах пасажирів.

— Пішли, подивимось... — сказала Міха, вказуючи на будинок вокзалу.

Уважне вивчення розкладу поставило молодих людей перед дилемою —
або кілька годин чекати найближчої електрички до Антонівки, або ж спро-
бувати щастя на автовокзалі. Озвучивши ці варіанти, Міха запитально по-
дивилась на Юва. Той кивнув і, зрозумівши одне одного без слів, вони по-
прямували на автовокзал.

Невеличка прогулянка Сарнами пройшла без особливих пригод.

— Юв, — посміхнулась Міха. — На нас дивляться як на іноземців.

— Як мінімум, — відповів той. — Скоріше — як на інопланетян!

Певною мірою це відповідало дійсності. Час від часу хто-небудь з перехо-
жих кидав зацікавлений погляд на парочку, що йшла вулицею, інтуїтивно
відчуваючи їхню чужість маленькому містечку. З іншого боку й Міха з
Ювом якихось спроб замаскуватись не робили та лише усміхались у
відповідь на здивовані погляди місцевих.

Після того як аборигени відкрили Страшну Таємницю — місцезнаход-
ження найближчої зупинки маршруток — пересування містом значно при-
швидшилось.

Розклад руху на автовокзалі виявився налаштованим до них більш доб-
розичливо — маршрутки через Антонівку ходили досить регулярно. Випив-
ши по каві у привокзальному генделіку, Міха та Юв зайняли стратегічну
позицію, відслідковуючи маршрутки, що проїздили повз...

* * *

— Міха, це все, звичайно, чудово й само по собі — легко і несподівано
підірватись та й повалити туди, сам не зовсім знаю куди. Та все ж таки, чого
це тебе раптом пробило на вузькоколіїці покататись? — спитав Юв, коли во-
ни вже під'їжджали до Антонівки.

— Та це мені один знайомий розповідав, як він їздив. Це ж найстаріша з
діючих вузькоколіїнок в Україні. Ще й проходить по такій глухомані! Відчу-
ваєш себе першовідкривачем незвіданих земель. Або мандрівником у часі.

— Мандрівником у часі? — насторожено перепитав Юв.

— Та да. Ніби у минуле потрапляєш. Причому, як мінімум у початок 20 сторіччя! Єдине свідчення цивілізації — ось ця сама вузькоколія... От, як мені розповіли, то я й загорілась проїхатися цим маршрутом. Та ось вже кілька років ніяк вирватися не могла — то робота, то ще щось...

А... Зрозуміло... — з полегшенням зітхнув Юв. Не подобались йому розмови про подорожі у часі.

Антонівка, патріархальну тишу якої ненадовго порушила своєю появою маршрутка, виявилась селищем середньої вбитості. Через весну — місцями навіть мило. Природа і всяке таке. Травка зеленіє, сонечко всіляко намагається блищати.

Нечисленні люди зі ще більшою підозрою проводжали поглядом явно неутешно парочку від зупинки й до будинку вокзалу.

Fuck! — коротко висловила Міха спільну думку, переводячи погляд із розкладу руху на мобільник. — Здається ми трохи спізнились...

— Угу. Всього на півдня... Абидна.

Прикрим було те, що, як виявилось, «кукушка» виїжджає з Антонівки о 7.10 ранку. І лише — один раз на добу. Відповідно, найближчий рейс — завтра вранці. Ночівля в Антонівці жодним чином не входила у плани молодих людей — завтра в понеділок і Міха і Юв мали бути в Києві на роботі.

— Добре, — перервав тяжку мовчанку Юв. — Пішли хоч погуляємо вузькоколією. Не даремно ж їхали, врешті решт! А на «кукушці» іншим разом покатаємось.

— Пішли, — погодилася Міха.

— М-дя... нас однозначно приймають за інопланетян, — посміхнувся Юв, киваючи на жителів Антонівки: малочислених, але пильних. — Діставай свій фотік. Вдамо із себе безневинних туристів-японців.

— Точно! — розсміялась Міха, переводячи фотоапарат у бойову позицію.

— О! А прикинь, типу, ми — розвідники, а до Антонівки нас відправили, тому що тут відбулась висадка інопланетного десанту. А інопланетяни ці вміють ілюзію наводити... ну, або метаморфи якісь, і при наближенні чужаків вони приймають образ земних жителів...

— Ага! Правда... — усміхнулась Міха. — Диви як на нас усі підозріло очима косять... То контррозвідка їхня... Так... продовжуємо прикидатись японськими туристами і фоткаємо секретні об'єкти! Доки вони не допетрали, що ми шпіїни.

— Он диви! Бачиш, білий кінь на траві лежить? Це точно якийсь інопланетянин! Він же тільки вдає з себе коня! До того ж — дуже невдало! Фоткай його, фоткай! Ну, не буває на землі таких коней — надто в нього вираз обличчя задумливий...

— Точно! Все — я його сфоткала. Але підходити ближче не будемо — аби не сполохати...

— А ось там диви, які руїни... Точняк тут нехилі бої йшли! У місцевих, напевно, кулемети в унівських схронах з війни лишились — і вони відбивались від інопланетного вторгнення...

Молоді люди ще якийсь час пустували так, граючись у «розвідників» — фоткали секретні об'єкти. Тобто, Міха — фоткала, а Юв намагався особливо не маячити перед об'єктивом. Старанно фотодокументували всю основну секретну інфу даного населеного пункту: вузькоколіїку, вагони вузькоколіїки, розклад руху вузькоколіїки, ну і для прикриття — себе на тлі місцевих пейзажів...

«Аборигени», здавалось, також увійшли в азарт, виконуючи відведену їм роль «інопланетного десанту», і все з більшою й більшою підозрою поглядали з-за своїх парканів на Міху та Юва.

...І тільки коли двоє молодих людей, вдосталь повеселившись, повернулись на зупинку й зникли в маршрутці у напрямку Рівного, щоби вже ввечері сісти на потяг до Києва, Антонівка почала змінюватись...

Мальовничі руїни будівлі обернулись на космічний корабель, що трохи покосився. Фігури хлопчиків, які довго й завзято пускали кораблик у брудній калюжі, почали ніби оплавлятись. Начебто з них змили нанесений до того грим. І ось вже троє невисоких хоббіто-подібних гуманоїдів задумливо дивляться у напрямку маршрутки, що зникала вдалині...

— Навіть не знаю, колого... — нарешті вимовила одна з інопланетянок. — Неймовірно, але, здається, ваш план спрацював. Ми не виказали себе передчасно! Слід обов'язково доповісти на базу — населення цієї планети дуже чутливо до наведених ілюзій. І ось що ще, Дзвано, прискорте свою команду лінгвістів. Це вже просто шкідництво якесь! Ми другу добу на планеті, це не враховуючи часу проведеного на орбіті, — й досі практично не орієнтуємося в їхній мові! Ось, наприклад, у цій ситуації — було би дуже корисно знати, про що розмовляли ці двоє. Слава Найпершій, вони ні про що не здогадались — поводили себе цілком природно, як поводять себе всі туристи-японці на цій планеті...

Дзвана кивнула погоджуючись...

* * *

*Служба Спостереження Третього Сектору
Спостерігачу Кравітсу Стоа.
Особисто.
Секретно.*

Виконуючи Ваше завдання, мною була проведена розвідоперація в районі можливої висадки Вулію. Операція була залегендована під туристичну поїздку. З метою підтримання «легенди», в якості супутника мною було використано землянина Юволта. (Незначне гіпнонав'ювання, виключно в межах дозволеного Другою Конвенцією Розумних Другого та Третього Секторів).

Докладаю по суті.

На жаль, наші побоювання підтвердились. Вулій вчинив висадку на підконтрольній нам планеті. В обхід сьомого, восьмого, тринадцятого та

двадцять першого біс параграфів Великої Угоди між Секторами та Вулієм.

Сили Вулію на планеті – мінімальні. Для окупації планети цього явно недостатньо. Або – диверсійний загін (невідомі цілі), або – передова група, яка має підготувати плацдарм для повномасштабного вторгнення.

На місці висадки був також помічений працюючий під прикриттям агент «Білий». Через побоювання розсекретити нашого агента (мій земний супутник і без того приділив «Білому» забагато уваги), ми перекинулися лише кількома телепатами. Коротко: «Білий» опинився на місці висадки за власної ініціативи. Самостійно вирахувавши місце найбільш ймовірної висадки Вулію і скориставшись своєю подібністю до земних тварин виду «коні», він опинився в населеному пункті «Антонівка» за годину до вторгнення. Більш детальну інформацію «Білий» надасть у ваше розпорядження особисто протягом одної стандартної доби.

Думаю, буде доцільним:

— залучення спеціалістів (наших та завербованих місцевих) для подальшого вивчення десанту Вулію;

— приховане стягнення до планети додаткових резервів на випадок позаштатних ситуацій.

Очікую на подальші розпорядження.

Євжестія Ваа.

Оперативний псевдонім – Михайліна.

* * *

Інспектору Хроноконтролю другого рангу

Небийвморду Віандру Мілізаровичу

Оперуповноваженого з 2000-2016 років

Пупкіна Юовлта Васильовича

24.04.2004

Доповідна

(Хроноінспектований відрізок часу: 21–23 квітня, рік 2004)

В ході оперативного розслідування встановлено:

1. Протягом зазначеного відрізка часу хронолінія нашої планети була піддана втручанню Вулію (порівняльний аналіз інспектованого відрізка часу та Еталону додається, Додаток 1).

2. Втручання Вулію призвело до активізації Секторів, яка не відмічена в архівах (порівняльний аналіз інспектованого відрізка часу та Еталону додається, Додаток 2).

3. Втручання, зазначене в першому та другому пунктах, на даний момент мінімальне, і не досягло субпорогового рівня.

4. Виходячи з наявних даних, можна передбачити різке зростання активності Вулію та Секторів вже у найближчий від звітного часу. В такому випадку вся історія розвитку Людства може опинитись під загрозою.

Прошу санкції на активну протидію.

Додатково.

Встановлено нагляд за агентом Секторів в регіоні – *Міхайліною* (вона ж – *Міха*, вона ж – *Євжестія Ваа*). Агент Секторів здійснював розвідування в районі висадки Вулію та мав потребу в земному супутникові. Після невеликого гіпнонавіювання (виключно в межах Всесвітньої Конвенції з прав людини 2137 року) вибір агента Секторів зупинився на мені. Протягом оперативного розслідування мною кілька разів, у досить двозначній формі, висловлювалась думка про можливість вторгнення інопланетян (Вулію) на Землю, але агент *Ваа* на жодному з рівнів ментоскопіювання не продемонстрував, що сприймає мої висловлювання серйозно. З чого можна зробити висновок, що моє гіпно-навіювання пройшло вдало, й агент *Ваа* до сих пір упевнена у тому, що я – землянин з двадцять першого сторіччя, а не з двадцять третього. (Ментознімки агента *Ваа* додаються, Додаток 3). Контакт з агентом *Ваа* буде продовжено.

Під час оперативного розслідування був здійснений гіпноконтакт з вашим особистим агентом на прізвище «Кінь», який знаходився на місці подій. (Дані гіпноконтакту додаються, Додаток 4).

* * *

Агент Секторів «Білий», (він же агент Хроноконтролю «Кінь», він же секретний агент Вулію «Філософ») за допомогою мнемоскопу проглядав перехоплені звіти агентів Секторів та Хроноконтролю – Міхайліни та Юолта відповідно. Було над чим замислитись. Потрійний агент – роль, з якою впорається не кожний. Далеко не кожний. Та чого вже там... подумав Гнгнол усміхаючись, мабуть, у таку гру на Землі тільки я ще й здатен зіграти.

Отже, для початку непогано було би вирішити – чи давати хід звітам агентів Секторів та Хроноконтролю, а якщо й давати, то – чи не виправити в них дещо? А ще – кому і в якій послідовності відправляти власні звіти! От вже задачка, так задачка! Ну, нічого – голова в мене велика, Бог не обділив... Хе-хе-хе... Щось та й вигадаю.

Перш за все, треба розібратись з Вулієм. А то мене вже ця гра в десантників-аматорів починає втомлювати. Ці ідіоти, не дай Боже, ще й справді вирішать повномасштабну окупацію влаштувати... Тут вже задурюванням мізків команді лінгвістів не обійдешся... І без того, бідолашні, намагаються знайти сенс у наданому мною зразку мовлення землян – у цьому жажливому коктейлі з китайської, іврити та староукраїнської...

Якщо Вулій збавить оберти та обмежиться облаштуванням локального спостережного пункту, тоді й з Секторами легше буде порозумітись...

Ну, а якщо Сектори та Вулій не утнуть ніяких розбірок одне з одним, що не зафіксовані в архівах Хроноконтролю, напевно, й ці – з майбутнього – преміальні мені виплатять!

Але.

Це все потім.

А зараз – найголовніше. Звіт основному роботодавцю!

Отже...

Київ, вул. Володимирська 33.

Служба Безпеки України.

Вельмишановний майоре Петренку!

О перших рядках цього послання, агент Гнґннол з роду гуїґнґнмів поспішає повідомити Вам наступні факти, що стосуються дій десанту Вулію, а також розвідок Секторів та Хроноконтролю з ХХІІІ сторіччя, які мали місце бути на території неньки України...

АНДРЕЙ ЖУЙ

ЧАСЫ ОГЮСТЕНА НУАРЕ

СЕГОДНЯ ЧАСЫ ОГЮСТЕНА НУАРЕ ПРАКТИЧЕСКИ позабыты – некоторые полагают, что вполне заслуженно. Этот хитрый механизм давным-давно пережил пик своей популярности и ушел в небытие так же, как канули в безвестность многие другие чудеса технической мысли – шапокляки, карманные райки и автоматические сниматели галош. Однако было бы несправедливым делать вид, будто часов Огюстена Нуаре не существовало вовсе.

Идея такого устройства не могла бы прийти в голову ни одному из профессиональных, пусть и самых одаренных, часовщиков – для этого последние слишком консервативны, размеренны и подвержены традициям. Огюстен Нуаре, механик и изобретатель, напротив, слыл человеком эксцентричным, чудаковатым, *remuant*. Разумеется, ныне многие его творения кажутся наивными, но в свое время они имели изрядный успех. Трамвайная дуга, высекавшая из провода искры всех цветов радуги, чрезвычайно нравилась публике; корабельная кровать с системой противовесов, превращавшей качку в монотонное подергивание в сопровождении стука колес из встроенного фонографа, была незаменима для страдающих от морской болезни; а механическая горничная с каучуковой фигурой вызвала в обществе живой интерес с оттенком легкого скандала.

Замысел курьезных часов родился у Нуаре во время пребывания на водах, где Огюстен поправлял здоровье. Одной из ежедневных процедур, которым подвергались пациенты, было длительное сидение в зале с особой атмосферой после приема внутрь целебных доз минеральной влаги. Деятельному Нуаре было невмоготу пережидать отмерявшееся большими настенными часами время, потребное для усвоения воды. Многим знакомо желание в подобной ситуации: так и хочется подтолкнуть стрелки, чтобы они скакнули вперед! В один из дней Нуаре набросал в блокноте первый чертеж необычного часового механизма: фантазия помогла ему пережить тягучие десятки минут безделья.

Вернувшись к привычной жизни, Нуаре не забыл о затее и погрузился в работу. При всей простоте задумки, воплотить ее в жизнь было нелегко. На первую модель часов изобретатель потратил больше года.

Часы Огюстена Нуаре были напольными, с механизмом, заключенным в башню из добротного красного дерева. Внешне они почти ничем не отличались от обычных собратьев, только имели больше приспособлений на циферблате. Там были часовая, минутная и секундная стрелки, окошко с днем недели, ползунок «день-ночь», указатели дат – с числами и названиями месяцев – и даже лимбы с цифрами, по которым читался год. Особенностью изобретения было то, что мирно шедшие часы вдруг самопроизвольно пере-

скакивали на совершенно иное время, после чего продолжали свое неспешное тиканье. Положение стрелок, колесиков и ползунков менялось в мгновение ока, переход почти невозможно было заметить. Перемены следовали через неравные промежутки, пружина при этом не сбивалась. Огюстен Нуаре утверждал, что все метания часов абсолютно случайны, и их невозможно предугадать.

На первый взгляд, изделие казалось бессмысленным – ненужное в быту, слишком дорогое для шутки. Однако изобретатель объяснял, что все дело в том, как к нему относиться. Привязанность людей к часам, утверждал Нуаре, такая же условность, как и многое прочее. Огромное количество народу пьет чай не затем, что их мучает жажда, а потому, что часы бьют пять. Канонир в крепости производит пушечный выстрел в полдень не из баллистических соображений, а оттого, что стрелки на циферблате сошлись на двенадцати. Следовательно, делал вывод Нуаре, зачастую нам важно не само время, а его символы. Новые часы возводили символическую привязанность в абсолют.

Обзаведшись столь необычными часами, изобретатель принялся упорно соразмерять с ними жизнь в пределах своего дома, не обращая внимания на насмешки окружающих, протесты семьи и жалобы прислуги. По бою часов он вскакивал посреди ночи и принимался за умывание, требуя завтрака; отходил к ночному сну посреди белого дня; выпроваживал только что пришедших к нему приглашенных гостей, утверждая, что они явились слишком загодя или с опозданием на сутки. Нуаре стойчески переносил неудобства, связанные с временной чехардой: случалось, садился за ужин сразу после плотного обеда или объяснялся с полицией, затеяв игру в мяч у дома перед рассветом.

Любого другого сочли бы сумасшедшим, но репутация чудака защищала изобретателя. Более того: затея получила успех, и анекдоты, ходившие об Огюстене по столице, имели результатом несколько заказов на аналогичные часы, поступивших от состоятельных эксцентриков. Нуаре с удовольствием взялся за их выполнение, солидно пополнив свой бюджет деньгами за дорогие игрушки. Вскоре заказы умножились: иметь часы Огюстена Нуаре вошло в моду; многие светские бездельники, львы и аристократы, не связанные строгим распорядком жизни, соблазнились изящным механизмом. Нуаре уже не справлялся с работой самостоятельно – он приобрел мастерскую, где по его чертежам работали нанятые механики. Жена Огюстена перестала досаждать мужу упреками за странности и с удовольствием делилась с другими дамами сведениями о преимуществах, присущих егозливим стрелкам.

Светская столичная жизнь, и без того бурная, с триумфальным входом в нее часов Огюстена Нуаре стала вовсе горячее. Рауты обрывались на полуслове, экипажи сновали по городу днем и ночью, окна в домах хаотически вспыхивали и гасли, однако все это касалось лишь частной стороны существования горожан.

Наконец, одна из газет приобрела часы для редакции, о чем не преминула сообщить читателям. На другое утро мальчишки, как обычно, разнесли

газеты жителям. Через четверть часа те же мальчишки торопливо собрали тираж с крылец и ступеней, выхватывая страницы из пальцев тех горожан, которые успели выглянуть наружу, чтобы взять почту. Вышедший в тот же день экстренный листок содержал извинение: редакционные часы внезапно прыгнули назад, и, следовательно, утренний номер к тому моменту еще не вышел из печати. На ровном месте возник скандал; недовольные были, но их голоса заглушил хохот прочих подписчиков, оценивших шутку. Экстренный листок заучивали почти наизусть; те предприниматели, чья реклама была помещена в нем, расцвели в одночасье и не жалели об уплаченной за нее пятикратной стоимости. Малочисленные не изъятые «несуществующие» утренние номера стали раритетами. Находчивый редактор за неделю утроил тираж.

Так часы Огюстена Нуаре шагнули в народ.

Они стали появляться в клубах, ресторанах и кафе, театрах, магазинах. Горожане словно включились в какую-то лихорадочную лотерею. Спектакли прекращались посреди первого акта, и критики, захлебываясь, превозносили «чудесную недосказанность сценического действия». Съестные лавки закрывались перед носом покупателей, и те отправлялись на поиски дорогих гастрономов, объявлявших о внеурочных предпраздничных скидках. Кварталы с красными фонарями над дверьми перестали стыдливо дожидаться темноты – ночь для них теперь могла начаться в любую минуту.

Жена Огюстена, проявив коммерческую жилку, настояла, чтобы тот внес в часы изменения, позволявшие удешевить конструкцию. Нуаре исполнил это, хотя и без особого удовольствия – занятие не показалось ему творческим; зато теперь часы сделались доступными для среднего класса, и продажи возросли. Отныне все городские мужья могли без страха возвращаться домой под утро – их женам было нечего возразить, если в оправдание приводились показания часов там, откуда явился супруг. Правда, жены не остались в долгу и порой поколачивали своих спутников, пришедших вовремя, если домашние циферблаты свидетельствовали об опоздании.

Последними пали государственные учреждения, банки и вокзалы.

С того момента начались и неприятности, связанные с часами. Возросло число крушений на железных и обычных дорогах. Некоторое время это даже нравилось обывателям – филистеры любят читать о катастрофах в прессе; однако вскоре число жертв стало пугающим. Хозяева то задерживали выплаты работникам, то были вынуждены платить раз за разом, с нетерпением дожидаясь возврата часов, чтобы изъять свои деньги. Несколько отъявленных негодяев были отпущены прямо из зала суда: в двух случаях часы в храме правосудия показали, что преступление еще не было совершено, в остальных – что злоумышленников пора выпускать на свободу за истечением срока заключения или давности.

Отдельные банки постиг крах: крупные вкладчики, которым повезло находиться в здании банка в тот момент, когда местным часам вдруг вздумалось метнуться далеко вперед, не растерялись и потребовали немедленную выплату процентов.

Вскоре катаклизмы, сотрясавшие общество, стали напоминать агонию, и власти вынуждены были вмешаться, запретив использование часов Огюстена Нуаре везде, кроме частных жилищ – контролировать личную жизнь граждан правительство сочло себя не вправе. Все чаще в адрес изобретателя начали раздаваться язвительные и даже гневные выпады. Огюстен тяжело переживал их, так как не считал себя непосредственным виновником бедствий – он никогда не помышлял о создании культа своего непоседливого детища. Мастерская Нуаре закрылась, бум часов миновал. Жизнь понемногу возвращалась в привычную колею.

Конец Огюстена Нуаре был странен и полон тайны. В один из дней жена обнаружила его в кабинете бездыханным. Находившиеся здесь же часы показывали год далекого будущего. Вызванный врач установил смерть от удара. Медицинское заключение не остановило слухов – согласно одним, сердце Нуаре не выдержало переживаний, связанных с беспорядками, вызванными его часами; согласно другим – верный себе изобретатель не смог существовать, когда часы указали, что ему пора лежать в земле.

Огюстен Нуаре был с почетом похоронен на главном кладбище. Его вдова, унаследовавшая значительное состояние, спустя положенный срок утешилась в браке с солидным фабрикантом, производителем детских колясок. На памятник Нуаре был объявлен конкурс; среди проектов имелся такой, где предполагалась установка на могиле действующих часов изобретателя, выполненных в граните и бронзе. При обсуждении даже высказывалась мысль, что однажды, когда часы скакнут назад, ко времени предшествовавших событий, Огюстен Нуаре подчинится их ходу и вновь вернется к жизни, покинув скорбное пристанище. Однако вдова категорически возражала против такого решения, называя его насмешкой над памятью великого изобретателя, заслужившего вечное отдохновение без посягательств на покой. По ее требованию на могиле водрузили тяжелую плиту с изображением смерти, почтительно склонившей голову над именем Нуаре. Вдова также настояла, чтобы смерть ни в коем случае не держала в костлявой руке часов, даже песочных – а только острую косу, печальный символ бренности бытия.

РОМАН ДИБРОВ

МЕНГИР

ЖУМА ВЕРНУЛСЯ В РОДНЫЕ СТЕПИ НА ИСХОДЕ ДЕСЯТОГО лета. Ослушался, оставил войско, хотя удальцом слыл не из последних. Десятником выслужился и немалой долей добычи мог похвалиться. Он не был трусом — не бывает монголов с заячьим сердцем — и смерть не страшила его, но дома ждали немолодые уже родители. Кто скрасит их старость, если Джуму убьют? С некоторых пор десятнику постоянно вспоминалось, как сразу осунулась мать, словно сын забрал с собой в поход ее молодость. Раньше она часто шутила, что Джума родился с печатью удачи на левом плече. То ли духов уговаривала, то ли сына наставляла. Так или иначе, под стенами Ходжента он единственный из своего десятка уцелел, откупился от смерти разрубленным плечом. Отлежался, зализывая раны, будто волк. Выждал, когда основные силы монголов минуют разрушенный город, и повернул коня домой, называясь в дороге чужими именами. Многочисленные дозоры не трогали Джуму — какой спрос с калеки? Только куда добрался он до семейного кочевья, переметная сума с трофеями изрядно полегчала. Увечная рука слушалась плохо, вечерами боль жевала ее редкими тупыми зубами, мешая забыться сном. Метину на плече теперь пересекал безобразный воспаленный шрам, но удача не оставляла Джуму. Сам вернулся, родителей живыми застал, здоровыми — чем не счастье? Год прошел, а Джуму никто не узнал, соседи не донесли на беглеца — разве не везение?

Когда объявили очередной набор в войско, семья откочевала на самую границу с пустыней. Их не искали, все знали — один у стариков сын и тот где-то в Хорезме сгинул во славу Рыжебородого.

* * *

Беспокойное ржание лошадей разбудило Джуму ближе к полуночи. Минуту монгол лежал, прислушиваясь. По другую сторону очага ровно дышал во сне отец. Рядом завозилась под войлочным одеялом мать.

— Спи, — улыбнулся Джума маленькой женской хитрости. — Не нужно вставать, я сам погляжу.

— А ну как волки? — волновалась женщина. После возвращения сына ее тревоги перекинулись на отару. Такая женская доля — всегда болеть за кого-то сердцем.

— Откуда им взяться? Спи, не тревожься, — Джума скорее по привычке шарил кривую индийскую саблю, приподнял полог юрты и выбрался наружу.

Земля была горячая, сухая, шершавая на ощупь. Прямо над юртой висел молодой месяц — туго натянутый лук. Тихо. Монгол обошел походное жи-

лице, взгляделся в неподвижный сумрак вокруг. Старики говорили: было время, когда ночь над пустыней светилась голубыми огнями и всякий, видевший это сияние, вскоре умирал от страшного недуга. Джума таким рассказам не слишком верил, но от дурных мест старался держаться подальше. Сейчас монгол не чувствовал угрозы, не было возбуждения, всегда накачивающего в минуты опасности. Скорее любопытство — лошади чутче людей, даром волноваться не станут, и бывшему десятнику хотелось взглянуть на ночного гостя. Человек ли пожаловал к чужому огню, дух ли степной?

Равнодушные овцы, доверяя хозяевам, спали. Скот и небольшой табун семья до утра оставляла в загоне из составленных вместе повозок. Джума вытянул руку над бортом телеги, прицелкнул языком. Его конь — Саму — тотчас отозвался довольным фырканьем, ткнулся в раскрытую ладонь мягкими губами, выпрашивая угощение. Монгол, не седлая, вывел жеребца и, уже верхом, стал кружить рядом с юртой, постепенно увеличивая радиус. Несколько раз десятнику мерещилось движение, но смутные силуэты на поверку оказывались причудливой игрой лунного света на камнях. Погоня за теньями увлекла воина, как детей захватывает первая охота на зайцев. Джума, сам того не замечая, удалился от стоянки на приличное расстояние. Наконец, под копытами Саму скрипнул песок. Десятник разочарованно натянул поводья — что монголу делать там, где нечего есть его коню? Возвращаться нужно. Не захотел невидимый посетитель показаться — его воля. Джума отцепил от пояса мех с водой — остудить разгоряченное скачкой лицо. Искалеченная рука никак не могла совладать с узким горлышком, и несколько капель пролились на землю.

— Еще! — голос едва не оглушил монгола. В шаге от всадника песок зашевелился, и оттуда показалась голова из прозрачного камня. За ней из-под земли поднялись плечи, скрещенные на груди руки и торс целиком. Ног у существа не было, ниже пояса туловище скрывала железная колонна, тускло блестящая в свете звезд.

— Хо-ой бай... — изумленно протянул Джума. В груди каменного человека слабо пульсировал чахлый огонек.

— Для окончательного пробуждения недостаточно топлива, — существо изъяснялось на странной смеси нескольких языков. Подобострастная мягкость ханьских оборотов соседствовала в его речи со звоном монгольских слов. Шипящая лесь кыпчаков чередовалась трусливой скороговоркой тангутов. — Сколько времени я провел во сне, господин? Какой сейчас год?

— Тринадцатое лето правления Великого Хана. — Каменный человек молчал. Джума спешился, обошел статую со всех сторон. Близко подходить и трогать руками пока повременил. — Не знаешь Рыжебородого? Вся Вселенная трепещет перед ним! Твой сон крепок, дух, раз не слышишь топот коны джихангира.

Существо хранило молчание, слепо глядя прозрачными глазами прямо перед собой.

— Ты говорил о дровах, дух. Почему не сходишь за растопкой сам? — десятник опустил на корточки и, задрав голову, взирал на каменного чело-

века снизу вверх. — Валежника ты не найдешь, но сушеного навоза и пожухлой травы под ногами — в достатке.

— Я не способен передвигаться, господин. Мое место определено. — Существо сделало паузу, жидкое пламя внутри него стало биться реже. — Навоз и дерево не подходят мне. Нужна вода. То, что ты пьешь, господин.

— Лукавый дух! — насмешливо сплюнул монгол и погрозил статуе пальцем. — Вода не может гореть, это знают даже несмышленные дети. Ты обманываешь меня!

— Я не способен обманывать. Это противно моей природе. Ты — человек. Человек — хозяин.

— Это я знаю, — усмехнулся Джума. — А ты дух земной или огненный?

— Не понимаю вопроса, господин. Я — общественный городской страж.

Джума укоризненно покачал головой, цокнул языком, подзывая коня. Жеребец переминался с ноги на ногу, косясь на статую блестящим умным глазом.

— Снова лжешь, дух. Пустыня была всегда, сколько люди помнят. А память человеческая длиннее самой долгой веревки. Нет здесь города. И не было — зачем в песках город?

Пламя в груди каменного человека взметнулось и почти угасло. Пустыня озарилась призрачным мерцающим светом. Джума вскочил на ноги и оцепенел — на месте невысоких барханов подпирали небосвод величественные дворцы из белого и черного мрамора. На улицах промеж них сновали туда-сюда диковинные повозки, торопились куда-то люди. Любая из виденных монголом столиц, и даже блистательный Ургенч, безнадежно затерялась бы здесь среди площадей и парков. Вдруг потемнело, и вдали, выше самых огромных зданий, взметнулся исполинский столб из огня и дыма. Он бешено крутился и рос, рос, затягивая окружающее в свой губительный хоровод. Впервые в жизни монгол дрогнул, постыдно отшатнулся, когда волна пепла понеслась прямо на него, обращая дома в золу и пыль...

В шаге от десятичника кошмарный морок опал и развеялся. Пустыня снова стала пустыней.

— Мираж! — Джума упал на колени, провел дрожащими пальцами по песку, зачерпнул целую горсть и зачем-то попробовал на язык. Песок отдавал стеклянной горечью давнего кострища. — Лукавый дух! Пусть шакалы решают твои загадки, а мне недосуг.

— Нет, постой! Мой долг служить людям, я еще могу быть полезным. Я сохранил память о чудесах, которые утратили новые хозяева. Знания по математике, астрономии, медицине... — другие слова были монголу незнакомы.

— Скажи, дух, ты в силах исцелить мое плечо? — заинтересованно перебил Джума, возвращаясь к статуе. Мудрые люди учат не принимать даров от духов, но соблазн слишком велик.

— Виноват, господин. Я страж, а не лекарь. — Голос существа звучал глухо.

— Хорошо, тогда дай мне скакуна: вороного, тонконового, каких привозят арабы. — Джума потрепал своего коня по шее, извиняясь и успокаивая. Это только для продажи. — И я поделюсь с тобой водой. Не можешь? Укажи

древний клад. Тоже нет? Какой от тебя прок, дух, кроме ужасных видений? В твоих словах я слышу только обман. Прощай, страж пустыни!

Жеребца не требовалось подгонять, он сам уже приплясывал от нетерпения.

— Расскажи обо мне Великому Хану, господин. — Донесся до ушей монгола затухающий шепот. Джума оглянулся — заключенный в камень огонек мигнул и погас. Статуя медленно погружалась обратно в песок, над землей виднелась только голова существа. — Передай.

* * *

Небо на востоке начало светлеть, когда Джума добрался до юрты. Родители давно не спали, мать и вовсе не находила себе места от беспокойства.

— Пустыня эта — странное место. Должно быть, и духи в ней обитают непростые. — Покачал головой отец, выслушав рассказ сына о каменном человеке. — Поедешь теперь к хану? Может, наградит тебя.

Десятник в задумчивости потер щеку. Не добраться ему до Рыжебородого, выпытают тайну по дороге. Кто-нибудь из приближенных, жадный до внимания Великого, обязательно прельстится секретом. А с Джумы голову снимет, чтобы молчал. Благо, есть за что. Кто спросит с большего человека за жизнь беглеца и калеки?

— Не бойся, мать. — Десятник коснулся пальцами седых кос, замечая, как его слова разглаживают тревожные морщинки на лбу женщины. — С вами останусь.

С предутреннего неба сорвалась последняя звезда, коротким росчерком унеслась куда-то на запад. Джума проводил ее взглядом. Надо бы урвать до рассвета хоть полчаса сна.

Рано утром семья откочевала подальше.

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ОТДЕЛ ГЛАВНОГО ЭНЕРГЕТИКА

12 января 1979 года стало для Андрея Давыдова, младшего научного сотрудника Физического института им. П.Н. Лебедева, черной датой. Было ему в ту пору 29 лет, и он только-только защитил кандидатскую. Годом раньше женился на любимой девушке Наташе, и уже ожидалось прибавление семейства. В общем, все о'кей. С таким настроением Андрей и ехал в тот день на работу.

Выйдя из подъезда, он неловко подвернул ногу и покатился по ледяной корке на тротуаре. Не очень-то и ушибся, но почувствовал себя как-то неуютно. «Вот бы и прислушался к своей интуиции, — говорил он значительно позднее. — Впрочем, если бы послушался, то не занимался бы сейчас этой самой интересной в мире наукой».

На работу нужно было к девяти, время поджимало, и Андрей решил перебежать улицу к метро в стороне от пешеходного перехода. Вроде бы все было спокойно, но, уже почти добежав до противоположной стороны, он услышал визг тормозов над ухом, что-то толкнуло его в бок, и он полетел куда-то, подобно птице с переломанными крыльями. Стукнулся обо что-то бедром и на какое-то время отрубился. А когда врубился обратно, то обнаружил, что лежит на холодной скамейке. Рядом стояло несколько старичков и старушек, которые рассуждали, кому вызывать «скорую помощь». Водителя и след простыл, Андрей так и не узнал, кто его пихнул. Один старичок сказал «грузовик», другой — «микроавтобус», а старушка вообще заявила, что это был броневик.

Андрей попробовал встать, обнаружил, что способен это сделать, в боку болело, но не сильно, и он решительно отказался от услуг «скорой». На работу приехал с опозданием и в потрепанном виде. Сослуживцы заставили отправиться в ближайшую поликлинику на улице Вавилова и сделать рентген. Ни перелома, ни даже трещины в бедре не обнаружили, но ушиб был сильным.

Этим, однако, не ограничилось. Вернувшись из поликлиники, Андрей включил свою установку, и мирный с виду трансформатор немедленно загудел басом, а единственный в установке стеклянный предмет — большая колба — взорвался с грохотом, осколки разлетелись по комнате, Андрей получил несколько кусочков стекла в правый глаз, щеку и шею. На этом рабочий день закончился.

Остаток недели мэнээс провел в Институте Склифосовского, где глаз спасли, хотя видеть Андрей стал хуже, причем временами — намного хуже.

Вот там-то, лежа на больничной койке, Андрей и задумался над причинами своего невезения. Можно сказать, что именно тогда и родилась новая наука — социальная энергетика.

Если бы Андрей не был влюблен в физику и не считал, что возможности ее безграничны, события наверняка развивались бы иначе. Как практически любой на его месте, Давыдов посетовал бы на судьбу-индейку, и — все. Андрей же решил, что три происшествия в один день, причем с возрастающей «степенью поражения», — это слишком, никакая теория вероятности такого совпадения потерпеть не может. Значит, у случившегося должна быть некая физическая причина.

Конец семидесятых был для парапсихологии временем застоя, как и для всей страны. О всяких там таинственных явлениях человеческой психики писали исключительно пропагандисты-атеисты, слово «экстрасенс» еще не было введено в обиход профессором Спиркиным, а полтергейст существовал исключительно на Западе. Во всякие такие штучки Андрей не то чтобы не верил, но даже и не вспомнил о том, что все, с ним случившееся, можно приписать действию таинственных нематериальных сил.

Итак, дана серия событий. Нужно рассчитать, какими событиями могла быть вызвана данная серия. Задача сугубо физическая, ею Андрей и занялся. Разумеется, в свободное от работы время.

* * *

Во-первых, выяснилось, что не ему одному так «повезло» в тот ясный зимний день. Путем многочисленных опросов (соседи, киоскеры, знакомые, даже постовые милиционеры) Андрей узнал, что еще, по меньшей мере, три человека — двое мужчин и одна девушка — имели основания считать день 12 января неудачным. Точнее — просто катастрофическим. Возможно (даже наверняка) были и другие пострадавшие, но Андрей их не нашел. «Потерпевшие» жили неподалеку от Андрея на Шестой парковой. Все драматические события того дня уместились в интервале времени от 8.30 до 10.30 утра.

Данных для каких-либо выводов все равно было маловато. Андрей выявил группу следствий, но ничего не мог сказать о причине. Он предположил, что в течение двух утренних часов в районе Шестой парковой улицы происходили физические явления, следствием которых и стало воздействие на судьбу некоторых людей. То обстоятельство, что взрыв аппарата произошел далеко на юге Москвы, привело Андрея к мысли, что «нечто» влияло не на среду, а именно на живые объекты, становившиеся на некоторое время носителями «чего-то». Этими словами он и оперировал первое время — нечто, что-то, как-то. А что оставалось делать, если никаких терминов наука для такого случая не предусмотрела?

* * *

Возможно, беда многих нынешних экстрасенсов и парапсихологов в том, что они ищут для своих способностей некие поля и явления, еще не обнаруженные физиками. Будучи физиком до мозга костей, Давыдов и помыслить не мог ничего подобного. Полей в природе всего пять — электромагнитное, ядерное, сильное, слабое и гравитационное. Существуют еще механические и химические взаимодействия, но, в конечном счете, их можно описать при помощи пяти перечисленных сил. Значит, здесь и нужно искать.

Любопытно, что в том же году Давыдов «вышел» на группу московских телепатов и психокинетиков, которыми руководил известный в определенных кругах Лев Наумов. Поскольку власти парапсихологию не признавали, то московские ревнители этой паранауки изображали из себя гонимых, вынужденных скрываться чуть ли не за семью дверями. Давыдова в то время интересовала их интерпретация серий происшествий, связанных с определенным человеком (точнее даже — с определенным складом мышления).

Наумов благосклонно выслушал Андрея и заговорил о несомненном влиянии на него в тот день 12 января космических сил или чьей-то злой воли.

— Мы сейчас хотим провести серию решающих экспериментов по передаче мыслей, — сказал Наумов, — и ваша помощь как физика была бы неоценимой. Есть, конечно, препятствия...

— Какие? — заинтересовался Давыдов.

— Не хватает оборудования. Нужен осциллограф, провода различного диаметра...

— А провода-то зачем? — удивился Андрей. — Вы собираетесь мысль по проводам передавать?

Разговор Давыдова с парапсихологами был единственным. Он понял, что люди эти, в лучшем случае, дилетанты, и в его исследованиях могут лишь помешать.

Рабочей гипотезой было взаимодействие человеческого мозга с магнитным полем Земли. Первую свою статью на эту тему Давыдов назвал «Гомеопатическая магнитометрия». Написана она была в 1980 году, а опубликована лишь семь лет спустя, да и то не в академическом издании, а в достаточно фривольных «Трудах Московского физического общества».

Идея была такой. В жизни многих людей бывают полосы везения и невезения. Именно полосы, а не точки — если начинает не везти, то часто во всем. Тут вам и выговор от начальства, и жена уходит, и полки на кухне проваливаются, и краны начинают протекать... Это еще древним было известно. Помните: «Беда приходит не одна»?

Везенье тоже идет косяком, а не штучно. Более того, опрашивая «население», Андрей неожиданно для себя обнаружил, что полосы везения и невезения совпадают у многих людей, проживающих в определенных городских зонах. Скажем, период с 12 по 23 января 1979 года был достаточно несчастливый для жителей Шестой парковой на отрезке от Сиреневого бульвара до Севастопольского. Разговаривая с жителями соседних домов, он слышал одни сетования. Зато время от 3 до 12 июля того же года было для жителей этого района исключительно счастливым. Шестеро крупно выиграли в лотерею. Многие получили неожиданное повышение по службе. А трое (невиданная цифра для такого локального региона) поехали в турпоездку аж в Соединенные Штаты.

Значит, в эти периоды времени в этом районе пространства имели место некие физические явления, которые и интенсифицировали процессы, обычно относимые к разряду случайных. Существовали какие-то поля, ибо никакой вещественной связи между всеми этими «реципиентами» не существовало. Из всех полей единственное — электромагнитное — стоило принять во внимание. Давыдов его и принял. Единственным же видом поля, которое охватывало всех людей в Москве и не только в Москве, было магнитное поле Земли.

Хочу сразу отмести всякие возражения: мол, влияние магнитного поля планеты на здоровье людей исследовалось и до Давыдова, и не только магнитного поля, и не только планеты, но еще Солнца — достаточно вспомнить работы Чижевского. Это все верно, но к работе Андрея не имеет никакого отношения. Он вовсе не утверждал, что изменения в магнитном поле вызы-

вают изменения в состоянии организма, а уж отсюда происходят всякие несчастья или, наоборот, счастливые совпадения.

Вовсе нет. Будучи физиком, он с самого начала понимал, что вариации магнитного поля Земли, вызванные, например, солнечными вспышками, слишком глобальны, чтобы вызывать какие-то изменения в судьбах жителей одного небольшого района Москвы. Магнитное поле в теории Давыдова было всего лишь «несущей средой», и не более.

* * *

Я еще расскажу о том, что такое «гомеопатическая магнитометрия» и как она связана с «социальной энергетикой», а сейчас, чтобы интерес читателя не угас на ухабах теоретических объяснений, опишу, как происходил первый эксперимент, поставленный Андреем Давыдовым на живых людях.

Было это в 1983 году. Эпоха Черненко. Помните? От «развитого социализма» мы тогда перешли к «начальной стадии развитого социализма», сделав шаг то ли назад во времени, то ли вперед в развитии теории марксизма. А для неортодоксальной науки время было совсем уж неблагоприятное. Что-то вроде Часа Быка. Поэтому давыдовские «индукторы» собирались на квартире у соседки-пенсионерки, которую даже гебисты не могли заподозрить ни в чем предосудительном.

Отбирал индукторов Андрей полтора года. Принцип был такой: эти люди должны были жить в районе Шестой парковой (единство места), испытывать приливы счастливых и несчастливых волн одновременно (единство времени) и обладать достаточно высокой внушаемостью (единство действия). Этим требованиям удовлетворяло семь человек, причем один наотрез отказался участвовать в опыте, убоявшись «отрицательного обратного эффекта». Такой эффект, кстати, был вполне возможен, и об этом Давыдов честно предупредил всех испытуемых:

— Ну, можете, скажем, ногу сломать, выходя из квартиры. Но это уже из области статистической вероятности. Так что — решайте сами.

Шестеро решились. Атрибутику Давыдов тоже готовил не один месяц. Перечитал западные работы по медитации (советских не обнаружил), подобрал нужные магнитофонные записи. Опыт назначил на 23 мая — день, по прогнозам, спокойный от солнечных вспышек и магнитных бурь. Начали в семь вечера. Расселись в старых креслах, под заунывную музыку каждый думал о своем, погружаясь в полусонное состояние.

— А теперь сосредоточимся, — мягко сказал Андрей, — и вообразим себя летящими над домами. Мы смотрим в окна и говорим всем людям: будьте счастливы, живите с миром...

Сейчас много всяких групп, которые занимаются медитацией, погружают себя в состояние, когда якобы из тела выделяется астральная сущность, которая летает под потолком. Все эти рассказы вызывают у Давыдова легкую улыбку.

— Чем бы дитя ни тешилось... — говорит он. — Вреда от этих сеансов никакого, но и польза нулевая. Просто организм отдыхает, вот и все. Вариации, создаваемые магнитным полем одного мозга, слишком ничтожны даже для

гомеопатического воздействия. А резонанса в таких случайных системах нет и быть не может. Никто не думает, что группы нужно подбирать по принципу унисона. Так что все это чепуха. Да это и хорошо. Если такая публика, а там шарлатанов ой-ой-ой сколько, поймет верный принцип, может получиться столько плохого...

...Они медитировали ровно час, потом Давыдов напоил всех кофе и отпустил по домам. На следующий день сеанс повторили, и так продолжалось неделю. После чего можно было подводить первые итоги.

Кстати, подводить итоги оказалось сложнее, чем провести опыт. Ибо для подведения итогов нужно было опросить сотни людей — жителей соседних домов. О том, что с кем случалось в течение недели, не было ли каких-то странных серий удач или неудач... Правда, если несколько лет назад, в тот первый раз, Андрей проводил опрос сам, то теперь у него было по крайней мере шесть помощников.

Выяснилось следующее. В первые три дня не происходило ничего. Поскольку время было спокойным — ни магнитных бурь, ничего такого, — то все находилось в пределах статистических вероятностей. Кто-то сломал ногу, упав со стремянки. Кто-то попал в реанимацию из-за сердечного приступа. Единичные случаи. На четвертый день ситуация начала меняться, но еще в пределах все тех же статистических ошибок. На седьмой день, говоря сухим научным языком, «отброс данных по системам происшествий составил четыре стандартных отклонения в рамках распределения Гаусса, что не оставляет сомнений в существовании эффекта социальной энергетики». Это я цитирую по статье Андрея Давыдова. Если говорить нормальным русским языком, то было вот что.

Почти вдвое уменьшилось число вызовов скорой помощи в «испытываемый квадрат». Втрое уменьшилось число бытовых травм, и в четыре раза — число квартирных скандалов. Не было зарегистрировано ни одной пьяной драки, а все приводы в милицию касались исключительно людей, не проживавших на Шестой парковой. Пятеро жителей «квадрата» выиграли в лотерею достаточно крупные призы. Одиннадцать жителей получили повышение по службе, причем пятеро из них оказались теми же, кто выиграл в лотерею. Эти же пятеро имели и другие «подарки судьбы» — тем более неожиданные, что в течение долгого времени судьба их ничем не баловала.

Давыдов признал результат опыта более чем удовлетворительным.

— Так что же, — спросил его один из индукторов, — если я захочу, то могу напесочить своему врагу язву желудка? А другу — поездку в дом отдыха?

— Нет, — в очередной раз объяснил Давыдов. — Сами вы не можете ничего. Нужна группа людей, соответствующих определенным стандартам и собранных в определенном месте. Если бы мы проводили наш опыт, скажем, в квартале отсюда, ничего бы не вышло.

— Жаль, — сказал индуктор.

— Наоборот, — сказал Давыдов. — Слава Богу, что результат зависит не от какого-то конкретного индуктора, а от работы группы, тщательно спланированной и просчитанной заранее. Представляю, чтобы бы творилось на свете, будь все иначе.

* * *

«Группа Давыдова» собиралась в том же составе и в той же квартире еще много раз — до 1987 года. А потом старушка умерла, квартиру передали ее дальнему родственнику, которому Давыдов так и не сумел втолковать своих идей. Пока он рассчитывал новое место встречи, проводя магнитометрические измерения, один из индукторов женился и уехал к жене в Подольск. Компания распалась окончательно...

Но к 1987 году были уже многочисленные экспериментальные результаты, была уже теория явления и существовала новая наука — социальная энергетика. Да и перестройка принесла первые плоды — результаты уже не называли «антинаучными измышлениями».

«Группа Давыдова» несколько лет поддерживала стабильно высокие показатели уровня жизни в микрорайоне: здесь люди жили более мирно, более счастливо, чем в среднем по Москве. Здесь было совершено всего одно убийство, когда один из «чужаков» подрался с другим «чужаком». Но эта сторона деятельности была, так сказать, профилактической. Со временем Давыдов переходил к более широкомасштабным действиям, убеждаясь в том, что фактор расстояния не имеет существенного значения.

— Кровавая бойня в Ливане идет уже не один десяток лет, — сказал Давыдов, когда я в начале 1994 года проводил с ним интервью для одной московской газеты. — За это время там было убито сорок тысяч человек. А знаете ли вы, что, если бы не наша работа, убитых было бы на десять тысяч больше? И если бы наша группа существовала несколько десятилетий, войны в Ливане удалось бы избежать...

— Несколько человек могут...

— Не несколько, — прервал меня Давыдов. — Несколько индукторов в резонансной цепи могут изменить социальный климат в квартале или микрорайоне. Для того, чтобы повлиять на большие людские массы, нужно довольно много индукторов. Но ведь на последнем нашем съезде три года назад я собрал в зале шестьсот индукторов! Это означает, что почти четыреста тысяч человек могли стать потенциальными реципиентами.

* * *

Чтобы стало ясно соотношение чисел, вернусь к рассказу о том, что же это такое — социальная энергетика.

Итак, всем известно, что мы живем в магнитном поле Земли, и что наш организм на это поле реагирует. Газеты публикуют, например, списки «опасных дней», когда магнитные бури могут вызвать у сердечников усиления болей или иные неприятные явления. Существует и обратное влияние — наш организм может изменять величину геомагнитного поля. Конечно, очень незначительно, и это ни на что не влияет. Группа людей с одинаковыми индивидуальными магнитными характеристиками оказывает куда большее воздействие. Причем, как это бывает в физике, влияния не складываются, возникает эффект куда более сильный, чем простое сложение — магнитный резонанс. Но для того, чтобы это произошло, нужно собрать в нужном месте

специально подобранную группу людей. Если люди с одинаковыми характеристиками разделены сотнями километров, резонанса не произойдет. Если люди находятся в одном месте, но характеристики их магнитных полей чуть различны, резонанса не произойдет. Более того, резонанса не будет и в том случае, если нужные люди соберутся вместе, но думать будут о разном. Как в пьесе эпохи классицизма — нужно единство времени, места и действия.

Но даже в состоянии резонанса группа оказывает на земное магнитное поле не такое уж большое воздействие. Небольшое, но достаточное, чтобы общество это ощутило. Это действительно подобно гомеопатическому действию лекарств. Отдельная молекула лекарственного препарата не способна изменить ваше состояние, даже если бы будете принимать по молекуле в день в течение всей жизни. С другой стороны, приняв целый грамм, вы можете себя отравить. Нужны маленькие, но точно рассчитанные дозы — и тогда влияние лекарства будет стабильным и долговременным.

«Группа Давыдова» была гомеопатическим лекарством направленного действия, а окружающее магнитное поле — наполнителем, переносчиком этого действия. Отдельный человек не способен изменить ничего и никого. Но специально организованная группа способна на многое.

Так гомеопатическая магнитометрия, созданная Давыдовым, переросла в социальную энергетику.

Дело в том, что, как показал ход экспериментов, от числа людей в группе зависит число людей, на которых эта группа может влиять: последнее число равно квадрату первого. Давыдовская группа из шести индукторов могла влиять одновременно не более чем на тридцать шесть человек. Правда, в другое время (геомагнитное поле чуть изменилось) влиянию подвергнутся другие тридцать шесть... Но в любом случае, шестерка могла воздействовать на жителей одного квартала или одного дома. Кстати, не обязательно ближайшего.

Собрав в зале фабрики «Красный октябрь» шестьсот человек, Давыдов в течение месяца мог изменить политическую ситуацию в большом регионе, даже в целой стране — такой, например, как Ливан. Только кто даже в наши дни даст ему возможность собирать ежедневно в течение месяца на несколько часов сотни людей — кто им оплатит прогулы, кто оплатит аренду зала, питание?

Да и не всегда, кстати, удастся все рассчитать точно. А каждый «прокол» бьет по новой науке похуже, чем иные прежние партийные разборки.

— Я, к примеру, считаю, что Мавроди жулик, — сказал мне Давыдов во время того единственного интервью, — и что люди, несущие деньги в «МММ», простаки, и я им могу помочь. А тут Мавроди подался в Думу, и я решил этому помешать. Для изменения расклада в таком округе, как Мытищенский, мне нужна была неделя времени и две сотни индукторов. Или месяц с двадцатью индукторами. Собрать двести человек оказалось невозможно, то есть, у меня есть просчитанная и подобранная группа даже в шестьсот человек, но собрать всех в одном месте... Нет, я не миллионер. Пришлось выбрать более размазанный вариант. И не вышло, Мавроди избрали. Хотя я думаю, что, если бы не мы, он победил бы со значительно большим перевесом.

— Это вы называете поражением, — сказал я. — А победы?

— Я живу на Шестой парковой. Сходите в сто пятнадцатое отделение милиции и спросите, как в районе со статистикой преступлений. Я вам ничего не скажу, пусть милиция скажет. И еще. Два месяца назад (наш разговор происходил в начале ноября 1993 года — П.А.), если вы помните, совершенно неожиданно Ирландская республиканская армия объявила о полном, безоговорочном и постоянном прекращении боевых действий. Помните, сколько по этому поводу было недоумений и радости? Решение было, казалось, немотивированным предшествующими событиями.

— Вы хотите сказать...

— Моя группа работала два месяца — июль и август. Сорок человек. Правда собирать одних и тех же не удалось. Это был бы, конечно, идеальный вариант, но, сами понимаете, лето, у каждого свои проблемы. Поэтому люди менялись, но их магнитоэнергетические параметры я подобрал достаточно близкими, и вот — успех.

— Но,— сказал я,— если вы перестали работать в этом направлении, то все вернется на круги своя...

— Не думаю. Сейчас достаточно только поддерживать статус кво, и мы это делаем раз в неделю. Группа у меня стабильная...

Повторяю: разговор этот происходил в начале 1994 года.

* * *

Группа у Давыдова действительно казалась стабильной. Собирались они в клубе фабрики «Красный октябрь» и занимались социальной медитацией. Посторонних не допускали, и понятно — почему. Группа стабильная, отлаженная, любое «чужое» магнитное поле могло ослабить воздействие.

Статьи по социальной энергетике публиковались в то время в достаточно солидных научных журналах. В ФИАНе, где работал Андрей Давыдов, на него уже не смотрели, как на малость сдвинутого. Более того, в теоретическом отделе была создана лаборатория, которая занималась расчетами магнитоэнергетических характеристик различных социальных групп. В общем, как говорится, процесс пошел.

Но...

Сейчас о такой науке, как социальная энергетика, никто, похоже, и не помнит. Может, Давыдов чего-то не рассчитал в собственной судьбе. Может, думая о целом, не позаботился о частностях. Не знаю. К сожалению, летом 1996 года Андрей погиб — утонул в Черном море, купаясь на диком пляже близ Коктебеля.

И все. Лабораторию в ФИАНе закрыли, группа, понятное дело, распалась. А я... Ну что я? Еще в 1994 году я опубликовал об Андрее Давыдове статью в одной из московских газет. Что я еще мог для него сделать? Что еще я мог сделать для новой науки, которая, к сожалению, умерла в младенчестве?

А еще говорят, что незаменимых нет, и, если открытие сделал один человек, то другой непременно это открытие повторит. Нет, не нашлось такого. Пока.

А ведь именно сейчас для социальной энергетики самое время.

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ ИЛИ ПРОБЛЕМЫ «ФИНИШНОЙ ЛЕНТОЧКИ»

(ДОКЛАД НА ФЕСТИВАЛЕ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2008»)

*Четвертые сутки пылает граница,
Рассвет над Мордором и мрачен, и хмур,
Раздайте секиры, поручик Эльфицын,
Корнет Чародейкин, налейте здравур!
В преддверии боя сидим и вздыхаем,
Чего потеряли, того уже нет,
А в Мории нашей сидят Урук-хаи
И гномочек наших ведут в кабинет!
Взлетает над троллем ручная граната,
Хоронятся орки под каждым кустом...
Поручик Эльфицын, а может, не надо?
Зачем нам, поручик, шестнадцатый том?*

О. Ладыженский. Теперь от лирики давайте перейдем к проблемам финала литературного произведения. Зачем нам все-таки нужен шестнадцатый том? Может быть, и впрямь нужен? В последнее время все чаще появляются рецензии — и «на бумаге», и в Интернете — где обсуждается бесфинальность того или иного произведения. Форумы трещат по швам от криков: «Нет финала! Книга кончилась ничем!» Объективно это или субъективно — тут уж как получится. Тем не менее, проблема стоит остро — буквально каждый второй недоволен финалом. Книга, значит, хорошая, но закончилась не так, не туда, не тем и не в ту степь.

Проанализируем сей девятый вал. Итак, что такое финал художественной книги? Это кульминация плюс развязка. Давайте еще раз уточним: финал — это не только кульминация — высшее напряжение конфликта. И уж совсем не обязательно — заключительная драка главных героев, положительного с отрицательным. Это еще и развязка, из развития действия произрастающая. Вместе эти две части сюжета дают нам финал произведения.

Финал — он, как земля, стоит на трех китах. Только в этом случае он полноценен. К нему мы движемся по первой линии-дороге — это линия СОБЫТИЙНАЯ, действенная. Цепь событий, каждое из которых завязано на конфликт произведения и меняет мотивации действующих лиц, приводит нас к финалу действия: происходило то-то и то-то, закончилось тем-то и тем-то. И это, как правило, понятно на любом уровне читательского восприятия.

Вторая линия-дорога — ИДЕЙНАЯ. Писатель хотел высказать какую-то важную мысль в художественной форме — в финале эта мысль находит свое максимальное выражение. Значит, идея состоялась. Это если, конечно, пи-

сатель действительно что-то хотел сказать, а не просто ваял шестнадцатый том «по многочисленным просьбам».

И, наконец, третья линия — ТЕМАТИЧЕСКАЯ. У писателя был в наличии некий тематический материал — действие происходило там-то и тогда-то, с конкретными персонажами, вписанными в конкретный социум. Как говорят в театре, тема — это во многом предлагаемые обстоятельства. Когда тема раскрыта окончательно, и мы пришли к финалу, значит, тематическая линия завершена. Подчеркиваю, что полным раскрытием темы является не подробный перечень всех реалий, соответствующих времени и месту действия, а ровно тот комплект, который необходим для понимания действия и восприятия идеи.

Вот на этом треножнике и стоит финал. Идея сформулирована в полном объеме, конфликт прошел пиковую точку и раскрылся полностью в событийном ряду, тема реализована максимально. Все, занавес, свет в зале. Конечно, финал может стоять и на одной ноге, но это не слишком устойчивое положение. Хочу заметить, что структура финала зависит еще и от того, какой ТИП ПРОИЗВЕДЕНИЯ мы рассматриваем. Здесь речь идет не о типологии в понимании литературоведения, а о типологии с точки зрения конструкции финалов.

Д. Громов. У нас в наличии может быть отдельное законченное произведение (роман, рассказ, повесть) — или цикл, сериал, либо так называемый «фельетонный роман». Для каждого из этих произведений характерны разные типы финалов. Давайте сначала определимся с терминологией.

ЦИКЛ — совокупность произведений, объединенных тематически (общие персонажи, время или место действия, материал повествования) и идейно (наличие сквозной идеи, связывающей цикл на более высоком, не сюжетном уровне). Каждое из этих произведений композиционно (сюжетно) ЗАВЕРШЕНО и может *полноценно* восприниматься читателем в отрыве от других частей цикла.

СЕРИАЛ — совокупность произведений, объединенных тематически (общие персонажи, время или место действия, материал повествования) и идейно (наличие сквозной идеи, связывающей сериал на более высоком, не сюжетном уровне, единой для всего сериала). Каждое из этих произведений композиционно (сюжетно) не завершено и не может полноценно восприниматься читателем в отрыве от других частей сериала.

РОМАН (повесть, рассказ) — композиционно (сюжетно), идейно и тематически завершенное произведение, не нуждающееся в связях с иными произведениями.

ФЕЛЬЕТОННЫЙ РОМАН внешне напоминает цикл или сериал. Он был создан во Франции в 30-40-х годах XIX века. Газета «Journal des Debats» придумала «в удовольствие публике и правительству» выпускать в виде прибавочного листа (*feuille* — отсюда слово «фельетон») приложение чисто литературного содержания. Авторы этих романов печатали их ежедневно по главе. Цель — поддерживать у читателя любопытство запутанными интригами, невероятными случайностями, эффектными столкновения-

ми. На этом поприще выделялся Дюма-отец, печатавший одновременно в разных ежедневных изданиях «Графа Монте-Кристо». В Англии отличился Чарльз Диккенс. Тем не менее, когда читаешь такой роман подряд, целиком, понимаешь его отличие от цикла или сериала.

Авторы фельетонных романов заканчивали главы, как правило, на самом интересном месте, делая микрокульминации. За это «потакание» читательскому интересу их тогда зачисляли в «попсу». Особенно Диккенса. Его тиражам завидовали просто по-страшному! Он, кстати, и в суд подавал несколько раз. На «пиратов». И Пушкин тоже жаловался Бенкендорфу на «пиратов». Популярность аукалась воровством...

У всех перечисленных выше типов — сериал, цикл, роман, фельетонный роман — свои конструкции финала. Финалы общие, финалы частей, серий, глав... Есть еще так называемые «промежуточные» финалы — они чаще всего издательские. К примеру, «Война и мир» Толстого, «Властелин Колец» Толкиена, «Сага о Форсайтах» Голсуорси — велики по объему. Такие книги удобнее издавать в двух-трех томах. Издатель, договорившись с автором (или по собственному почину), обрывает роман на каком-то плюс-минус законченном эпизоде — и публикует отдельным томом, исходя из маркетинговых целей.

Возьмем для примера «Гарри Поттер» Джоан Роулинг. Что это такое — роман? Цикл? Сериал? По идее, это единый «роман взросления» с общей композицией, которая отлично видна, если читать все подряд. Но у каждого тома есть свой отдельный финал — не издательский, а авторский. Каждая книга — большой, законченный сюжетно эпизод из жизни героев. В принципе, с некоторой натяжкой третий или четвертый том «Гарри Поттера» можно читать отдельно, не читая предыдущих и последующих книг. Здесь мы имеем признаки и цельного мета-романа, и сериала, и цикла — это «гибридная форма».

А. Валентинов. Проблема с финалом и его наличием/отсутствием возникла довольно поздно. Долгие века существования мировой литературы подразумевалось, что автор, создавая некий мир, как и Творец наш, по образу и подобию, обязательно покажет начало этого мира, его жизнь и завершение. Если роман приключенческий — обычно любовно-приключенческий — дело обязательно доводится до свадьбы, и даже есть короткое изложение, что было потом. Тут важно учесть один нюанс: главный объект литературы — человек. Чем заканчивается человеческая жизнь, известно. Поэтому делался намек: *это* случилось не скоро, а пока что «жили долго и счастливо». Даже небольшая новелла завершалась рассказом о том, что произошло с героем впоследствии. Создавался мир вне зависимости от размеров этого мира. Более того, читатель ждал еще и морали — зачем это все рассказывалось. И мораль прописывалась, что не казалось тогда излишним. Финал оформлялся по всем правилам. А в больших книгах ждали не просто финала, а РАЗВЕРНУТОГО нравоучения, желательного с отступлениями и пояснениями, как в романах эпохи барокко.

Кстати, роману эпохи барокко не повезло. Средневековые романы мы можем сейчас найти, они переиздаются, в них эстеты находят некий вкус. Ро-

маны же барокко, считай, пропали. А между тем каждый из них рассматривался как целый мир, который должен быть с человеком всю его жизнь. Следовательно, в романе должно быть все — энциклопедия, пояснения к каждому более-менее серьезному эпизоду, тщательно выписанные личности, развернутый рассказ о том, чем завершалась история, причем не только главная, но и история каждого персонажа... Ни один вопрос не должен остаться без ответа! Что случилось с персонажем Имярек? — см. приложение 15-а. Писатели считали своим долгом ответить на любые вопросы по создаваемому ими миру. Читатель же знал, что это правильно.

Когда возникли проблемы с финалом? — когда культура пошла в массы.

Больше стало грамотных, и появились технические возможности для издания литературы массовыми тиражами. Вот тогда и появился великий соблазн — фельетонный роман, или его российский вариант: роман в брошюрах. Как только возникли дешевые типографии, как только петербургские дворники научились читать (они служили в полиции и *volens nolens* приходилось знать грамоту), вот тогда-то для них стали издавать свой вариант бульварного романа. Там уже требовалось иное. Прежде всего сыщик Путилин не должен в конце каждой книги жениться (обычный финал) или умирать (а как же продолжение?!), или, допустим, попадать в тюрьму (а если попадать, то с явным намеком, что он оттуда выйдет). Финал такие издания искусственно превращали в «подвешенный». Из ясных коммерческих соображений: зачем же рассказывать, чем закончилась история, которую в принципе можно продолжить?! Если, конечно, автору продлят контракт...

Вот тогда-то финал и начали профанировать. Не в силу глубоких изысков и творческих мучений, а в силу чисто экономических расчетов — как это ни обидно звучит, но для определенного потребителя: горничных и дворников.

Возьмем пример из близкого искусства — кино. Кино-то выросло на литературных сюжетах. К сороковым годам прошлого века великая империя Голливуд опошлила все, что только можно. Все жанры, все направления, все сюжеты. Зритель прекрасно знал, чем дело кончится, как кончится, и что скажут герои в конце. Вестерны тогда еще стеснялись быть очень уж кровавыми: пуля не должна попадать в человека на глазах зрителей, главного героя не должны бить так, чтобы зритель видел подробности, герой должен быть гладко выбрит даже после недели в пустыне... — Но действие в вестерне обязательно завершалось победой «бобра над козлом», и желательно свадьбой с раскаявшейся красоткой.

В какой-то момент от этого начало тошнить.

Сороковые годы стали толчком к возникновению принципиально новых взглядов на финал. Во время войны стали снимать откровенную патоку — из вполне понятных соображений. Беспроблемные фильмы, где все пляшут, а потом женятся. Изредка возникали картонные немцы, но в финале все равно — поцелуй. Тогда в Голливуде под войну как раз разрешили поцелуи.

Для приятственности еще и «включили цвет».

И вдруг пошла реакция. Кругом идут фильмы-конфетки с обязательным хэппи-эндом. А кое-где появились принципиально иные фильмы. Черно-бе-

лые, снятые про не очень-то удачливых людей. В кадре их били без стеснения, они много пили и курили, почти никогда не снимали шляпы. Им ничего не удавалось, успехи были временными, женщины — красивые и brutальные — предавали их регулярно, а они предавали женщин. Родился жанр НУАР. Нуаром его называли благородные французы. Интересная ситуация: по одну сторону кино-баррикад все поют и пляшут, а по другую сторону — бродят мрачные, надежные, крепкие Хемфри Богарты, у которых опять-таки ничего не получается, но в них есть изюминка.

И вот тут стал обязательным **ПЛОХОЙ ФИНАЛ**. Оборванный финал, как случайной пулей обрывается наша жизнь, как обрывается история, которую вы не дослушали в поезде. В этом видели вышедший шик! В этом видели новую форму. Историю обрывали, чтобы стилизовать ее «под жизнь».

Литература шла тем же путем, только медленней. Коммерция требовала оборванного финала. А вдруг продолжение напишется — не один автор, так другой. Даже «Войну и мир» продолжили, хотя Толстой такой уж финалище написал — целую повесть вставил! Оборванного финала требовала и имитация под жизнь. Мол, нечего патоку хлебать, жизнь тяжела, известно чем кончается — и наше произведение кончается так же. Не обязательно смертью героя, но на неопределенной ноте: дорога уходит вдаль, и зубы болят, и девушка меня бросила. Плохой финал стал в литературе хорошим тоном. В кинематографе с этим позже стали бороться. В литературе — нет. Наиболее продвинутая литература сделала ставку на скомканный финал, на вал недоговоренностей.

Сейчас же наша «бол-литра» шарахается от классических финалов, характерных для произведений 19-го века, как от чумы.

О. Ладыженский. Возвращаемся в день нынешний. Почему, собственно, финалы стали плохо восприниматься при любом раскладе? Мы сейчас не рассматриваем произведения, где действительно финала толком нет. Мы говорим о нормальных структурах, где все в порядке — и, тем не менее, с восприятием сложности.

К сожалению, финал сегодня воспринимается — умным, просвещенным, тонко чувствующим читателем! — практически исключительно на событийном уровне. Цепь событий, последовательность действий и ее венец — финальное событие. Всё. Идейная и тематическая составляющие финала выпадают из восприятия. Поэтому читатель говорит: «А дальше?!» Ведь цепь событий, если убрать остальные линии, можно продолжать, в общем-то, до бесконечности. Ну, какие-то ж герои живы остались? — значит, всегда есть место подвигу! Любовь к циклам и сериалам рождает в читателе уверенность: продолжение — будет.

Восприятие ограничивается событийным планом, а значит, для понимания, что финал наступил, требуется занавес, как в театре. Герой умер или победил — занавес закрылся. Это сигнал залу, что можно аплодировать. Если занавеса на сцене нет — есть такие сцены, не оборудованные занавесом — зрители не знают, надо ли хлопать. Нет четкого внешнего события, дающего-

го сигнал: все, приехали. И возникает вопрос: а что происходит-то? Ну, актеры замерли, ну, стоят, в кулисы не уходят. Может, свет погасят, а?

Где сигнал?!

Поскольку тематический и идейный финалы летят мимо восприятия, как фанера над известным городом, начинаются непонятки: а почему? а зачем? как же так? Ведь могли быть еще события! Давайте попробуем этот скользкий момент разобрать на материале двух романов. Я понимаю, что сильно рискую. В среде фэндома не принято, чтобы писатель вслух анализировал собственные книги, да еще и с точки зрения читательского восприятия. Но нам уже терять нечего, репутация давно подмочена — мы попробуем. Более того, мы сознательно станем привлекать в качестве демонстрационных примеров отзывы читателей на свои книги. Причина проста — этим материалом мы лучше владеем. Надемся, что вы нас простите за такой прием. Скажу больше — в свое время меня учили анализировать свои же спектакли, изучая реакцию зрителя на представление, и не видели в этом ничего дурного.

Итак, берем для анализа романы «Vita Nostra» за авторством дуэта Дяченко — и наш совместный роман «Тирмен». «Vita Nostra» — мнения читателей:

— Концовка якобы открыта. Для меня же она закрыта — наглухо, бетонной стеной. Я настолько удивился этому, что перечитал последние две страницы три раза, безжалостно лупя по клавише next. Я впечатался в стену. На последних двух страницах оказался только скомканный финал:

1) я люблю маму.

2) мне не страшно (умирать, перевоплощаться, действовать).

— Финал не понравился. Это гуманитариям, думаю, будет в самый раз такая развязка. Но если бы финал поменять на нормальный, была бы Вещь.

— В финале нас ожидает на редкость скомканная и бессмысленная концовка. После прочтения возникают вопросы, о чем вообще была книга и что все-таки произошло с героиней.

— В конце нас ждет хэпти-энд. Гора рождает мышь. Пишк у авторов получился.

— Загадка, которой начинается книга, значительно сложнее отгадки, которую смогли придумать авторы. Но их нельзя винить за скомканный финал — иногда книга пишется сама, просто лезет из человека. И лезть она может бесконечно, а человеку-то надо книгу завершить...

— Конец абсолютно бессмысленный. Создаётся впечатление, что авторы просто уже не знали: что же писать дальше...

— Концовка у «Ностры» — невнятная. Ожидал чего-то более приземленного.

Мы были в свое время удивлены, когда вдруг выяснилось, что практически параллельно, не сговариваясь, в один временной промежуток и Олди с Валентиновым, и Дяченко написали романы, строящиеся на библейских ассоциациях. Мы бы даже не побоялись сказать, что эти романы — хорошие, плохие ли, не об этом сейчас речь — о «втором пришествии». «Vita Nostra» в завязке — это Книга Иова! Она начинается с того, что главной героине на

голову не пойми откуда начинают сыпаться беды. ТАМ, наверху, кто-то поспорил и принял решение провести эксперимент. А ТУТ ее рвет золотыми монетами, ей надо купаться голышом, и если она откажется, то умрет ее мама. Вот вам и овцы, и дети, и имущество — сиди, брат Иов, на гноище и молчи в тряпочку. Сверху же вместо объяснений говорят: не ваше дело, сапиенсы. Так надо, а почему — вам не понять.

Вся книга от начала до конца — это переход от Ветхого Завета к Новому. От «Я есть бог ревнивый» и «Вначале было Слово» — к «Бог есть любовь». Не бойтесь жить, люди. И финал — «Мне не страшно». На идейном уровне финал блестящий — человек путем мучений, наград и наказаний, путем самопознания, наконец, приходит к новому принципу мироздания. Вспомните Галича: «Не бойтесь хулы, не бойтесь хвалы, не бойтесь мора и глада...». Галич тоже внезапно пришел к «не бойтесь» — популярный кинодраматург, весь «в шоколаде», вдруг перестал бояться и променял судьбу успешного писателя на судьбу поэта-изгнанника.

На событийном уровне — да, Саша Самохина могла бы летать на помеле, жечь глаголом и еще восемь книг «приключаться». Но на ИДЕЙНОМ уровне действие выведено на финал железно! На тематическом тоже, но я не хочу занимать ваше внимание так долго. Скажу лишь, что тематический материал романа к финалу раскрыт полностью. Увы, финал «Vita Nostra» многими был воспринят лишь по одной его составляющей — событийной. Иначе в нем нет для читателя ничего открытого и незавершенного. Финал закрыт, закончен, сведен в иглу.

Теперь — «Тирмен» и мнения читателей:

— *Первая вещь у этих авторов (весьма мною любимых), смысла которой я, признаться, не поняла. Так все хорошо шло, и вдруг какие-то невнятные навороты в финале. Концовка и вовсе показалась смазанной и неубедительной.*

— *Недавно с огромным удовольствием прочёл «Тирмена». Но вот конец поверг меня в недоумение. Возможно, так и было задумано, но всё-таки: застрелился Даниил или нет?*

— *А все же интересно, что в конце-то произошло? Даниил поделил свою энергию?*

— *Смутил «приговор» мужа: «Читается очень хорошо, но финал никакой». Подтверждаю. Читается прекрасно. А финал... Холостой выстрел. Нет катарсиса, ну убейте, не-ту! Читала, читала... И кончилось как-то... легко, что ли? Не знаю.*

— *Понять смысл книги я так и не сумел. Чем все закончилось? Может, там и не было смысла?*

— *Кажется и язык неплохой, и сюжет присутствует, а до конца прочитаешь, и понимаешь -- обманули! Про что книга-то?*

И снова роман начинается библейскими аллюзиями. Два главных героя — два поколения. Старик с «говорящим» именем Петр (на идейном уровне это имя должно хоть что-нибудь подсказывать?) живет по Ветхому завету. Сверху говорят «убей», и он убивает, ни о чем не задумываясь. Он так поддерживает определенный — естественно, определенный не им! —

МИРОПОРЯДОК. Авраама тоже не спрашивали: хочет ли он приносить сына в жертву? И Моисея не спрашивали, когда отправляли к фараону. Впрочем, Авраам хотя бы сопротивлялся, и Моисей поначалу возражал. А Петр не сопротивляется — очень «правильный», очень послушный высшей воле человек. В книге подчеркивается, каким образом он получает приказ — в буквальном смысле бумажку под дверь подсовывают. Кто передает? — нет, его это не волнует.

Он выполняет.

«...прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня...»

И в ученики к старику попадает будущий новый охранитель миропорядка — мальчишка с не менее «говорящим» именем Даниил. Пророк Даниил, львиный ров, служба при вавилонском дворе... Это ведь Даниил растолковал Вальтасару, что значит сакраментальное «мене, мене, текел, упарсин». Петр и Даниил! — но ряд ассоциаций выстраивается не на событийном уровне. Это уже на идейном. И Даниил сначала живет по тому же завету, что и Петр — предавая, стреляя, убивая без особых колебаний. Так надо, сапленс! Но постепенно юноша начинает мучиться вопросами. Он спрашивает: а почему? а зачем? да как же так можно?

А МОЖНО ЛИ?!

И в конце заявляет: Я НЕ БУДУ! Он подносит пистолет к виску — к своему виску, вместо того, чтобы стрелять в указанную свыше жертву, в учителя, списанного в утиль. Убивая себя, он стреляет в прежний миропорядок. Неужели в этот момент не вспоминается «смертию смерть поправ»? — на идейном уровне. В книге появляется «мертвый тирмен», который, воскреснув, рушит прогнившее мироустройство.

После чего все остальные мертвые встают, и так далее.

С нашей точки зрения — может быть, наивной — роман закончен. Абсолютно. В конце расставлены все необходимые нам акценты. Допустим, они расставлены плохо, а мы — бездарные писатели. Это уже на ваше усмотрение. Но для нас было потрясением, когда, как и в случае с «Vita Nostra», мы поняли, что большинство таких акцентов — мимо кассы. На событийном уровне — принято, на тематическом — так-сяк; на идейном — почти никак.

А потом мы поняли — все нормально. Событийный ряд, как братская могила, погребает все на свете. И все вопросы по финалу завязаны только на него: что герой сделал, что с ним произошло, куда он пойдет дальше. Куда ж мы так торопимся? Выходит, времени ни на что, кроме наблюдения за событиями и их простейшей оценки с действенной точки зрения, не хватает?

Д. Громов. Был в свое время революционный переход жанров от эпопеи к роману. Эпопея — это макрокосм. Эпопея рассматривает жизнь в колоссальных масштабах. Она затрагивает могучие исторические события, судьбы народов и империй, катаклизмы и катастрофы. Если есть там личностный герой, то он нужен для озвучивания великих идей и показа глобальных процессов. Роман — это уже микрокосм и макрокосм «в одном флаконе».

Человек и общество, человек и стихия; человек и время. Или судьба. В романе появился герой с его бытом, мировоззрением и проблемами. Роман — это во многом частная жизнь отдельных личностей.

Сейчас, похоже, этот процесс дошел до логического конца. Герой вытеснил ВСЕ. Независимо от того, роман это или повесть, рассказ или сериал. Все сосредоточивается исключительно на герое — что с ним произошло, что он сделал. Выжил — не выжил, женился — не женился; сколько врагов убил и каким особо извращенным способом. Это и есть наивысшее проявление событийного восприятия финала — зацикленность на том, что произошло с главным героем и его спутниками. Интерес к личности героя уничтожил все планы: идейный и тематический, интеллектуальный и эстетический, аллюзийный и культурный. Стиль не нужен, культура излишня, слог мешает — дайте героя!

Здесь хочется выделить еще одну тенденцию. В последнее время читатель перестал любить — да и просто принимать — хэппи-энды. Пожалуй, фантастика заразилась этим вирусом от «большой литературы». Сейчас под хэппи-эндом понимают любой более или менее вменяемый финал, где не все умерли. Такое себе выборочное понимание счастья. Если полюбившийся герой (реже — парочка фаворитов) остался жив и в чем-то счастлив (выполнил миссию) — остальные персонажи вкупе с десятком планет могут катиться в ад. Финал объявляется счастливым.

И подвергается насмешкам.

Ладно, если выживший герой сидит по уши в дерьме и скоро помрет от проказы — такой финал автору еще могут простить. Но во всех остальных случаях, если не царит полная безнадега, чернуха и тотальный гаплык — это воспринимается как хэппи-энд. Реальные не-хэппи-акценты, присутствующие в финале, попадают в «слепое пятно», пролетают мимо восприятия.

Пожалуй, единственное исключение составляют заведомо юмористические вещи. Юмористам это прощается. Стоит же написать пусть ироничную, но при этом затрагивающую серьезные проблемы книгу, не изваяв к финалу в грязи всех и каждого — все, отторжение: так не бывает.

И снова мнения читателей:

— *Теперь о печальном. Оптимизм Олди и их позитивность играют скверную шутку с их сюжетами. В романе «Гарпия» это проявилось как-то очень уж мощно. Сразу понятно, что все кончится благополучно, что все начинания увенчаются успехом, кого надо — вылечат, кого надо — выпорют...*

— *Заявленная тема ксенофобии была продемонстрирована и спущена на тормозах. Показанные нам конфликты, которые, по идее, должны быть только цветочками, началом по-настоящему серьезного конфликта, рассосались сами собой без последствий. Получили хэппи-энд и во гарпиях благоволение. Почему?!*

— *Что у Олдей в цикле «Фэнтези» самое необычное, обращающее на себя внимание? На мой взгляд, это фантастически счастливые концовки произведений, неестественные ни в жизни, ни в творчестве.*

Чувствуете — будто говорит читатель, сидящий в концлагере! Не за

компьютером в теплой комнате, сытый и пьяный, — а за решеткой в темнице сырой! Только массовые погромы спасут революцию! Гильотину на площадь!

Очень показательно высказывание в адрес «Медного короля» Дяченко:

«Что я могу сказать — понравилось. Одно не понравилось — концовка как-то очень недостоверно получилась. И ведь самому до последнего момента хотелось чтобы всё кончилось хорошо, и герою сопереживал и сочувствовал, а вот гляди ж ты, как оно обернулось. Ну не верю я, что оно могло именно так всё разрешиться, хочется верить, но не получается, грызёт червячок недоверия...»

Если финал хоть частично хэппи, идет рефлекторный вал попыток найти в нем черную нотку. Свинцовые мерзости жизни — вот это правда без «розовых очков», вот так все бывает на самом деле, это настоящая литература, а все остальное — ложь и сопли с сахаром.

Так вот, официально вам заявляю от всех нас троих, исходя из собственного жизненного опыта и наблюдаемой вокруг действительности, данной нам в ощущениях: это ВРАНЬЕ! Вас обманывают, дамы и господа! Вам нагло лгут те, кто утверждает, что это и только это — правда жизни! Будь это правдой, человечество давно бы накрылось ядерным коллайдером или тектоническим сдвигом. В лучшем случае, не вышло бы из пещер. Оглянитесь! Мы собрались на фестиваль фантастики, обсуждаем проблемы литературы — жизнь продолжается, все нормально.

А те, кто вопит о «розовых очках» — попросту не замечают, что сами сморщат мир сквозь черные.

О. Ладыженский. Поиск «чернухи» в раздражающем взгляд хэппи-энде — это рефлекс, болезнь, спровоцированная современной культурой. Тому есть просто уникальные примеры. Итак, одна дама прочла «Путь меча»:

«В конце, в эпилоге, у главгероя всё хорошо. Признаком этого является то, что у него две жены (не волнуйтесь, дело на востоке, там можно), родившие ему за пять лет шестерых детей. Что не так? Восток, гарем, дети толпой... Бесправные бабы, которым на роду написано рожать. Не так то, что первой женой стала его прекрасная возлюбленная, соратник, умелый боец, из знатного рода. Второй женой — тоже дамочка не из последних, тоже умелый боец, девица не без амбиций. А тут рраз! — и они обе уже просто инкубаторы, без прорыву рожаящие ему детишек. И это вот называется хэппи эндом?»

Другая дама (или та же самая?) прочла «Ойкумену»:

«Мажорной концовка романа кажется только на первый взгляд. Хорошо ли то, что несчастная Юлия Руф на сносях сидит одна дома, а ее муж развлекается в компании друзей? Порядочный человек остался бы с женой. Из чувства солидарности. Все-таки любимая женщина на последних сроках беременности. До гулянок ли тут? А вудунская адвокатесса, которая в начале выглядела такой независимой и эмансипированной, принимает ухаживания богатого папика, как какая-нибудь гламурная блондинка. Фи!»

Д. Громов. Между прочим, в свое время была обратная тенденция. Мы прекрасно помним, как лет десять тому назад ситуация с восприятием

финала была едва ли не противоположной. «Черный», трагический, мрачный финал отторгался читателем. Читатель ужасался, сокрушался, не одобрял. Вот вам отзывы на роман «Нам здесь жить», где финал и впрямь был трагичен:

— *Вы что ж это делаете?!?! Нафига ж таких мрачностей — «все умерли»?!*

— *...книга показалась мне чересчур безысходной, что Олдям вроде бы не свойственно...*

— *...я все же надеюсь, что Вы не собираетесь делать и все последующие ваши произведения такими же... безнадежными.*

А теперь вдумайтесь: за эти годы читатель перестал воспринимать позитив. Перестал в него верить. Предпочтение отдано негативу. Сейчас бы такой финал восприняли «на ура». Кстати, и воспринимают — отзывы-то продолжают. Вы представляете, что это такое — доверять только «чернухе»?! (**Голос из зала:** «Жизнь-то налаживается!») Именно потому, что жизнь налаживается, в сытой Америке обожают хоррор. Скоро и у нас хоррор или, скорее, «чернуха» станет единственным видом литературы. Кушаем хорошо, слава богу!

А. Валентинов. Позволю себе все-таки выступить в роли адвоката. Понимаете, тут нет виновных. Писатель, читатель — не они виноваты. Беда в другом — сейчас общий уровень культуры, нравственности и этики стремится даже не к нулю, а к отрицательным величинам. Причина — одичание общества. Слишком уж далеко зашла децивилизация. То, что люди раньше воспринимали, как естественное, теперь оказывается выше их представлений о жизни.

Вернемся к фантастике. Традиции-то нету! Она прервалась, и давно. В свое время читателей сознательно отучили от нормальной литературной формы. Когда фантастику писали Куприн и Алексей Толстой, то все было в порядке и с финалом, и с остальным. Потом решением съезда Союза писателей фантастику перевели в разряд научно-популярной литературы. Тут художественность требовалась для ОЖИВЛЯЖА. И сколь ни сопротивлялись авторы, но их туда вгоняли кувалдой. Ты, братец, опиши чудо-аппарат, изобретенный профессором Петровым, покажи шпиона Штампса, который хочет этот аппарат украсть... В итоге из фантастики исчез полноценный РОМАН. Фантастику перевели в лучшем случае в жанр короткой повести, а по сути — в научно-популярный очерк, расцвеченный «литературкой». С этим наследством мы въехали в шестидесятые годы. Многие ли тогда писали романы в научно-фантастическом ключе? Нет, царила в основном короткая повесть. А потом пришла и культивированная «чернуха», как признак хорошего тона.

С этим мы въехали в современность.

Романы сейчас читателем фантастики не воспринимаются. Роман — настоящий роман — сложное произведение. Для тех, кто привык к повести, роман — нечто несъедобное. Лучший, на мой взгляд, фантастический роман 90-х годов — «Эфиоп» Штерна. Где отзывы? — да нет отзывов! Не

видят, не читают, не могут осилить. И не переиздают толком. А «Эфиоп»-то построен строго по законам романа. Кульминация, эпилог; развязываются буквально все узелки. Еще и поясняется вступлением — ну точно роман барочного типа!

Не восприняли: сложно!

Фантастика — великая вселенная. Солнце ее — конечно, читатель. Вокруг него вращаются планеты и кружится мировой эфир. Но обязанность писателя — держать планку. Писать, как в последний раз. Читатель должен видеть, что с ним не заигрывают — но ему и не лгут. Ему предлагают совершить совместное путешествие в интеллектуальный мир, которое имеет свое начало и свой финал.

Тогда к финалу мы придем вместе.

В. ГОРЕЦ

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПЕРЕВОДЧИКА (О ПОЛЬЗЕ ВОСЬМИНОГИХ СЛОНОВ)

В детстве я был уверен, что переводы книг во всём, кроме языка, идентичны первоисточникам и недоумевал, зачем кому-то может понадобиться читать их в оригинале. Изучение иностранных языков и чтение комментариев к академическому изданию «Алисы в Стране Чудес» поколебали мою уверенность. Тем не менее, я по-прежнему придерживался убеждения, что чтение оригиналов — не более чем гурманская прихоть любителей игры слов и тонких оттенков смысла. Пришли новые времена, рынок заполнился переводами западной фантастики, и моя вера в точную передачу переводчиками основных мыслей оригинала дала трещину. Правда, первое время я ещё склонен был списывать свою неспособность понять описание того или иного устройства на нехватку образования. Всё-таки техника за сотни лет продвинется вперед и выйдет далеко за рамки понимания современного инженера. Однако некоторые бытовые детали, вроде привычки военных будущих времен ходить в туниках, причём даже в холодную погоду, вызывали недоумение.

Как ни смешно, мелочью, с которой начался кризис веры в адекватность переводов, оказалось ругательство «бычье дерьмо», постоянно употребляемое героем одного произведения. Зная, что в подобном контексте обычно употребляется дерьмо собачье, в крайнем случае свинячье, я поведал о столь оригинальной авторской находке знакомому, хорошо знавшему английский. Он посмеялся над моей наивностью, а затем, переведя «бычье дерьмо» на английский и обратно на русский, получил на выходе «чушь» или «бред собачий». Заодно выяснилось, что туника после подобной трансформации превращается в прозаический мундир. Потрясённый, я достал из шкафа словарь и продолжил чтение. И открытия не заставили себя ждать. Например, неизвестные даже богословам библейские персонажи «Герод, убивший первого рождённого» и «Небучаднезар, разрушивший Первый храм в Иерусалиме» после простой транслитерации имён оказались Иродом и Навуходоносором. Первый успех окрылил меня, но головокружение от успехов быстро прошло, стоило мне наткнуться на энтомологическую загадку: «забытого в саду жука заппера». Юннатское прошлое, а также все доступные словари и справочники убеждали меня, что такого жука нет, но в книге он был! Возможно, это настолько редкое насекомое, что его держат в качестве домашнего животного и выгуливают в саду? Интеллектуальная гордыня и проснувшийся внутренний юннат заставили меня предпринять расследование. И вскоре в Интернете обнаружилась реклама, из которой стало ясно, что «баг заппер» это просто электрическая ловушка для жуков. Летит жук на свет, а натывается на сетку с высоким напряжением. И никаких романтических прогулок по саду с любящим хозяином.

Случай с «заппером» привел меня к заключению, что кроме словаря переводчику неплохо также заглядывать в справочную литературу. Фраза же, в которой один и тот же объект назывался то звездой, то планетой, навела на мысль, что знакомство со школьным курсом физики и астрономии тоже не было бы лишним. Все эти мысли я высказал в сети, на что мне ответили, что не стоит требовать слишком многого от человека, который за небольшие деньги переводит «на вчера» свой небольшой кусок из нечитанной целиком книги. «Это обычное явление в мелких издательствах, — сказали мне. — Вот во флагманах издательского дела, где кроме высококвалифицированных переводчиков имеются не менее квалифицированные редакторы и корректоры, а кое-где даже и консультанты, картина совсем другая».

Устыдившись, я решил больше не обижать маленьких и перейти на продукцию солидных издательств. Вскоре мне попала в руки книга, выпущенная издательством, название которого слишком хорошо известно, чтобы его упоминать. Тринадцатитысячный тираж превосходил тираж раскритикованной мною книги почти в два раза. Всё говорило о солидности. И первых сотни две страниц вполне подтверждали слова моих сетевых оппонентов. Но затем вдруг поменялась терминология и начались загадки. Разобраться с терминами было проще, поскольку некоторые из них относились к объектам, встречавшимся раньше. Например, вызывающая жутковатые фрейдистские ассоциации «утроба-аналог» после перелистывания уже прочитанного оказалась всего лишь «псевдоматкой». Труднее было с термоядерным двигателем, который до конца второго тома успел побывать и реактивным, и даже загадочным «двигателем плавления». А вот фразы о «питательных glandax» космического полипа, инопланетянке, имевшей тело, «стоявшее на восьми, как у слона ногах», и полях, столь огромных, что фермеры «едва успевали резать выросших там пресмыкающихся», вновь пробудили во мне остатки юннатской чести. Уж я-то знал, сколько ног у слона!

На этот раз стремление к истине заставило меня пойти дальше и добыть текст на языке оригинала. И тут же многочисленные загадки нашли своё простое решение. «Питательные glandax» стали питательными железами, инопланетянка стояла на восьми слоновьих ногах, а фермеры не ходили по колено в крови, потроша змей и ящериц, а всего лишь пропалывали ползучие сорняки. Раскрылись и другие тайны. «Мультигенерационная межзвездная арка» оказалась кораблём-ковчегом, рассчитанным на полет в течение жизни нескольких поколений. «Вёсельные лодки», вместимостью несколько сот человек, стали колёсными пароходами, а Халтейн Марш, которого плывущая на таком пароходе героиня целую неделю «могла разглядеть скорчившегося на корточках на северном берегу», из зловещего сексуального маньяка превратился в зловонные Халтейнские болота. Изыщный парень с «толстыми волосами» оказался густоволосым, из ран разведчика перестала течь «мокрота», а потекла более характерная для ран физиологическая жидкость, а «фрагментационные» гранаты и пули стали разрывными. Правда куколка насекомого, «раскрывающая свои

крылья навстречу солнцу», так и осталась куколкой («Ну, тупые!» — подсказал мне внутренний Задорнов).

Вооружась новыми цитатами, я вновь вышел в сеть. «Неплохо было бы, — заявил на этот раз я, — чтобы переводами занимались люди, уровень эрудиции которых соответствует хотя бы уровню человека, честно отучившегося в средней школе. Пусть не на «отлично», но на твердое «хорошо». Еще лучше было бы, если бы фантастику переводили люди, которые её читают и имеют представление о часто встречающихся в ней идеях и объектах». Со мной согласились и признали, что качество перевода оставляет желать лучшего, заметив, тем не менее, что трудно ожидать от издательств особой тщательности при выпуске низкопробного подросткового чтива, вроде фантастики. Моё мнение о фантастике вообще и о прочитанных произведениях в частности, было совершенно иным. Однако возражать я не стал, памятуя, что отношение к фантастике является вопросом религиозного характера и совершенно не зависит от реальных достоинств и недостатков произведений данного жанра. Вместо возражений я взял прекрасно изданный перевод книги крупнейшего западного политолога и углубился в чтение. Увы, и ещё раз увы! Восьминогих слонов здесь, конечно, не встречалось, но английские фразы, построенные из русских слов, и термины, отличающиеся от общепринятых в русскоязычной литературе, водились в изобилии.

Во время очередной критической вылазки в сеть утомлённые моими придирами коллеги (да-да, уже коллеги, поскольку в ходе лингвистических расследований уровень моего знания английского заметно вырос, и я сам стал заниматься переводами) спросили:

— Скажи, если бы тебе дали текст и неограниченное количество времени для работы с ним, пообещав при этом заплатить столько, сколько ты сочтёшь справедливым, не вылизал ли бы ты до блеска каждое слово и предложение?

— Конечно бы вылизал! — ответил я.

— А если бы времени было недостаточно, да и предмет не очень знаком?

— Я бы приложил все усилия, но, думаю, ошибки были бы неизбежны.

— Так почему же ты ищешь соринки в глазах ближних своих?

— Но ведь приведенные мною «ляпы» явно допущены не просто усталыми людьми, а халтурщиками, не считающими нужным даже заглянуть в словарь!

— Видишь ли, халтурное качество работы переводчика вообще не должно волновать читателя. Читатель потребляет конечный продукт, а переводчик, даже самый старательный и квалифицированный, производит не более чем полуфабрикат. Станешь ли ты винить лесоруба за плохое качество мебели? Отбор качественных материалов — проблема мебельщика, а не покупателя шкафа. Чем лучше будут обработаны купленные мебельщиком доски, тем меньше ему самому придётся доводить их до ума.

— Если только ему не всё равно, что выпускать — шикарные ложа или тюремные нары. Похоже, многие редакторы переводов в отечественных и ближнезарубежных издательствах вовсе и не читают книг, в выходных

данных которых стоят их фамилии. Во всяком случае книг фантастических. Зачем? «Пипл хаваает» и так, возможности вернуть книгу из-за плохого качества перевода не существует, а оценить качество, не купив книги, сложновато...

«Расслабься, — сказал мне внутренний голос. — Почитай лучше Лема или Сапковского. Они ведь пишут на польском, а с польского пока берётся переводить далеко не каждый выпускник двухнедельных ускоренных курсов»¹.

«А и в самом деле, что мне больше всех надо?» — подумал я, лёг на диван и предался мечтаниям о тех счастливых временах, когда издателей вновь начнёт волновать качество самого перевода, а не только его полиграфического оформления...

Дотошный читатель может полюбопытствовать: «А в чём же, собственно, польза восьминогих слонов?» Неужели не очевидно? Именно благодаря этим милым созданиям я стал читать книги иностранных авторов в оригинале. Конечно, немного жаль мою детскую веру, зато теперь я могу с лёгким высокомерием поглядывать на тех, кто вынужден разгадывать ребусы, в которые превращён вполне приличный от рождения текст. Вот только, надолго ли им хватит энтузиазма?

***P.S.** Все приведенные «ляпы» взяты из реальных книг, выпущенных реальными издательствами. Автор не называет их лишь потому, что они отнюдь не являются исключениями.*

¹Общаясь уже после написания этой статьи с людьми, знающими польский, я понял, что мой внутренний голос был чрезмерно оптимистичен. Недаром Анджей Сапковский всякий раз, когда речь заходит о переводах его книг, вспоминает итальянскую поговорку «traduttore – traditore», что означает «переводчик – предатель». Придётся, видимо, учить ещё и польский. Хорошо хоть, большая часть фантастики в мире пишется на английском или русском языках. А если небывалый взлёт фантастической литературы произойдёт в Китае?

ККК72

56 ГРАНЕЙ ТАЛАНТА

Святослав Логинов. Закат на планете Земля.
— М.: АСТ, 2009. — 576 с.

Святослав Логинов — один из наиболее уважаемых мною отечественных авторов. Еще в середине 1990-х годов я прочел «Многорукую богиню далайна», который считаю одним из сильнейших произведений отечественной фантастики, и сборник «Страж перевала», произведший на меня сильное впечатление. С тех пор я убедился, что Логинов — настоящий Мастер. В лучших своих произведениях он способен как-то очень неброско, исподволь, завладеть вниманием читателя и поразить его в самое сердце глубиной своих мыслей и чувств.

Еще одна особенность творчества Логинова — он чрезвычайно разнообразен. В отличие от многих авторов, которые, написав удачное произведение, с остервенением рудокопов разрабатывают свою золотую жилу до полного истощения, Логинов никогда не грешил написанием многотомных «опупей». Зато рассказы и даже микрорассказы — его конек. В своих рассказах Логинов не боится постоянно экспериментировать с формой и стилем. В большинстве случаев его творчество довольно характерно и узнаваемо, но нередко читаешь рассказ и все хочется проверить — да точно ли это Логинов. Впрочем, у всего есть две стороны. Отнюдь не всегда эксперименты Логинова оказываются удачны, и иной раз его рассказы вызывают у меня чувство недоумения. К счастью, это случается редко.

Исходя из всех этих соображений, едва узнав об издании нового, масштабного сборника Логинова, я начал за ним охоту, которая и завершилась успешно в Киеве. Увы, маленький тираж сборника может привести к тому, что уже вскоре после выхода книга может стать библиографической редкостью.

Должен сказать, что этот сборник — своеобразное явление в издании фантастики. Перед нами — почти полная подборка лучших произведений автора в малой форме за двадцать с лишним лет, да еще снабженная очень интересными авторскими комментариями. Насколько мне известно, из всех отечественных фантастов только у Евгения Лукина был издан подобный же том. Лично мне было очень интересно не просто читать отдельные рассказы, но и следить за эволюцией творчества Логинова — от «исторического» пери-

ода в его творчестве к «экспериментальному», а затем к «деревенскому».

Открывают сборник десяток микрорассказов. Мое отношение к этой форме довольно сложное. Микрорассказ либо попадает точно в сердце читателя, либо проносится мимо, не задев мыслей и чувств. Увы, среди этих рассказов есть симпатичные, но большинство из них оставили меня равнодушным. Больше всего запомнилась «Денежная история».

Следующий десяток рассказов можно назвать «исторической фантастикой». Вот здесь Логинов развернулся вовсю. Не могу не отметить отличное знание автором реалий средневековья. Большинство этих историй — умные, жесткие, заставляющие думать и чувствовать. Единственное, что меня смущает — слишком уж откровенная антицерковная направленность большинства из этих рассказов. И все же именно в этой части сборника у меня больше всего высоких оценок. Особенно хороши «Смирный Жак», «Ганс Крысолов», «Быль о сказочном звере», «Во имя твое». Жаль, что в последнее время Логинов не так часто возвращается в своем творчестве к исторической тематике.

Следующие десятка полтора рассказов хочется назвать «Экспериментальными». Станные, причудливые, необычные истории. Одни из них совершенно реалистичны. Другие — полнейший сюрреализм. Нередко обыденная история вдруг завершается совершенно необычным финалом, как в рассказе «Фундамент», а «Часы» вообще достойны пера Филиппа Дика. Увы, не все эксперименты автора показались мне удачными. Больше всего запомнились «Автопортрет», «Часы», «Высокие технологии» и совершенно безумное «Яблочко».

Еще десяток произведений — так называемая «деревенская фантастика», совершенно необычное явление для наших фантастов. Эти рассказы, мудрые и зачастую печальные, хоть и содержат в большинстве своем немало фантастического, скорее напоминают творчество Тургенева или Льва Толстого, чем наших современников-фантастов. Вообще-то я совершенно не являюсь поклонником деревенской прозы, но автору удалось неоднократно заставить меня в этом усомниться. Особенно выделяются удачный цикл «Замощье», «Машенька» и удивительный философский «Огород».

Лишь несколько произведений, вошедших в сборник, относятся к классической фантастике. Из них стоит выделить «Землепашца». Но особенно сильное впечатление на меня произвела заглавная повесть «Закат на планете Земля». Она как бы задает темп и настроение всему сборнику — неспешное, мудрое и грустное размышление о смысле жизни.

Я считаю сборник одним из наиболее удачных изданий отечественной фантастики за последнее время. Рекомендую его всем, кто хочет получить достаточно полное впечатление о творчестве Логинова или просто насладиться интересными, необычными, умными рассказами. Надеюсь, что обещанный второй том малой прозы Логинова тоже увидит свет.

ККК72

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ?

Сергей Лукьяненко. Недотепа. — М.: АСТ, 2009. — 512 с.

В первой половине 2000-х годов Сергей Лукьяненко по праву носил титул некоронованного короля русскоязычной фантастики. Его лучшие романы вызывали восторг читателей с самыми разными литературными вкусами, огромные тиражи разлетались в считанные дни, и даже самые строгие критики не могли не признавать очевидное литературное мастерство Сергея.

Однако, с середины 2000-х ситуация изменилась. Уже «Последний дозор» показался многим читателям излишней эксплуатацией одной и той же темы, в дилогии

«Черновик/Чистовик» автору явно не удалось до конца использовать все возможности своего текста, а уж «Конкуренты» и вовсе трудно считать творческой удачей. И вот, когда в среде любителей фантастики повсюду пошли разговоры о том, что Лукьяненко исписался, Сергей предоставил на суд читателей свой новый роман «Недотепа».

Получившийся результат меня несколько удивил. Неожиданно Сергей написал книгу совсем в другой манере, чем та, к которой уже все привыкли. В итоге общее впечатление от книги осталось очень позитивное, хотя дать оценку ей оказалось сложно.

Итак, первая особенность «Недотепы» — книга подчеркнута нереалистична, сказочна и развлекательна. Начинается она с того, что согерцог Гриз совершает переворот, в результате которого согерцог Солье и его жена гибнут, а их сыну Триксу удастся спастись. Интригующее начало, дающее богатые возможности для развития сюжета. Представляю себе, как продолжили бы роман с таким началом, например, Дяченко, как ломала и корежила бы жизнь главного героя, как, поддерживаемый жаждой мести, он мучал бы телом и черствел душой, как через много лет уже в конце романа он добрался бы, наконец, до своих врагов и вырезал бы все семейство, оставив в живых только мальчишку, и как раскаивался бы, осознав, что сам совершил злодеяние. В общем, поклонники психологической фантастики в восторге, а граф Монте-Кристо нервно курит в сторонке.

Так вот, ничего этого в романе Лукьяненко нет. Трикс попадает в большой мир, и начинаются приключения, разнообразные и

увлекательные, но при этом есть совершенно четкое ощущение, что все как будто понарошку, что с героем не случится ничего плохого, а все препятствия будут успешно преодолены. В итоге перед нами — классический подростковый приключенческий роман. Чувствуется сходство то с приключениями Тома Сойера и Гека Финна, то с первыми «Мифами» Асприна, а иной раз Трикс и вовсе напоминает слегка выросшего Буратино.

Вообще создается впечатление, что Лукьяненко махнул рукой на все высокомудрые советы и претензии к нему, и решил написать книгу без всякой задней мысли, что называется в свое удовольствие. Вот так же, в свое удовольствие, книга и читается. Одно увлекательное приключение сменяет другое, герой поминутно попадает в передряги и с такой же легкостью из них выпутывается, находит новых друзей и справляется с врагами.

Чтение иной книги так и хочется сравнить с поиском сокровищ в глубоководных пучинах. Вместе с автором ты погружаешься в темные бездны человеческого подсознания, шарахаешься от обитающих там жутких страшилищ, мучаешься от страшной тяжести, сдавившей грудь, от недостатка свежего воздуха, но если повезет, то в крошечной тьме удастся отыскать золотую искорку и вынести ее на свободу. «Недотепа» совсем не таков. Читаешь его — и будто в жаркий летний день скользишь по поверхности моря на водных лыжах. словно мощный катер, автор с огромной скоростью несет тебя по сюжету, и ты не успеваешь притормозить и осмотреться, только скачешь по страницам, как по волнам, в головокружительной скачке, от которой захватывает дух. Все очень здорово, а когда пытаешься описать свои впечатления, помнишь только восхищение от скорости, восторг от резких виражей и какие-то яркие пятна по сторонам.

Кстати, о ярких пятнах. Лукьяненко включил в свой текст огромное количество всевозможных аллюзий на современную действительность и другие художественные произведения. Иногда это выглядит довольно искусственно, когда пекарь Дмак начинает делиться своими планами по изготовлению быстрой еды.

Но очень часто Лукьяненко ухитряется вставить тонкие намеки на редкость удачно. Например, запомнилось заявление о том, что иной раз маги превращают нерадивых учеников в вешалки для одежды, или фраза «хотя не было золота в Серых горах». Узнали, откуда это? Внимательному читателю доставит массу удовольствия поиск подобных намеков, щедрой рукой автора разбросанных по всей книге. При этом автор постоянно иронизирует над различными штампами фантастики, успеет пожаловаться на горькую долю волшебников, ненавязчиво намекая на себя, и еще неоднократно повеселить и удивить читателя. В общем, по стилю «Недотепа» скорее похож на трилогию Успенского о Жихаре.

Герои романа, даже злодеи, симпатичны, забавны и очень типичны. Такое впечатление, что автор и создавал их нарочито картонными, как куклы в театре марионеток. И только время от

времени совершенно типовой герой вдруг начинает думать и действовать как живой человек, искусно спрятанный в манекене.

Вот так и идет роман весело, увлекательно, легко, но довольно поверхностно к своей концовке и здесь автору удалось меня еще раз удивить.

Концовка романа написана совершенно в духе Честертона с его неодолимой верой в торжество правильных идей, в победу простодушной честности над хитроумным коварством, в пренебрежение к материальным благам и одновременную тягу к самосовершенствованию.

Вывод. Роман стоит прочесть всем, кто любит качественную развлекательную литературу, кто ценит изящную литературную игру, кому хочется просто отдохнуть и насладиться хорошим авторским стилем. Если вы предпочитаете психологическую достоверность и глубину, роман вас, скорее, разочарует.

Ну и напоследок:

*Я замысел простой осуществил,
На час наполнив радостью сердца
Мальчишки, что едва на взлете сил,
Иль мужа славного с душой юнца.*

Мне кажется, именно эти слова лучше всего характеризуют роман Лукьяненко

ОЛЕГ СИЛИН

МЫ, НЕМИЛОСТИЮ БОЖЬЕЙ...

Ольга Онойко. Дети немилости. – М.: АСТ, АСТМосква, Харвест, 2009. - 544 с.

Не стоит сразу же судить книгу по одежке, т.е. по обложке. Изображенный на ней эпизод, конечно, имел место быть, но он соотносится с сюжетом романа примерно так же, как, например, беседа Привалова со щукой с сюжетом «Понедельника» Стругацких.

Представьте длинную шахматную партию, наблюдать за которой мы начинаем не с первого хода. Действие в начале книги нелинейно, автор часто прибегает к ретроспективе, описывая события, отстоящие от текущих когда на два года, а когда и на двести или две тысячи лет. Таким образом, у читателя складывается, во-первых, чёткое представление о мире, в котором происходит действие, а во-вторых — понимание мотивов, движущих персонажами. И когда они начинают действовать — то из кустов не появляются рояли: весь оркестр нам уже представлен.

Раз в пятьсот лет два величайших государства схлестываются в великой битве. Каждый раз проигравшее государство стирается с лица мира. В гигантскую шахматную партию вступают королевство Выси и королевство Бездны, причём через пятьсот лет бывшая Бездна может стать Висью и наоборот. Но Вись побеждает всегда. Таков ход истории predeterminedный извечным противостоянием двух божественных сил. Он вечен — или же нет?

Вера и религия занимает важное место в мире «Детей немилости». Большая игра описана в учении арсеитов, её течение и последствия известны. И, хотя книга преданий и носит название «Легендариум», она не являетсяместилищем легенд. Она описывает реальное мироустройство, где само течение времени определяется пронизывающей всё сущее магией. Ходы фигур и их функции известны задолго до начала партии.

История повествует нам о людях, которые не хотят играть навязанную им роль и не хотят войны. Теоретически их действия predeterminedлены, но при этом герои больше всего ценят свободу воли и возможность поступать по своему желанию. Император могущественной Уарры Морэгтаи не хочет видеть смерти своей страны, которой в текущем цикле назначена роль Бездны. Горянка Юцинеле не хочет видеть смерти своего народа, оказавшегося в жерновах между двумя сильнейшими державами. Кажется, принцесса Лириния тоже не хочет войны. И великие маги Выси и Бездны, похоже, тоже

склонны сохранить мир. Удастся ли им всем сломать предопределенность — ответ на этот вопрос мы узнаем в конце книги.

Но не всё так просто. Роль случайности практически безгранична. Где-то не хватило информации, где-то личные интересы стали выше борьбы с магической предопределенностью, где-то кто-то струсил — и война надвигается в полный рост.

Примечательно, что военные столкновения напрямую не показаны. Всё решается не на поле боя, а в штабах и башнях магов. Военная сила не в состоянии решить судьбу мира, её решит только вера, трезвый холодный расчет и совместные действия очень разных людей.

И в книге они действительно разные. Отлично прорисованы характеры персонажей, каждый из них индивидуален, и его сложно перепутать с остальными. В ткани произведения каждый персонаж важен, каждый совершенный или не совершенный поступок оказывает влияние на сюжет. Живые, не-живые и магические существа готовы дать бой во имя свободы.

Однако надо отметить и недостаток данного произведения. Это, как ни странно, его объём. Автор оказалась во власти созданного ею мира и хотела показать его читателю во всём разнообразии. Возможно, стоило основную часть повествования сократить примерно на двадцать-двадцать пять процентов, дав при этом в конце дополнительные материалы, относящиеся к социокультурным и историческим особенностям данного мира. Не исключено, что в свете дополнительных фактов книгу захотелось бы немедленно перечитать.

Как-то Владимиру Ареневу пеняли: «Ваш «Магус» невозможно читать! Только-только начинается действие — и тут вы какие-то философские эссе вставляете! Зачем герой рефлексировать, мочить же врага надо! Ох уж эта харьковская школа...»

Киевлянин Аренев отшучивался.

Пожалуй, «харьковская школа» обрела ещё одного представителя — москвичку Ольгу Онойко. Недаром она стала «лучшим молодым писателем Европы» от Украины. И награда эта совершенно заслужена. Потому что автору в очередной раз удался *роман*.

МАРИНА КОМИССАРЕНКО, БОРИС СИДЮК

ОТКРЫТИЕ ИТАЛИИ

В 2007 году в Копенгагене, когда украинская делегация голосовала за место проведения ЕвроКона-2009, об итальянском фэндоме и о проводящихся в Италии конвентах нам было известно совсем немного. Конечно, было известно, что самый первый Еврокон прошел в итальянском городе Триесте в 1972 году, что именно в Италии зарегистрирована официальная штаб-квартира Европейского общества научной фантастики, что там все еще существует местное отделение некогда могущественной писательской организации World SF. А еще легенды. Например, о первом прорыве советского фэна №1 Бориса Завгороднего на западный конвент, или о фантастических похождениях любимца публики писателя Роберто Квалъи. Так получилось, что довольно сильный итальянский фэндом выпал из общеевропейских процессов на длительный промежуток времени. Ведь последний крупный международный конвент в этой стране прошел в далеком 1989 году в Сан-Марино. Хотя формально еще раньше — в 1980 году в городе Стресса. Вероятно, именно поэтому итальянская заявка и победила очень сильного конкурента, финский национальный конвент Finncon. Итальянцы решили поступить красиво — и европейский конвент провести, и себя Европе показать. Поэтому Еврокон 2009 года фактически стал

Вручение наград: Йен Уотсон изображает Сергея Лукьяненко

тройным — вместе с Евроконом проводились итальянский национальный конвент Italcon и конвент любителей космической фантастики DeepCon. Собственно, организатором итальянского Еврокона выступил клуб любителей Star Trek под названием Deep Space One. В целом, Италия фантастическая была для нас в определенном смысле Терра Инкогнита. И ее стоило открыть.

Дабы разведать, чем же так хорош ЕвроКон по-итальянски, мы и отправились сначала в итальянское посольство за визами, а по-

| Вручение наград: Флора Стальяно и Марина Сиртис

том и в прекрасную Италию за новыми впечатлениями и, если повезёт, друзьями. Сразу скажем: повезло. И с визами, и с впечатлениями, и особенно с друзьями. Украинской делегации довелось сполна почувствовать всё дружелюбие и приветливость хозяев и вынести все тяготы потрясающе доброго, уютного и интересного конвента.

А как в Италии кормят! Если вам скажу, что национальное достояние Италии, это ее римские развалины — не верьте. Истинное сокровище страны на Апеннинском полуострове — кухня. Тут умеют и любят готовить. И чуть ли не до смерти закармливать гостей.

Впрочем, мы несколько отвлеклись. В этом году на ЕвроКон из Киева отправилась довольно представительная делегация. Старую ЕвроКоновскую гвардию представляли: участник множества конвентов, старинный, но вовсе не старый киевский фэн Александр Васильковский, ваши покорные слуги и восходящая звезда украинского и мирового фэндомы Андрей Сидюк, ухитрившийся в свои нежные три с половиной года побывать на восьми конвентах, в том числе на трёх ЕвроКонах. С нами отправился и единый в двух ехидных лицах писатель

Владимир Аренев, он же критик Владимир Пузий. Новобранцем зарубежных ЕвроКонов стал редактор отдела рукописей нашего журнала Сергей Пальцун.

Из года в год итальянские конвенты DeepCon проходят в небольшом курортном городке Фьюджи, что в 80 километрах от Рима. Время организаторами вы-

Владимир Пузий получает награду от имени Марины и Сергея Дяченко

брано очень мудро — перед самым стартом сезона, когда уже тепло, но цены на курорте еще не задраны до Пляед. О лечебных свойствах местной воды было известно еще с незапамятных времен. Ее поистине фантастические возможности и привели к превращению древнего городка во всеитальянский бальнеологический курорт. Сам город так и оказался условно поделен на две части — средневековый, со сложным лабиринтом узких улочек, Верхний город, и блистающий огнями гостиниц курорт у его подножия. Ох, не зря строители DeerCona выбрали именно это место. Где еще, как не на стыке древности и современности, могут рождаться яркие фантастические идеи.

Местом проведения конвента была уютная гостиница «Амбашятори». На несколько дней она стала центром фантастической Европы. Кроме самих итальянцев и нашей делегации в конвенте участвовали представители еще двух десятков стран, причем не только европейских. Почетными гостями Еврокона были писатели Сергей Лукьяненко (Россия), Ян Уотсон (Великобритания), Брюс Стерлинг (США), Джузеппе Липпи (Италия), актеры Марина Сиртис — звезда сериала *Star Trek: The Next Generation*, Энтони Симко — Ка

Борис Сидюк получает награду от имени Ольги Онойко

Владимир Пузий рассказывает о состоянии дел в украинской фантастике (Борис Сидюк в роли переводчика)

Д'Арго из сериала *Farscape*, Макс Гроденчик — Ром из сериала *Star Trek: Deep Space Nine*. Среди других гостей были Джеффри Лэндис, Мари Турзильо, Лолита Фатьо, Эрик Стилвелл, Ларри и Джанет Немечек. Почетным фэн-гостем выступил Борис Сидюк.

Программа конвента была чрезвычайно насыщенной

и шла в три параллельных потока. В первый день сразу же после открытия состоялось выступление с дискуссией о современном состоянии дел в американской телевизионной фантастике. Чуть позже перед аудиторией выступил знакомый нам по Киеву немецкий писатель Томас Мильке. Блистатель-

Украинская вечеринка: Александр Васильковский рассказывает Сергею Пальчуну и Брюсу Стерлингу о достоинствах крымских вин

но обыграл тему искусственного интеллекта Ян Уотсон. Завершил первый день доклад итальянской группы по изучению паранормальных явлений об НЛО. Официальная часть программы первого дня на этом закончилась. Но началась неофициальная. А точнее Жоркон, как мы его окрестили, а офици-

ально — Eatcon. Не зря, не зря итальянская еда считается одной из лучших в мире. Было чем итальянцам похвастаться, ведь Жоркон необычное мероприятие — на него участники Италкона со всей Италии привезли свои местные продукты, коими угощали друг друга и иностранных участников. Сказать, что было вкусно — ничего не сказать.

Программа следующего дня началась с выступления президента ESFS, а по совместительству, знатока британской телефантастики, Дэвида Лалли, который и поведал собравшимся о состоянии дел в фантастической телиндурии Туманного Альбиона. О программе исследования Марса рассказал Джефффри Лэндис. Об интересах Италии в космосе поведали представители итальянского космического агентства. Прошли круглый стол, посвященный творчеству недавно ушедшего патриарха итальянской фантастики Лино Альдани, встречи с Брюсом Стерлингом и Энтони Симко. Карлос Суховольски ознакомил с состоянием дел в испанской фантастике, а Владимир Пузий — в украинской. Параллельно шла итальянская программа, и проходило рабочее заседание европейского общества научной фантастики, на котором обсуждались изменения в устав организации и выдвигались номинанты на европейские награды, а также кандидатуры на право проведения Еврокона-2011 года. Совместный польско-чешско-словацкий оргкомитет Еврокона-2010 в Цешине провел свою презентацию. А вечер этого дня запомнили все участники Еврокона. Ведь украинская делегация устроила национальную вечеринку с ук-

Украинская вечеринка: Итальянский солист промачивает горло перед исполнением «О соле mio»

| Старый Фьюджи

раинским вином, горилкой и салом. Живущая в Испании русско-украинская писательская пара Юлия и Ларисы Ивановичей добавила драйва исполнением украинских песен под гитару. Веселье передалось всем. Итальянцы еще раз доказали, что не зря считаются музыкальной нацией. После украинских песен итальянцы хором великолепно спели знаменитую «О соле мио».

На третий день в основном проходили мероприятия итальянских конвентов Italcon и Deerson, а также встречи участников конвента с актерами. Следует отметить одну интересную особенность итальянских конвентов. Награды вручаются не на закрытии, и даже не на банкете, а после всех мероприятий. Церемония награждения началась почти в полночь. Мы с некоторой опаской поглядывали на стол, заставленный призами. Итальянцы не только любят вкусно поесть и красиво петь, но и вручать друг другу самые разнообразные награды. По крайней мере, наград Италкона было никак не меньше трех десятков. Но нас в первую очередь интересовали награды ESFS. Часа через полтора дошла очередь и до них. Итак — лучшим писателем стал Роберто Квалья (Италия). Итальянцам достались еще два приза — лучшим художником признали Франко Брамибилью, а лучшим переводчиком — Флору Стальяно. Лучшим журналом стал шведский Nova SF, а издательством — венгерский Metropolis Media. Лучшим фэнзином назвали немецкий Andromeda Nachrichten. Англичанин Кристофер Прист заслуженно стал Европейским Гранд-Мастером. Достались награды и украинцам. Лучшим промоутером фантастики в Европе признали Бориса Сидюка, а лучшими авторами постановки стали Марина и Сергей Дяченко за сценарий мультфильма «Театральный роман». Не обделили и молодых авторов. Лучшими дебютантами признали представлявшую Украину Ольгу Онойко, Дмитрия Колодана (Россия), Дана Побоша (Румыния), Кшиштофа Пискорского (Польша) и группу юных болгарских писателей «Свет сквозь Сумрак». Местом проведения Еврокона 2011 года будет Стокгольм (Швеция).

Всегда жаль, когда конвент заканчивается. Не хотелось покидать гостеприимный город Фьюджи. Но впереди нас ждали загадки древнего Рима, изучать которые отправилась украинская делегация. И честное слово, трёх дней для Рима оказалось очень мало. И как в Италии кормят...

АЛЕКС МУСТЕЙКИС, ОЛЕГ СИЛИН

ПОРТАЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 2009 год мы вступили с определенными опасениями: будет ли в этом году конвент в Киеве как таковой? Худшие ожидания не подтвердились и «Портал» вновь открыл фантастическую весну в Украине.

По доброй традиции конвент проходил одновременно с книжкой выставкой «Мэдвин». Её президент, Эдвин Михайлович Задорожный принял участие и в работе оргкомитета «Портала».

Мероприятий в этом году было меньше чем обычно, что позволило участникам конвента посетить всё, что им хотелось, не мучаясь необходимостью выбора лучшего среди двух-трёх хороших. А нам позволит посвятить хоть по одному абзацу почти каждому мероприятию.

На открытии президент ассамблеи Сергей Дяченко предложил гостям высказаться на тему детской литературы и кризиса — парламентского и всеобщего. Гости в лицах Дмитрия Быкова, Г.Л. Олди и Андрея Валентинова были единодушны: кризисы проходят, а литература остается. Также на открытии конвента прошло вручение призов победителям второго конкурса украиноязычного фантастического рассказа «Зоряна Фортеця».

Доклад Михаила Назаренко раскрыл присутствующим глаза на место фантастических фильмов и фантастики вообще в общем потоке культуры, включая комиксы. И даже особенно комиксы! В частности, все узнали, что Гоголь — украинский писатель в рамках общерусской литературы, и не великорусский ни в коей мере. При этом ни разу не прозвучало слово «дискурс», что показало высочайший уровень доклада.

Доклад Андрея Валентинова традиционно вызвал бурную дискуссию как в зале, так и за его пределами, а впоследствии и в интернете. Мастер обратился к

| Булгаковский бал, Дмитрий Быков произносит тост

теме произведений «Самиздата» и замкнутой интернет-тусовки с предостережением, которое можно сформулировать примерно как «Тесные связи ведут к вырождению».

Круглый стол. На сцене круглого стола как такового не было: был прямоугольный. Что, очевидно, послужило причиной высказывания совершенно перпендикулярных мнений как о «Белой гвардии», так и вообще о Булгакове. Начиная от превосходных эпитетов «пророческий», «мистический», «воодушевлённый» с одной стороны и заканчивая определениями «антиукраинский», «бездарный», «непрофессиональный» — с другой. Как ни странно,

скандала не получилось, и даже были попытки примирить эти крайние взгляды. Впрочем, попытки, как всегда, ни к чему не привели, и участники остались при своих мнениях. Несомненно, тема закрыта не была и будет ещё не раз подниматься на последующих «Порталах», а также в кулуарах и — особенно — на Булгаковских балах, ставших уже традиционной частью конвента.

Булгаковский бал, а точнее, балобанкет, несомненно, было ярчайшим событием дня, а ещё точнее — целым веером ярчайших событий. Без сомнения, ценность мероприятия была и в том, что не было

Какой же бал без Маргариты!

разделения на ведущих-докладчиков и ведомых-зрителей. Все были равноправны, все были в равной мере допущены до столов. И хоть в этом году с выдачей униформы было напряжно, всё равно то тут, то там мелькали чёрные плащи, сверкающие стразами маски, поблёскивали шпаги, кинжалы и заколки. На балу были даже замечены личности, более нигде не появлявшиеся, видимо, принесённые в зал явно волшебной силой. Так, вокруг столов кружил Лео, скользивший по паркету словно на коньках, а в глубине застолья бушевал запрещённый писатель Березин, в знак протеста надевший футболку с изображением обложки своего самого провокационного романа. Среди участников были замечены два д-ра Хауса разной степени небритости и упитанности; каждый имел при себе аутентичную трость и бьющий через край сарказм. Разумеется, был повод пообщаться с кем угодно: с Олдиями, с Дяченками, с Быковым, и, хотя традиционной «олдёвки» на столах замечено не было, поводов для поднятия бокалов было предостаточно. А за пределами банкетного зала гремела дискотека, настоящая, олдёвая. Вечер, венец первого дня конвента, несомненно, удался.

На второй день конвента было запланировано несколько интересных мероприятий. День открылся презентациями фантастических конвентов России и Украины. Перед гостями выступили представители «Интерпресскона», «Серебряной стрелы», «ФантОРа», «Созвездия Аю-Даг» и «Звездного моста». Отдельно хочется отметить презентацию романного мастер-класса Г.Л.Олди и Андрея Валентинова. Сам принцип мастер-класса восходит к собраниям в Дубултах и Малеевке, а проводится он будет в Партените при непосредственном участии организаторов «Созвездия Аю-Даг». Как видим, нас ожидает насыщенный фантастический год.

Дмитрий Быков на встречу пришел с нетбуком, с которого читал стихи. Начал он с предпремьеры — гости ассамблеи первыми услышали письмо счастья «No escarağan», которое вышло в свет в Москве только спустя два дня. Далее были старые и новые стихи и ответы на вопросы — как всегда едкие и с юмором. Стихи Быкова желательно слушать в авторском исполнении или представлять как он их читает, ибо это придает им особый колорит.

Гнери Лайон Олди, а также Андрей Валентинов масштабно представили своё новое альтернативно-историческое полотно «Алюмен», а также ответили на множество вопросов. В этом году тонкостей издательского дела не касались, но много говорили о вкусах, литературных приёмах, описании достоверности и другом. Не обошлось и без традиционного вопроса харьковскому дуэту: «Как вы пишете вдвоём?».

Этот же вопрос задавали и киевским авторам-соавторам Марине и Сергею Дяченко. Впрочем, уже скорее по традиции. Куда более были интересны сведения о втором фильме «Обитаемого острова» и новой книге «Цифровой». Увы, спойлеров не последовало, были только обещания увидеть и прочитать нечто небывалое, а также надежды на то, что увиденное и прочитанное поймут. Зал, вспоминая первый фильм «Обитаемого острова», был скептичен, однако тоже хотел верить в лучшее. Тем более что Марина и Сергей пообещали скорый выход сценария отдельным изданием. Аплодисментами было встречено весьма своевременное известие о присуждении евроконовской премии мультфильму «Театральный роман» — нет, не по Булгакову, но не менее гениальному. Просмотр мультфильма, без сомнения, развеял скептицизм зала: могут, могут снимать по Дяченкам замечательные вещи! А главное, как заметил Сергей, чтобы фантастика и любовь — штука, без сомнения, тоже фантастичная — были неразрывны.

Незаметно подошло время закрытия, на котором традиционно были вручены награды конвента. Кстати, впервые в истории «Портала» вручалась премия переводной книге.

Крупная форма: Дина Рубина, «Почерк Леонардо».

Средняя форма: Евгений Лукин, «С нами бот».

Малая форма: Мария Галина, «В плавнях».

Критика, литературоведение, эссе (книги, циклы статей): Светлана Бондаренко (сост.), «Неизвестные Стругацкие: черновики, рукописи, варианты».

Критика, литературоведение, эссе (статьи): Андрей Шмалько, «Реванш, погром, капут».

Книга на украинском языке: Василь Кожелянко (посмертно), «Чужий».

Переводная книга: Нил Стивенсон, «Смешенье».

Открытие себя (премия имени В. И. Савченко): Станислав Буркин, «Фавн на берегу Томи»

Солнечная машина: Эдвин Задорожный, директор Киевской книжной ярмарки «Мэдвин».

Премия имени Булгакова: Дмитрий Быков, Мирон Петровский.

Кроме того, на закрытие успел попасть гонец из Италии, вручивший Марине и Сергею Дяченко награду «Еврокона».

Завершился день фантастической дискотекой от двух замечательных диджеев — Дмитрия Громова и Бегемота.

«Портал», несмотря на все опасения, удался, пусть даже и прошел по сокращенной программе: три дня вместо четырех. Фантастический год начался успешно!

НОВОСТИ ПРО ВСЕ НА СВЕТЕ

##

Про Небьюлу

На очередной церемонии в очередном Лос-Анджелесе были вручены очередные премии Nebula, доставшиеся очередным счастливицам. Ими стали

- ✓ Урсула Ле Гуин с романом «Прозрение»
- ✓ Кэтрин Азаро с повестью «Пространственно-временной пруд»
- ✓ Джон Кессель с короткой повестью «Гордость и Прометей»
- ✓ Нина Кирики Хоффман с рассказом «Статусные жены»
- ✓ Эндрю Стентон и Джим Рирдон со сценарием к замечательному мульту «Уолл-И»

✓ Премию Андре Нортон за лучшее произведение для подростков получила Изабо С. Уилс за роман «Вызов Флоры»

Гранд-мастером стал замечательный писатель Гарри Гаррисон. Мэри Джей Энг названа Author Emerita. Кейт Уилхелм, Алгис Бедрис и Мартин Гринберг получили Solstice Award — свежее испечённую премию SFWA за выдающийся вклад в развитие жанра. Джоссу Уидону дали Премию им. Рэя Бредбери за не менее выдающиеся сценарии.

##

Про Tiptree Award

Совет премии объявил, что в 2008 году лучше всех рассказывали представителям разнообразных полов друг о друге в романе для подростков «Нож, что никогда не отпустит» Патрика Несса и сборник рассказов «Фильтровальное отделение» Ниси Шоул. Каждый из них получит по тысяче долларов, по созданному специально для победителя произведению искусства и, как уже давно повелось, немного шоколада.

##

Про Compton Crook Award

Пол Мелко написал первый роман «Кольцо сингулярности» и неожиданно для себя самого стал победителем среди новичков. На БалтиКоне в Балтиморе ему вручили премию Compton Crook и чек на 1000 долларов. Шоколада, правда, не дали, но я подозреваю, что ему всё равно очень приятно.

##

Про Премию им. Артура Кларка

Ее в этом году дали Йену МакЛауду за «Песню времени», ставшую, по мнению жюри, лучшим британским романом 2008 года. И премию отхватить хорошо, и приз тоже очень приятный — 2009 фунтов стерлингов.

Про Премию им. Филипа К. Дика

Её в этом году получили Адам-Трой Кастро за «Эмиссаров от мертвецов» и Дэвид Уальтон за «Исключительный разум». Про шоколадную составляющую премии ничего не сообщается.

Про Зал Славы фантастики

В этом году он пополнится портретами Конни Уиллис, Майкла Уилана, Фрэнка Пола и Эдварда Фермана.

Про дела отечественные

Что-то мы затерялись в глубоком зарубежье. Пора вернуться в более-менее родные пенаты.

С 30 апреля по 3 мая 2009 г. под Санкт-Петербургом прошел 20-й, юбилейный конвент.

Интерпресскон, совмещенный на этот раз с конвентом стран Балтии БалтКоном. Там тоже вручили много хороших наград.

Премия Бориса Стругацкого «Бронзовая Улитка» досталась

- ✓ Дмитрию Быкову за «Списанных»
- ✓ Алексею Лукьянову за «Глубокое бурение»
- ✓ Юлии Зонис за «Ме-ги-до»
- ✓ Анту Скаландису за «Братья Стругацкие».

Премии «Интерпресскон» получили

- ✓ Ян Валетов за тетралогия «Ничья земля»
- ✓ Евгений Лукин за «С нами бот».
- ✓ Аркадий и Борис Стругацкие за «Ведьму»
- ✓ Василий Владимирский за сверхкороткий рассказ «Второй шанс»
- ✓ Лучшей дебютной книгой стал «Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества» Ярослава Верова и Игоря Минакова (дебютант — только Игорь Минаков).
- ✓ Лучшей работой в критике/публицистике назван цикл статей «10 мифов о советской фантастике» Антона Первушина
- ✓ Художник-иллюстратор — Владимир Ноздрин (за сборник «Городу и миру»).
- ✓ Художник по обложкам Игорь Тарачков (за обложки журналов «Если»).
- ✓ Издательство — «Снежный ком» (Рига, Латвия).

Премия «Балткон» (за продвижение балтийской фантастики):

1 место: Эрик Симон (Erik Simon) (за перевод с русского на немецкий романа С. Витцкого «Бессильные мира сего»)

2 место: Евгений Вайсброт (за перевод с польского на русский серии книг А. Сапковского)

3 место: Наталья Банке (за перевод со шведского на русский романа Ю. Линдквист «Блаженные мертвые»)

3 место: Елена Первушина (за перевод с немецкого на русский романа С. Виттон «Звездная долина»)

Приехавший на «Интерпресскон» из Екатеринбурга председатель оргкомитета фестиваля фантастики «Аэлига» Борис Долинго вручил в торжественной обстановке два новых Ордена «Рыцарь фантастики» (Орден им. Игоря Халымбаджи «За заслуги перед фэндомом») — Борису Стругацкому (заочно) и Александру Сидоровичу.

Про «Заветную мечту»

21 апреля в Москве были объявлены имена победителей четвертого сезона национальной детской литературной премии «Заветная мечта». Победителями стали киевляне Марина и Сергей Дяченко. Их трилогия «Ключ от королевства» была признана лучшим прозаическим произведением для детей среднего и школьного возраста. Трилогия включает в себя романы «Ключ от королевства», «Слово Оберона» и «У зла нет власти».

Новости подготовила Марина Комиссаренко

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 4 (68), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: info@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» —
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табаква,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олер Калашник,
тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (032) 295-64-10,
e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm
Тираж — 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.
За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.